

Скрытая реальность ежедневно присутствует в людском обществе. Познание ее тайн помогает человеку не только обрести опыт существования в этом мире, но и сделать шаг в области исследования своей сущности... Очень многие так называемые болезни людей, внезапные депрессивные состояния, попытки суицида, несчастные случаи, убийства зачастую являются следствием проявления деятельности скрытых сил. Когда-то были и те, кто им активно противостоял, защищая людей на той стороне реальности. Чаша весов Добра и Зла — в руках самого человека. Все решает его эзоосмос...

Анастасия Новых

Эзоосмос. Исконный Шамбалы

Книга 1

Скрытая реальность ежедневно присутствует в людском обществе. *Познание* ее тайн *помогает* человеку не только обрести опыт существования в этом мире, но и *сделать шаг* в области исследования своей сущности... Очень *многие* так называемые болезни людей, внезапные депрессивные состояния, попытки суицида, несчастные случаи, убийства зачастую являются следствием *проявления* деятельности *скрытых сил*. Когда-то были и те, кто им активно противостоял, защищая людей на *той* стороне *реальности*. *Чаша весов* Добра и Зла — *в руках* самого *человека*. Все решает его эзоосмос...

Часть 1

Необычная рыбалка

Стояли теплые, последние деньки уходящего лета. Это время каждый человек, по достоинству оценивающий столь щедрую милость природы, старался использовать с максимальной пользой. Кто просто довольствовался созерцанием через окна своей квартиры картины солнечного дня вместо дождливого сюжета, часто бывающего в эту пору года. Кто-то спешил подышать свежим воздухом, прогуливаясь по тем немногим островкам зелени, которые чудом еще сохранились среди серой асфальтировано-бетонной композиции городской цивилизации. Ну, а самые отчаянные рвались на природу, дабы полноценно отдохнуть и набраться побольше сил и впечатлений на всю предстоящую долгую зиму.

Три машины, набитые желающими порыбачить на утренней зорьке, медленно ехали по лесной дороге, старательно объезжая ухабины и ямы. Водителем ведущего автомобиля был белокурый мужчина с белесо-русыми усами, на вид лет тридцати, среднего роста, спортивного телосложения. Друзья обращались к нему уважительно, называя Сэнсэем, так как он вот уже много лет возглавлял секцию по восточным единоборствам и славился своим мастерством в среде профессионалов, хотя основным родом его деятельности являлась медицина, в частности, вертебрология. Сэнсэй был достаточно неординарным, интересным человеком с обширным кругозором и неиссякаемым чувством юмора. Поэтому желающих отдохнуть вместе с ним даже на таком «тихом мероприятии», как рыбалка, оказалось, как всегда, более чем достаточно.

«Москвич» Сэнсэя несколько раз мигнул стоп-сигналами, и следующие за ним машины друг за дружкой остановились. Водитель бросил оценивающий взгляд на колею дороги, которая заканчивалась у широкой поляны, и с иронией спросил у рослого парня, развалившегося в пассажирском кресле:

— Ну, и куда ты нас завез, внебрачный сын Отечества?

— Я завёз?! — с усмешкой сказал Женя и тут же с хитрецей добавил: — Но... Сэнсэй, везёшь ведь ты, а я всего лишь указываю дорогу в светлое будущее!

Сэнсэй усмехнулся вместе с ребятами. А Женька, посмотрев по сторонам на заросли кустарников вдоль лесной дороги, на поляну впереди, шутливо произнес:

— Да, кажись, здесь.

— «Кажись», «кажись»! — уже не выдержал его друг Стас, сидевший на заднем сиденье с трехлитровым бутылем воды в руках, в котором плавала приманка для хищных рыб — рыбки-вьюны. — Уже солнце взошло. Самая поклевка! А мы все по дебрям твое четвертое «кажись» проверяем.

— Да я же вам говорил, я тут был два года назад, — со смешком начал оправдываться Женька и поэтично добавил: — Помню лес, поляна, речка... Место было классное! Рыбы немерянно! Вот такие плескались!

При этих словах он, пытаясь произвести впечатление, неправдоподобно широко развел руками, показывая размер рыб. Но размах его рук довольно-таки габаритной фигуры явно ограничивал салон машины, дабы изобразить более точные параметры водящихся в реке «монстров». Как шутят в народе, чем длиннее руки у рыболова, тем меньше веры его рассказам.

— Не свисти, Жека! Таких в природе не бывает, — пожеывая булочку, проговорил старший сэмпай Виктор — коренастый парень, сидевший рядом со Стасом.

— Бывает, бывает! Еще как бывает, — воодушевленно уверял Женька. — Ведь бывает же,

Сэнсэй? Скажи им...

— Отчего же не бывает? В наше время все возможно, — с улыбкой согласился Сэнсэй. — И такие, и с двумя головами, и с тремя хвостами...

Парни засмеялись, а Женька лишь наигранно обиженно махнул на них рукой:

— Э-э-э, чего с вами разговаривать... Вот поймаете такой бомбовоз, я потом посмотрю, как вы будете руками разводить.

С этими словами он деловито вышел из машины и пошел вперед осматривать проезд к реке, а заодно и окружающую местность.

— Стас, пройдишь-ка с ним, — предложил Сэнсэй, когда хохот в салоне более-менее утих. — Если место хорошее, остановимся здесь. А то мы с этим «прямым потомком Сусанина» точно будем до вечера кататься.

Стас кивнул и с осторожностью передал бутылку Виктору.

— На тебе ценный груз. Смотри, не слопай, обжора! — шутливо пригрозил он пальцем.

— Чего-то они какие-то вялые, — с иронией заметил Виктор, рассматривая этот «походный автоаквариум».

— А чего ты хотел? Их, бедных, уже стошнило от такой поездки, — в сердцах сокрушался Стас, который посвятил весь предыдущий вечер трудоемкому добыванию этого деликатеса для сома. — Шутка ли, первый раз в жизни совершают такое путешествие по суше, и надо же в экскурсоводах Женьке оказаться!

— Да, не повезло, — со смехом посочувствовал Виктор.

Стас вылез из машины и присоединился к Жене, уже почти скрывшемуся за поворотом.

Надо отметить, что публика в машинах собралась самая разнообразная. Виктор, к примеру, сидевший в «Москвиче» Сэнсэя, был следователем. Женька и Стас, помимо своего «пожизненного» времяпрепровождения в неустанных тренировках, так сказать, в «перерывах» зарабатывали свой хлеб насущный в автомастерской автослесарями. Руслан, четвертый пассажир в машине Сэнсэя, худой паренек среднего роста с чуть подкаченными мышцами, трудился на заводе обычным рабочим.

В следующей машине, называемой в народе «бобиком», за рулем сидел Володя — крепкий невысокий мужичок с волевыми чертами лица. А рядом его друзья-сослуживцы из спецназа, которым Володя руководил уже несколько лет. Их звали Богдан, Олег и Сева. Последнего именовали среди своих Сватом. Всех их выделяла военная выправка, а также своеобразная манера общения, какая бывает у людей, долго прослуживших вместе. Ну, а четвертым пассажиром, сидевшим возле Володи, был, как ни странно, человек из совершенно иной социальной среды. Еще не прошло и месяца, как Валера вышел из тюрьмы, где отсиживал свой очередной срок. Он был Володиным другом детства и соседом по площадке. По физическим параметрам Валера мало чем отличался от того же Севы или Олега. Обычный молодой парень, среднего роста, нормальной комплекции. Однако его лицо сохранило особый отпечаток жизни в зоне. В несколько суровом взгляде читалось недоверие, предостережение, даже какая-то скрытая угроза для любого, кто попытался бы нарушить его личное пространство.

В третьей машине — «Волге» — за рулем находился Николай Андреевич. А его пассажирами была молодежь, только что сошедшая со студенческой скамьи, Андрей, Настя, Татьяна и Костик. Вообще-то назвать сию развеселую компанию заядлыми рыбаками трудно, исключая, конечно, Николая Андреевича, скорее, наоборот. В ней было столько бурной энергии молодости, что, пожалуй, ни одна уважающая себя рыба не посмела бы приблизиться к подобным шумовым генераторам смеха, приколов и безудержной болтовни по разным пустякам. Таковую атмосферу, наверное, мог выдержать лишь психотерапевт (и то недолго), коим, кстати, и являлся Николай Андреевич. Но уж очень хотелось всем присутствующим в этой машине не

пропустить столь великолепного шанса вырваться с Сэнсэем хоть куда-нибудь. Вот они и напросились «в рыбаки», якобы в целях совершенствования своих рыбацких навыков и повышения уровня знаний об окружающей флоре и фауне.

Вот такая большая, разноликая компания с нетерпением ожидала возвращения своих ходоков Женьки и Стаса. Минут через десять эта внушительного вида парочка легкой трусцой прибежала назад с радостной вестью. Еще издали они стали знаками показывать водителям машин и их пассажирам, что место для рыбалки, наконец-то, найдено. При этом Женька пытался пантомимой изобразить, что рыбы там разных размеров ну просто завались. Причем ее величины воспроизводил, сопоставляя на ходу с различными частями тела друга.

— Есть! — на одном выдохе выпалил Стас, садясь вместе с Женькой в машину Сэнсэя. — Сейчас прямо и направо. Там удобный проезд к реке.

После томительного ожидания преодоления последних метров до долгожданной цели, машины выехали на лесную опушку, расположенную на берегу речки. Место оказалось действительно красивое. Река в этом месте делала извилистый изгиб. Поляну окружал хвойный лес, смешанный с лиственными породами деревьев. Воздух был наполнен ароматом хвои. Зеленая лужайка переливалась в лучах утреннего солнца яркими бликами игры света, отражающегося от бриллиантовой россыпи бусинок-росинок. И все это вместе с видом противоположного берега создавало просто обворожительную картину природы.

Песчаный берег, находящийся немного под уклоном, не был еще тронут грубым отпечатком сапога, что несказанно порадовало заядлых рыбаков этой большой, охочей до местной фауны компании. Удовлетворившись внешним видом места, все принялись наверстывать упущенное время. «Бывалые рыбаки» во главе с Сэнсэем, похватав свои рыболовные принадлежности, сразу отправились их устанавливать, да с таким азартом, словно до осуществления их рыбацкой мечты осталось всего каких-то десять секунд. Другие начали разбивать палаточный лагерь.

После, слегка позавтракав, почти вся компания разбрелась вдоль берега кто со спиннингом, кто с удочкой. Большинство благочинно уселись со своим рыбацким «арсеналом» на почтительном расстоянии друг от друга, тайно надеясь на удачный улов именно в своем облюбованном месте.

Береговой уголок дикой природы стремительно заполнился сплошной атрибутикой цивилизации. Попади сюда случайно какой-нибудь папуас из Новой Гвинеи, он бы, наверное, долго рассматривал все эти чудные предметы. А если бы ему еще и объяснили смысл каждой вещи, в том числе и различных супер-пупер рыбацких принадлежностей, то папуас точно бы дня три ухотывался над тем, как какому-то умному торговцу удалось одурачить столько людей, целое, понимаешь ли, племя. Но папуаса поблизости не было, и одураченный народ свято верил в то, что приобретенные им вещи помогут выманить из речки хитрую рыбу.

В «лагере» из мужской половины остался лишь Женька, и то потому, что его сеть безнадежно запуталась. Парень как раз был из той категории рыбаков, которые терпеть не могут сидеть долгими часами с удочкой в руках. Он любил, чтобы рыба ловилась сразу, и ее было полным-полно. Женька еще мог один на один погоняться за ней во время подводной охоты. По крайней мере, в этом был своеобразный спортивный азарт — кто кого изматает. Но сидеть без дела, созерцая воду с берега, было отнюдь не в его духе. Поэтому Женька всегда брал на рыбалку рыбацкую сеть — «путанку». С ней все донельзя просто: расставил сеть, загнал рыбу и вари себе на здоровье уху, сколько хочешь. Вот и вся «мокрая» работа. Посему, когда Женька обещал ребятам грандиозный улов, в принципе, он не сильно кривил душой, надеясь на свой беспроегрешный вариант. Однако вышла непредвиденная осечка. Вечером он не успел проверить дома сеть, а на прошлой рыбалке не слишком утруждал себя аккуратной упаковкой. Вот и получил неизменный результат. «Путанка» на сей раз полностью оправдала свое название,

безнадежно спутав грузики и поплавки. И как парень не старался, дело никак не сдвигалось с мертвой точки.

Но Женька был бы не Женькой, если бы впал в отчаяние или сделал вид, будто у него что-то не получается. По крайней мере, в присутствии женщин он себе этого не позволял. И свою длительную задержку в лагере во время самого активного времени утренней ловли он объяснял товарищам не иначе, как «чисто джентльменскими побуждениями», дабы своими каламбурными рассказами оказать «неоценимую помощь» девушкам в их нелегком женском труде — мытье посуды после набега такой «голодной оравы». Короче говоря, Женька и тут зря время не терял. Сидя на раскладном стульчике, он отчаянно сочувствовал девчатам:

— ... и это в наш-то технический век, когда космические тарелки бороздят небесное пространство, когда человек автоматизировал производство на девяносто процентов, эти хрупкие, нежные пальчики должны совершать бесконечное число двигательных актов над этим грязным, модернизированным человеческим корытом чревонасыщения, этим чудовищным инструментом, способствующим люблению плоти, живота ее, самолюбия...

В это время на той же условной лесной «дороге», по которой пробирались машины сей компании, показался джип и остановился возле въезда на поляну. Из него вышел худощавый мужчина. Его лицо, обрамленное светлыми волосами и жидкой, рыжеватой бородкой, имело слегка бледноватый вид. Камуфляжная рыбацкая одежда была несколько великовата, так что выглядела на нем, словно снятая с чужого плеча.

Женька прервал свою пламенную речь «для трудового народа» и устремил любопытный взор в сторону незваного гостя. Водитель джипа, ощутив на себе пристальное внимание, деловито засунул руку в карман брюк и, поигрывая другой рукой брелком от ключей машины, вразвалочку подошел к «Москвичу» Сэнсэя, багажник которого немного выступал на «проезжую часть».

— Ну, и чья это кляча развалилась тут на полдороги? — нарочито громко произнес незнакомец, пнув ногой пару раз по колесу.

Женька тут же вскочил с места и от возмущения едва не захлебнулся слюной, столько слов ему захотелось выпалить одновременно на одном дыхании в адрес непрошеного гостя.

— Эй, мужик, ты чего ногами расшвырялся?!

— Твоя, что ли, колымага? — с издевкой спросил тот.

— Моя, не моя, какая тебе разница?

Женька спешно подошел к машине Сэнсэя. Вытащив не первой свежести носовой платок, он сделал вид, что смахнул с нее последние пылинки. Продемонстрировав столь явную любвеобильность к отечественным авто, Женька принял угрожающую стойку рьяного собственника.

— А в чем, собственно, дело?

— Как в чем?! — возмутился водитель. — Поставил эту рухлядь посреди дороги и еще спрашивает в чем дело! Нормальным машинам проехать нельзя.

— Это вот этот трактор «нормальная машина»?! — в Женьке вмиг разыгрался пожар патриотических чувств. — Да на нем только в Африке носорогов гонять, а не на приличных славянских тропинках воздух портить! К тому же места здесь достаточно. Ничего не случится с твоим трактором, если сместишь немного к кустам его гусеницы.

— Ага, сейчас же, разогнался! А машину шпаклевать и красить ты потом будешь?

— А чего не покрасить, коли нужда такая будет? Я не только красить, я, если хочешь, и разрисовать ее тебе могу по полной программе. Родная япона мама не узнает! Ща, погоди чуток, за инструментом схожу...

И Женька развернулся в сторону палаток, словно намереваясь сиюминутно исполнить свои

обещания. Сделав несколько шагов, он застопорился и, состроив глуповатое выражение лица, обернулся и озадаченно проговорил:

— Слышь, мужик, тут в мою прямую извилину одна мысль пришла... А на кой тебе этот проезд сдался? Дальше обрыв. Место это занято. Нас тут много, шума столько! А рыба тишину любит. Других что ли мест себе не найдешь? Река вон какая большая.

— Как на кой?! Я рыбу здесь целую неделю прикармливал, разные ей блюда, как в ресторане, подавал. А вас тут налетело на прикормленное место...

— Дык, и я вроде тоже ей пищу возил! — сотворив уперто-нагловатое выражение лица, обрадовано воскликнул Женька. — Можно сказать, последний кусок хлеба от себя с боем отрывал и все ей, ей, проклятой чушуйчехостой! Да-а-а, — протянул он, — чай, вдвоем-то закармили ее в доску! Поди, лежит она нынче на дне речном, как свинья после обеда, лень задницу кверху поднять. А я-то думаю, чего она не клюет? А ее, беднягу, пучит...

Девушки, мывшие невдалеке посуду, негромко захохотали, слушая разговор.

— Слышь, мужик, а может, мы эту наглуую рыбу «продинамим»?

— Чего?!

— Я говорю, динамита ты случайно с собой не захватил? — с явной заинтересованностью нарочито громко спросил Женька.

Водитель улыбнулся щербатой улыбкой, не удержав серьезную мину перед такой пылкой речью этого чудака.

— Не боись, я ее и так достану.

Женька глянул на этот объект под названием «радость стоматолога» и сочувственно произнес:

— А ты, случаем, не знаешь, у рыбы инфаркты бывают?

Этот вопрос, видимо, выбил мужика из колеи придиричivosti, и он, пожав плечами, ответил:

— Не знаю. Наверное. Если сердце есть, значит, и инфаркты бывают.

— Тогда понятно.

— Чего тебе понятно?

— Да я-то думал, как ты ее доставать собрался!

— Тьфу ты! — дошло до мужика, и он беззлобно засмеялся вместе с Женькой.

Посмеявшись, водитель джипа проговорил уже более спокойным тоном:

— Ну, ладно, зови хозяина машины.

— Так я ж за него. Чего, не похож, что ли?

— Ты? — хмыкнул мужик. — Умом не вышел... и усами тоже.

Женька уже открыл было рот, чтобы поспорить насчет своего лучезарного интеллекта, но, услышав про усы, осекся и внимательно посмотрел на водителя.

— Зови, зови, — поторопил тот, наблюдая за Женькиной реакцией.

— А зачем он нужен?

— Нужен, и все тут. Что, я отчитываться перед тобой буду?

— Ну, смотри мужик, — шутливо предупредил Женька на всякий случай. — Сам напросился. Я хотел как лучше, безопаснее для твоей персоны...

С этими словами он двинулся в сторону реки и скрылся за береговым склоном.

Сэнсэй и Николай Андреевич сидели на какой-то коряге, очевидно, перевидавшей за свою долгую лежачую жизнь всякие виды второго «основного рабочего инструмента» рыбаков. Каждый держал по удочке и глядел на свой поплавок так, словно рыба вот-вот должна клюнуть. Женька спустился по песчаной насыпи. На его приход никто из любителей-рыбаков не обратил

внимания, столь велико было их сосредоточение на процессе ловли. Парень посмотрел на колыхающиеся в воде поплавки и задал извечный вопрос бродячего вдоль берега пешехода:

— Ну, как, клюет?

— Да так, мелочь долбит, — ответил Сэнсэй извечной фразой рыбака.

Женька еще немного постоял с тайной надеждой, что в его то присутствии начнется грандиозный поклев. Но, так и не дождавшись этого знаменательного события, возвратился к теме дня насущного.

— Слышь, Сэнсэй! Там какой-то борзой мужик тебя спрашивает. На джипе приперся. Весь такой на понтах...

Сэнсэй, не отрывая взгляда от поплавок, усмехнулся и с улыбкой спросил:

— Такой худой, с рыжей бородкой?

— Да.

— Та, гони ты его!

— Понял, — обрадовался Женька и шустро стал взбираться вверх по песочному склону.

— Эй, стой! — крикнул ему вдогонку Сэнсэй. — Я же пошутил... Это батюшка приехал.

— Батюшка?! — В несказанном удивлении Женька съехал по насыпи вниз. — Тот самый, про которого ты говорил, что к нам присоединится рыбачить?

Сэнсэй со смехом кивнул, глядя на растерянное лицо Женьки, и стал выходить из своей «рыбной засады».

Увидев друга, отец Иоанн (или как его с детства называл Сэнсэй — Ваню) тотчас преобразился. В нем было уже не узнать прежнего, придирчивого водителя джипа. Он стал в смиренную позу и принял многострадальный вид. Необыкновенно проникновенным голосом, делая ударение на «о», гость начал изливать свои жалобы и наставления:

— Да что же это такое на белом свете творится? Мало того, что я вас еле нашел и то с божьей помощью, так еще этот отрок лукавы и хулы мерзостные тут разводит. Дело чуть до рукоприкладства не дошло...

И далее отец Иоанн со знанием дела красочно расписал сюжет его встречи с Женькой, естественно, склоняя слушателей в свою пользу. А затем прочитал краткую наставническую проповедь о том, как нужно любить ближних. Сэнсэй с серьезным видом «внимал» трогательной речи отца Иоанна, кивая ему в ответ и поглядывая с укором на Женьку. Тот от таких слов батюшки даже как-то сконфузился. Кончики его ушей покраснели, словно у нашкодившего школьника. И когда парень, с помощью пламенных речей батюшки, был доведен до состояния тупого разглядывания травы под ногами, готовый провалиться сквозь землю от такого позора, прежде всего, перед Сэнсэем, отец Иоанн внезапно подозрительно затих. Женька сначала молчал, подавленный сокрушительным «обвинением», потом робко поднял «буйную головушку» и... увидел, как Ваню и Сэнсэй содрогались в беззвучном смехе. И тут до Женьки, наконец, дошел весь «сокровенный смысл» сказанного.

— Фу ты! — с облегчением выдохнул он.

Все трое раскатисто захохотали. На смех, как на живительную приманку, стали сходиться парни и девчата. Немного уgomонившись, Ваню тепло поприветствовал Сэнсэй и поздоровался за руку с остальными. Перейдя на свой обычный говор, он в шутку заметил:

— Нет, правда, я два часа вычислял ваши маневры. Мы вроде договорились в другом месте встретиться...

— Как мне объяснили, где находится то место, так я тебе и передал, — весело сказал Сэнсэй, кивая на Женьку.

— А-а-а, так это он тебе объяснял?! — воскликнул со смехом Ваню. — Тогда не удивительно, что вы здесь оказались. Тоже мне, Иван Осипович нашелся...

— Чего? Какой такой Иван Осипович? — не понял Женька.

— Сусанин, молодой человек, Сусанин. Свою историю стыдно не знать, — с укором промолвил отец Иоанн.

Вся компания закатилась в новом приступе смеха. Имя прославленного крестьянина Костромского уезда, который в 1613 году завел отряд польско-литовских интервентов в непроходимые лесные дебри, так и клеилось по жизни к Женьке, причем совершенно разными людьми. Но, похоже, парня это ничуть не смущало, даже наоборот, придавало ему некую гордость за своего исторического соотечественника. Женька притворно улыбнулся, находясь в центре всеобщего внимания, пожал плечами и комично произнес:

— Каждый может ошибаться. Мало ли в жизни чего происходит? Между прочим, девиз моих предков гласил: «Вся оказия жития по случаям и возможностям делится аккурат на две половины. Могёт быть, могёт и не быть».

Этими словами он вызвал новый шквал шуток и смеха в свой адрес.

Впоследствии, когда окончательно все разобрались, кто есть кто, и какое место занимает под солнцем, начался хлебосольный прием дорогого гостя. Пытаясь как-то реабилитироваться перед вновь прибывшим, Женька неестественно для своей шкодливой натуры засуетился, предлагая широкий ассортимент своих услуг. Помог припарковать джип возле «лучшего дерева на поляне», создающего, по его мнению, самую широкую тень. Заботливо поднес рыболовные принадлежности Ваню к кромке воды. Даже сам накачал его надувную лодку.

Пополнение рыбацких принадлежностей столь ценным средством передвижения на воде несказанно воодушевило всех присутствующих. Право «первой гребли», естественно, перешло к заядлым рыбакам. Вместе с Ваню они стали по очереди бороздить водные просторы в поисках рыбной поклевки.

Женька же, убедившись, что предмет его «пылкой любви с первого взгляда» отплыл на значительное расстояние, хитро улыбнулся. Глаза его вспыхнули озорным огоньком. Когда все уже были охвачены процессом утренней рыбалки, «потомок Сусанина» тем временем отправился воплощать свой выстраданный коварный замысел. Тем более что настоящей рыбалки, по его мнению, как таковой, в ближайшее время ему не светило из-за безнадежно запутавшейся сети.

Отыскав пустую баклажку, Женька со знанием дела сотворил из нее незатейливую брызгалку. Потом наполнил ее водой и отправился в продуктовую палатку, где щедро насыпал в баклажку сахарного песка. Тщательно разболтал свою «гремучую смесь». И выбравшись из «бункера», посмотрел с довольной ухмылкой в сторону лодки. Прогулочным шагом парень пошел к джипу. Обошел его, любовно осматривая этого иноземного монстра. Окинул взглядом окрестности. И, не обнаружив лишних свидетелей, с неописуемым удовольствием стал прокладывать сладкую водяную дорожку от муравейника, находящегося за объемным стволом «лучшего дерева на поляне», создающего блаженную тень (к которому, благодаря Женькиным непомерным стараниям, и была успешно припаркована машина), к ненавистному «трактору». Насвистывая под нос патриотический мотивчик, он с особым вдохновением облил колеса и нижние дверные щели джипа.

Об одном лишь сожалел парень: у этой сцены не было зрителей, чтобы по достоинству оценить выдумку и актерский талант исполнителя. Лишь птица, сидевшая неподалеку на высокой сосновой ветке, склонив голову набок, с любопытством наблюдала непонятную ее птичьей натуре суету наземного двуногого. Опустошив всю емкость, «отомщенный Сусанин» выдохнул с огромным облегчением и, словно преданный член Гринписа, с наслаждением стал наблюдать, как первые муравьи-разведчики с успехом преодолевали прочерченную им невидимую дистанцию. Настроение у Жени явно повысилось. Но на этом его шкодливый

энтузиазм не истощился.

Подождав, пока солнышко слегка прогреет воду, Женька решил заняться подводной охотой и поймать хотя бы одну стоящую рыбу. Окинув взором водные просторы в поисках рыбного Клондайка, Женька вновь остановил взгляд на дрейфующей лодке у противоположного берега, которая просто притягивала к себе, как магнитом. В ней уже с полчаса находился Ваню вместе с Виктором, который напросился в напарники порыбачить на удочку с лодки. И тут авантюрный ум Женьки посетила его неизменная «муза» — некая шикарная мифическая женщина, по словам парня, с неистощимым чувством юмора.

Распаковав свой увесистый акваланг, Женька, пыхтя от тяжести, понес его к камышам, не поленившись сделать крюк через лесные заросли, дабы остаться незамеченным. И в тот самый момент, когда парень увлеченно надевал акваланг, камыши подозрительно зашуршали. Среди них замаячила макушка Стаса. Его друг появился, как говорится, на самом интересном месте.

— О! А я думаю, куда ты пропал? Смотрю, взял акваланг и пошел в лес, подземным плаванием, что ли, решил заняться? Дай-ка, думаю, потешу свое око столь занимательным зрелищем.

— Еще чаво! — усмехнулся Женька. — Ишь ты, решил облапать мои светлые мысли своими грязными лапищами...

Перед появлением Стаса Женька как раз завершал в уме свою великую комбинацию по убеждению присутствующих рыбаков, что в этом месте водятся не просто рыбки, а рыбыны гигантских размеров, вроде акул. Его тешила мысль настоящего рыбацкого переполоха. Появление Стаса никак не входило в стратегические планы Женьки, поскольку давно известно: что знают двое, знает и свинья. Но в то же время ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим грандиозным замыслом этой смехотворной авантюры. И кто же, как не Стас, невольный свидетель его пожизненных приключений, оценит такой подводный спектакль по достоинству? Стас же, в свою очередь, сам скучал от такой неклёвой рыбалки. Поэтому, когда Женька изложил суть дела, друг его не только поддержал, но и изъявил желание принять самое непосредственное участие в подводном кипеше, дополняя Женькин план новыми изощренными подробностями. Притащив свое снаряжение на исходную точку, то бишь, в камыши, Стас надел акваланг и вместе с Женькой погрузился в воду, предполагая, что оба они остались незамеченными полусонной рыбацкой компанией.

Парочка подплыла на глубине к надувной лодке Ваню. В это время Виктор сидел возле кормы с удочкой в руках. Рыба здесь не то что не клевала, но, похоже, даже и не приближалась к его жирному червяку, с любовью выкопанному вчера в бабушкином огороде. Витя усиленно боролся со сном, пытаясь сосредоточить взгляд на монотонно колыхающемся поплавке. Но зрачки все чаще и чаще предательски сводились к переносице, и глаза сами собой закрывались, заманчиво сменяя однообразную картину речного обзора на сладкий, безмятежный сон. Лишь благодаря невероятным усилиям воли, не оставляющего в покое совесть осознание рыбацкого долга, Виктору периодически удавалось разомкнуть свои свинцовые веки.

Ваню сидел на другом конце лодки со спиннингом. Его рыбалка была более энергичной. Он непрерывно забрасывал блесну в реку — то тут, то там — не теряя надежды поймать хоть что-нибудь. Казалось, этому человеку вообще неведомы слова «усталость», «сон», «упадок настроения». Наматывая в очередной раз прерывистыми движениями леску на катушку спиннинга, Ваню скользнул взглядом по воде недалеко от лодки. Потом искоса посмотрел на кунающего носом Виктора и, загадочно улыбнувшись, предусмотрительно отодвинулся от края лодки. Он быстро смотал леску и, как ни в чем не бывало, стал увлеченно менять блесну.

В это время «диверсанты» уже находились в точно заданных координатах. Женька аккуратно подплыл к вяло подергивающемуся на удочке Виктора червяку и с силой потянул за

леску. Сонный Виктор от неожиданности чуть не плюхнулся в воду, инстинктивно вцепившись в удочку. Адреналин ударил в кровь чрезмерной дозой. Он, словно внезапный ураганный ветер, взбудоражил в человеческом «чердаке» всякий пылящийся там «хлам» в виде древних охотничьих инстинктов. Глаза Виктора вмиг округлились. И, напроць позабыв девиз рыбака «рыба любит тишину», он с азартом крикнул Ваню:

— Есть! Поймал, поймал!

Леска туго натянулась, согнув удилице в крутую дугу, и стала ходить по кругу. Виктор, не веря своему рыбацкому счастью, упорно пытался подтянуть ее к себе.

— Ого! Такая рыбища! Наверное, щука огромная, — хвастливо приговаривал он, сосредоточив свой восхищенный взгляд на пучине мутных вод.

Ваню изобразил непомерную радость за товарища и суетливо стал помогать ему советами, как лучше вытащить эту рыбину. На «корабле» разгорались рыбацкие страсти.

— Глянь, глянь, как водит! — опьяненный небывалой удачей произносил «счастливый рыбак». Виктор от волнения даже привстал. — Сетку, то есть... подсак, подсачек давай, сейчас я ее подведу!

В это мгновение леска резко потянулась к середине реки, и тут же последовал мощный удар по дну лодки. От этого неожиданного толчка Виктор, увлеченный погоней за «огромной щукой» вывалился за борт, не удержав равновесие. Чувство собственной безопасности перед такими речными монстрами мгновенно превысил рыбацкий инстинкт. Бросив удочку, Виктор с невероятной для себя скоростью взобрался обратно в лодку, чуть не опрокинув ее в панике вместе с Ваню. И если бы не своевременная помощь отца Иоанна, кто знает, чем бы это все закончилось.

— Ничего себе! Ничего себе! — словно заклинание, повторял Виктор, стуча зубами не то от прохладной воды, не то от страха. — Нет, ты видел? Ка-а-ак дала! Вот такая, наверное, не меньше...

При этих словах ручная рыбацкая болезнь принимала все большие размахи.

— Похоже на сома-сторожила, — уверял Ваню, выказывая всем видом свое возбужденное состояние любителя-рыбака.

— Сом?! Ничего себе! Не, ну ты видел, видел?! Их тут целая стая! Таковую удочку упер, гад!

— Угу, этот сомик эдак килограммов на шестьдесят потянет, — разжигал страсти напарник, налегая на весла. — С моим спиннингом мы точно с ними не справимся.

— Да, да, — поддержал его Виктор, тайно радуясь, что их лодка быстро удаляется от места его недавней «радости», закончившейся полным ужасом. — Надо взять леску помощнее, да крючки побольше...

Очевидно, от пережитого страха Виктора понесло в непрерывном словесном излиянии. Он на ходу стал придумывать невероятные схемы поимки этих рыбин.

На берегу горе-рыбаков уже ожидала наиболее любопытная часть рыбацкой компании. Побросав свои удочки, они в недоумении созерцали невероятный пилотаж Виктора в воду и последующий счастливый кадр «спасения утопленника», мгновенно перешедший в скоростную греблю его напарника к берегу. Обретя почву под ногами, Виктор окончательно осмелел. Он взахлеб стал рассказывать ребятам про свой почти удачный улов, а также о героической борьбе с этими речными монстрами в воде, где он чуть было не схватил рыбину за хвост... Как известно, самыми большущими из пойманных рыб всегда бывают те, что непременно сорвались с крючка в решающий момент схватки.

Нагнетаемые рыбацкие страсти и охотничий азарт, немало подстегиваемый Ваню, перекинулись на других. Все стали усиленно готовиться к поимке трофейных экземпляров. Кто тащил огромные крючки, кто — капроновые нити, кто — случайно захваченный с собой

большой алюминиевый финский подсак... Кто-то предупредил, что в воду лучше не заходить, потому что слышал трагическую рыбацкую историю про огромного сома, проглотившего целую собаку, якобы есть и сомы-людоеды. И далее последовал целый сериал различных «достоверных» случаев. После всех этих рассказов-страшилок народ стал дружно сооружать суперснасть, причем одну на всех.

Вано, как и положено, морально поддержал рыбацкую инициативу, но активного участия в реализации этого «проекта» принимать не стал. Любезно предоставив лодку в распоряжение энтузиастов, он присоединился к Сэнсэю и Николаю Андреевичу, которые мирно сидели вдали от суеты на своей облюбованной коряге.

— Что там за паника? — поинтересовался Сэнсэй у отца Иоанна.

— Да, — махнул тот рукой, — Сусанин твой Ихтиандром прикинулся. С приятелем недели акваланги и разыгрывают нас.

— А-а-а... Этот может и не такое отчебучить... Рыбная ловля вообще полезное дело... особенно для развития воображения.

Они посмеялись, глядя в ту сторону. К тому времени Женька и Стас, как ни в чем не бывало, подошли к ребятам. Они активно подключились к общей суматохе, подливая масло в огонь возбужденными речами и интенсивным жестикулированием.

Поимка чудо-рыбы длилась у молодой компании почти три часа. Парни поочередно пробороздили вдоль и поперек водный простор речки, пытаясь обнаружить «ценный улов» Виктора. В конце концов, все устали, изрядно измотавши свои силы и нервы, и практически разуверились вообще что-либо поймать.

Где-то после обеда тайна о «чуде-рыбе» была раскрыта донельзя банальным способом. И, главное, кем? Самым неподражаемым сценаристом-юмористом, тем, кто брал в камышах торжественные клятвы с других о неразглашении тайны чуть ли не «государственной важности»... Сначала все шло, вроде как по замыслу. Женька решил даже продемонстрировать перед зрителями-рыбаками свое мужество и героизм бесстрашного пловца. Вода уже достаточно прогрелась, но лезть в нее после всех рассказанных страшилок никто как-то не изъявлял особого желания. Один Женька с удовольствием предавался купанию, ныряя, как утка, в различных местах в поисках больших сомов.

Но в какой-то момент парень, находясь на глубине, вдруг отчаянно начал барахтаться в воде, словно утопающий. Сначала все подумали, что это его очередное дурачество. Но обычно подобное действие сопровождалось какой-то комической речью, оглашающей публике все «героические заслуги» обладателя сего тела. Однако сейчас Женька молча барахтался, периодически пропадая под водой. Стас первый кинулся на помощь. За ним, не раздумывая, в воду прыгнули Богдан и Сват. Обеспокоенная компания вновь повскакивала со своих насиженных мест. В это время Женьке, наконец-то, удалось освободиться от чего-то, и он с такой скоростью погреб к берегу, которая, наверное, не снилась даже чемпиону мира по плаванию. Пулей выскочив из воды, парень в ужасе обернулся и стал всматриваться туда, где чуть не утонул.

— Что случилось? — подбегая, спрашивали ребята.

— Сомы атаковали?! — в волнении допытывался Виктор.

— Да какие, блин, сомы! — на полном серьезе тараторил Женька. — То мы вас со Стасом разыгрывали. А сейчас действительно кто-то меня тащил на глубину. Такое цепкое, лохматое! Просто жуть! До сих пор вон мурашки по коже бегают. Я только одну ногу освободил, а оно своей клешней как ухватится за другую! Я поднырнуть хотел, а оно там, такое здоровое...

Сэнсэй, проходивший сзади компании, остановился, немного послушал, посмотрел на указанное Женькой место на воде. Обвел взглядом всех присутствующих, улыбнулся и пошел

своей дорогой за запасными крючками.

Толпа еще с недоверием внимала словам Женьки, как тот вдруг впал в молчаливый ступор. Взгляд его застыл на воде. Все посмотрели в ту сторону. Во вздымающей пучине появилось непонятное чудовище, обросшее длинной тиной. Оно стало медленно приближаться к берегу. Народ стоял, не шелохнувшись: кто из интереса, а кто и по природной слабости не мог сдвинуться с места. По мере того, как у этого «чудовища» стало появляться из воды человеческое туловище, и его верхняя часть освобождаться от тины, впавшие в ступор, начали проявлять первые признаки жизни. В конце концов, этот объект непомерного Женькиного страха окончательно «трансформировался» в Ваню, который, стряхнув с себя последний «клок» тины, окунулся в воду и, приглаживая волосы руками, со своей неизменной щербатой улыбочкой вышел на берег.

— Ну, как сомик? — насмешливо подтрунил он Женьку, и вся толпа покатила со смеху.

После этого случая никто уже не боялся лезть в воду. Парни грузно плескались в речке, начисто распугав даже мелкую рыбешку. Ваню активно поддерживал весь этот сумбурный энтузиазм молодости своим нескончаемым потоком шуток. Он так запал в душу Женьке, что тот не заметил, как сдружился с ним, перейдя на «ты», и нашел в его лице незаменимого напарника по своим «потешным делам». Практически все уже, бросив рыбалку, предались полноценному отдыху. Один Сэнсэй по-прежнему, как преданный рыбак, сидел со своей удочкой на берегу. Ваню с Женькой уже не вытерпели и, демонстративно подплыв к сэнсэевой удочке, начали по очереди дергать за леску, имитируя грандиозный поклев. Сэнсэй терпел, терпел их издевательства, а потом не выдержал и с улыбкой произнес:

— Если бы рыбалка так не успокаивала, я бы вас, карасей эдаких, уже давно бы «утопил».

Женька с оптимизмом выкрикнул ему в ответ:

— Рыба в воде не тонет!

На что Ваню тут же с иронией подметил:

— Слышишь, Ихтиандр, а ты ничего не перепутал насчет того, что не тонет в воде?

Над речными просторами вновь раздался уморительный хохот.

* * *

Когда компания после «водных процедур» блаженно растянулась на солнышке, к Сэнсэю подсел Володя.

— Что, тишина? — кивнул он на поплавок.

— Тишина, — с грустинкой промолвил Сэнсэй.

— Да бросай ты это неблагодарное дело, — с улыбкой посоветовал Володя. — По-моему, нормальной рыбы здесь отродясь не водилось.

— Э-э-э, нет... — с настойчивостью протянул Сэнсэй, однако после паузы, усмехнувшись, добавил: — Знаешь народную рыбацкую примету? «Хороший клев бывает либо до того, как ты начал ловить рыбу, либо после того, как ты уже смотал удочки».

— Точно! Так что сматывай удочки, как советует самый «честный» в мире рыбацкий народ, — со смешком предложил Володя.

Сэнсэй поддержал его шутку:

— Это ты тонко намекаешь на тот «закон природы», согласно которому честные люди не могут быть хорошими рыбаками?

Они оба рассмеялись, вспоминая распространенную рыбацкую байку.

— Хотелось бы хоть одну приличную поймать. А то с такой, — Сэнсэй показал на бутылку, в котором мирно плавало несколько сельдявок, — кот не пустит даже на порог.

Володя вновь усмехнулся и посмотрел в сторону леса. Оттуда вышел Валера и направился в лагерь, волоча за собой длинный ствол сухого дерева.

— О, Валера... Опять бревно тянет...

Сэнсэй оглянулся.

— Молодец. Дрова на вечер заготавливает в отличие от некоторых, — он недвусмысленно посмотрел на Володю, а потом проговорил, — в том числе и меня.

— Я ему предлагал искупаться. Да он все особняком от компании держится.

— Стесняется парень. Первый раз в новом коллективе. Никого не знает, кроме тебя.

— Это точно, — пробасил Володя. — Я, кстати, хотел переговорить с тобой по поводу него. Он парень неплохой. Судьба, конечно, у него тяжелая. Помочь бы, чтобы снова в проблемы не влез.... Мы с ним с детства вроде как дружим. Сосед мой по площадке. Раньше вместе и в спортзал бегали, и во дворе в одной компании были... Его родители на Севере работали, а Валерку бабушка воспитывала. Хорошая женщина. Ну, а когда его родки с Севера приехали на постоянку, ему как раз четырнадцать стукнуло. Тут и началась у него «развеселая жизнь». Отец запил, мать стал бить. Та, недолго думая, развелась. Вышла замуж за другого. А тот оказался ничем не лучше отца. Поменяла, что называется, шило на мыло. Только скандалов в семье прибавилось. Валерка психовать стал по поводу и без повода. И в тюрьму-то на первую ходку загремел по глупости. Ему как раз восемнадцать исполнилось. До призыва месяц не дотянул, мужика какого-то избил в уличной драке. Дали год. Вышел. Помыкался, помыкался... На работу не берут. А тут еще отчим каждый день на мозги капал, мол, не собирается содержать уголовника за свой счет. Короче, денег нет, а по молодости многого хочется. Ну, и загремел еще на трешку за «гоп-стоп». Вернулся, дома житья как не было, так и нет. Квартиру снять — тоже проблема. Да и связался с братвой. Ушел жить на другую квартиру в соседнем районе. Женится. Но и года не прошло, его в обмен пустили. Подставили, как дурака под статью, и пошел пацан, как лох по этапу... Хорошо, что «пятеркой» отделался. А пока сидел, жена от него ушла, родители погибли в автокатастрофе. Осталась из родных одна бабулька, и той уже сейчас под восемьдесят... Вот только освободился, еще со справкой гуляет... Короче говоря, жизнь у него была не сахар. А вообще он неплохой пацан.

— Да уж, неплохой... всего лишь три судимости, — усмехнулся Сэнсэй.

— Просто жизнь так повернулась. Я же его знаю сколько лет! Письма ему в зону писал, так сказать, морально поддерживал. Особенно последние четыре года мы часто переписывались. Пристроить бы его куда-нибудь, чтобы снова не сорвался... А то он парень слабохарактерный, неустойчивый...

— Неустойчивый, говоришь?! — вновь усмехнулся Сэнсэй и как-то странно посмотрел на Володю.

Тот засмутился.

— Нет, ну, мало ли, попадет снова под дурное влияние или еще чего ненужного сотворит...

— Ладно, что-нибудь придумаем.

В шутках-прибаутках незаметно подкрался вечер. Олег со Сватом начали разминаться. Эта «дурная привычка», ставшая для многих присутствующих уже физиологической ежедневной потребностью, заразительно подействовала и на остальных. У спецназовцев была немного другая, чем у сэнсэевых ребят, техника тренировки. Это породило обоюдный взаимный интерес у разминающихся сторон. Слово за слово — и парни стали делиться между собой накопленным «военным» и «гражданским» опытом. Незаметно дело дошло до мелких спаррингов.

В это время отец Иоанн, Сэнсэй, Володя и Николай Андреевич все еще пытались рыбачить, выдергивая мелочь, как они выражались «хотя бы на запах для ухи», и безутешно ожидая звона колокольчика с «дорожки», который по идее должен подать сигнал о крупной поклевке. Будь они глубокими стариками, их, конечно, уже ничего бы не интересовало, кроме удочки в руках и самого процесса ловли. Но в жилах ещё бурлила молодая кровь. Поэтому они все чаще и чаще оглядывались в сторону спаррингующихся, обсуждая между собой их технику и ошибки. Наконец Ваню не удержался и, оставив свою удочку на попечение Володи, пошел к бойцам.

— О! — усмехнулся Сэнсэй. — Раз батюшка проникся тренировкой, значит, сейчас начнется назидательный процесс. Пошли, посмотрим.

Когда они приблизились, отец Иоанн был уже в своем репертуаре. Во время спарринга Стас нечаянно разбил губу Женьке, когда тот в паре с ним пытался продемонстрировать Володиным ребятам интересный захват. Отец Иоанн хлопотливо засуетился вокруг Женьки, как заботливая курица над цыпленком, чуть ли не насильно прикладывая холодный компресс в виде смоченного водой носового платка. Женька в удивлении сначала отмахивался, мол, обычное дело, но под натиском уговоров отца Иоанна сдался. Эта сцена невольно привлекла внимание и остальных наблюдателей.

— Вот... вот... так всегда: при глупом разуме страдает тело, — растолковывал батюшка Женьке суть промаха. — Внутри тебя должна быть божья сила. Без оной телеса твои лишь прах, бесконечность страданий.

— Так бесконечность страданий на тренировках, в конечном счете, и приводит к «устойчивости положения тела во время боя», — с юмором ответил Женька, пытаясь встать с бревна «для прощтрафившихся и пострадавших».

Но батюшка, очевидно, не закончив свою поучительную проповедь, положил руку на Женькино плечо и вновь пригвоздил его к прежнему месту. Произносить свои наставления сверху вниз для отца Иоанна было гораздо удобнее, чем дышать в пупок этому почти двухметровому гиганту.

— Не скажи, не скажи... Главное в человеке — дух божий. Он, а не плоть суетная, есть истинный источник силы. На него надейся...

— ... а сам не плошай, — резво прервал отца Иоанна Женька, попытавшись опять встать.

Но Ваню вновь его усадил «железной» рукой. Батюшка покачал головой и посмотрел на подошедшего Сэнсэя. Имитируя стариковский голос, со своим излюбленным ударением на «о», Ваню промолвил:

— Не, ну молодежь-то какова? И поступки, и слова? Мы то были молодые, мы же так вот не дурили! А просили все совета: «Можно то, да можно это?».

Сэнсэй с Володей заулыбались, глядя на батюшку.

— Я же те, дурья башка, талдычу, что не на груди своих мышц надейся, а на дух божий, что внутри тебя, — продолжал поучать отец Иоанн Женьку. — Без него ты — лишенец, отщепенец плоти!

— Это я то лишенец?! Это я то отщепенец плоти?! — возмутился Женька и встал во весь свой дюжий рост супротив худощавого батюшки.

Комизм ситуации вызвал хохот наблюдавшей за происходящим компании. Ваню посмотрел

на огромный торс Женьки с накачанными мышцами, измерил его презрительным взглядом и, махнув рукой, произнес:

— Та, слабак! Разве это сила?! Это всего лишь надутый мешок с костями. Дунь на него — он и полетит. Вот я тебе сейчас покажу, что есть настоящая божья сила, накопленная таинством неустанных молитв.

При этих словах отец Иоанн поучительно поднял указательный палец. Потом принялся демонстративно оголять верхнюю часть туловища. Перед присутствующими предстало жалкое зрелище: худой, костлявый поп, словно недавно вышедший из Бухенвальдских застенков. На его теле отсутствовало даже какое-то подобие мышц. Под бледной поповской кожей просматривались лишь необычно толстые жилы, что делало его похожим на изголодавшуюся корову в хлеву нерадивого хозяина. Но на этот немаловажный факт, да еще на необычно широкие запястья и укрупненные суставы в локтях и плечах, мог обратить внимание только настоящий профи. А для остальных его вид скорее вызывал чувство жалости, жгучего желания поскорее дать этому недокормленному чуду природы хоть что-нибудь съестное. Даже Женька, который было завелся на поединок, увидев эти ходячие «мощи», что называется осекся и спустил пар.

Все с нескрываемыми улыбками смотрели на странного батюшку, призывающего испытать свою судьбу. Казалось, тронь его одним пальцем, он, бедолага, и рассыплется. Никто, то ли из сострадания, то ли из уважения, не решался приблизиться к отцу Иоанну, ставшему для всех другом всего за каких-то неполных двенадцать часов.

— Ну? — Батюшка, важно подбоченись, выжидающе стоял в гордом одиночестве. — Кто считает себя сильным? Выходите. Хоть два, хоть три, хоть восемь человек. Сила Духа — это великая сила. Она могёт и не такое.

Увидев сочувствие и жалость на лицах ребят, Сэнсэй пришел на выручку отцу Иоанну:

— Давайте, давайте, не стесняйтесь, маловеры. Раз батюшка глаголет, что «могёт», значит «могёт».

С его «благословения» народ немного зашевелился. Видя серьезный настрой Ваню на спарринг, Женька подошел к Сэнсэю и, не отыскав в своем лексиконе слов, чтобы разом выразить всё своё возмущение, протянул пару раз руку в сторону батюшки.

— Сэнсэй, ну, куда?! — наконец вырвалось из его жалостливой натуры. — Я же его ненароком и зашибить могу, грех на душу еще брать... У меня же удар...

И, не находя подходящих слов, Женька с силой врезал ногой «Йоко» в ближайшее дерево, объемом гораздо больше торса отца Иоанна. От мощного удара дерево содрогнулось, и сверху посыпались сухие ветки.

— Ну, куда?! — повторил он свой вопрос.

На что батюшка, оставшийся абсолютно равнодушным к демонстрациям Женьки, поповским голосом поучительно проговорил:

— Не в плоти, сын мой, сила духа человека, а в душе его. Иисус, вон, плюнул на смоковницу, плода не приносящую, она и засохла. А от твоих силенок только веточки посыпались.

— Ладно, — напыжился Женька, готовый доказать свою правоту в деле.

Ваню только того и надо было. Он оживился и, как зазывала на площади, стал подогрывать страсти публики.

— Кто еще хочет ощутить на себе силу внутреннего духа? Что, только он один? — указал батюшка пальцем на Женьку. — Один в поле не воин супротив такой силищи... Давайте, выходите ещё кто-нибудь, кто смелый... Настоятельно рекомендую проявить себя на полном серьезе, бо показываю первый и последний раз.

Парни заулыбались, восприняв его слова по-своему, и больше для смеха, чем для настоящего спарринга, стали выставлять свои кандидатуры против тощего батюшки. Сэнсэй же лишь загадочно усмехнулся, а потом предупредил не то в шутку, не то всерьёз:

— Смотрите, но помните: глаза обманывают. Батюшка любитель пошутить. Коли глаголет в такой форме, держите уши востро. Советую вам работать в полный контакт, — и с ноткой черного юмора добавил: — чтобы этот раз не стал для вас последним.

Наконец, человек восемь желающих поучаствовать в этом анекдоте, стали вокруг Ваню, обступив его на расстоянии двух-трех метров. Женька специально занял позицию напротив батюшки. С одной стороны, конечно, отцу Иоанну удалось распалить его на спарринг. Но, с другой стороны, парню искренне было жаль батюшку. «Он даже не догадывается, на какую силу нарывается, — рассуждал про себя Женька. — Трое спецназовцев, прошедшие горячие точки, да еще наши ребята. Ну, куда он лезет на рожон? Да его тут одним ударом сотрут в порошок... Одним ударом?!»

И тут Женьке пришла в голову «великолепная идея». Он решил сыграть в «благородного рыцаря» — первым напасть на Ваню и простым приёмом уложить его на землю, чтобы уберечь батюшку от ударов остальных нападающих и соответственно возможного «множественного травматизма». А лежачего, как известно, не бьют. Воодушевленный такой мыслью, Женька встал в боевую стойку, выказывая всем своим видом готовность. И, недолго думая, первым подскочил к Ваню, нанося в грудь удар кулаком, после которого (Женька в этом абсолютно не сомневался) батюшка окажется в считанные секунды на земле. Но не тут-то было!

Отец Иоанн свободно стоял, выставив вперед ногу. Но в момент удара его худое тело быстро и легко отклонилось в сторону, как перышко под дуновением ураганного ветра. Сокрушительный удар Женьки, несший в себе силу более стокилограммового веса парня, пролетел буквально в нескольких миллиметрах от груди шклявого батюшки. В этот момент жилы отца Иоанна необычно вздулись. И правая рука Ваню, словно пуля во время выстрела, вылетела в грудь Женьки, нанося раскрытой ладонью мощный ответный удар, чем-то схожий с ударом «колокольчика». Вопреки всем законам физики, тело «благородного рыцаря» с такой скоростью отлетело от костлявой руки батюшки, будто Женька столкнулся на полном ходу с железнодорожным локомотивом, нагоняющим суточное опоздание. Не успел еще «благородный рыцарь» приземлиться в заданном Ваню направлении, как остальные бойцы, стоявшие до этого с ухмылками, моментально отреагировали на контратаку Ваню. Вернее, отреагировал их мозг, годами натасканный на различные экстремальные ситуации. Подсознание молниеносно оценило обстановку и, тут же блокировав эмоции, включило рефлекс самозащиты для обеспечения собственной безопасности.

Стас находился справа, ближе всех к батюшке. Поэтому во время показательной контратаки Ваню его нога тут же вылетела в ударе «Моваши». Но почти одновременно, едва нога Стаса оторвалась от земли, отец Иоанн, присев, с ловкостью пантеры нанес левой ногой мощную подсечку по опорной ноге Стаса. Ноги парня подлетели, и он завалился на спину. Правда, сразу же автоматически совершил перекат на безопасное расстояние. Только потом Стас начал приходить в себя и оценивать происшедшее. В бой его тело явно не спешило, отходя от удара. Поэтому Стас имел возможность лицезреть грандиозный спарринг во всех деталях. Из соседних зарослей выкарабкался и Женька, восхищенные глаза которого тоже неотрывно созерцали сцену невероятного перевоплощения хрупкого батюшки.

В это время Ваню грациозно расправлялся с остальными. Его ноги поочередно мелькали в общем нагромождении движущихся тел. Трое из бойцов сразу после Стаса, с разницей всего лишь в пару секунд, вылетели за пределы общего круга, руководствуясь отнюдь не собственным желанием прочувствовать все прелести такого пилотажа.

Андрею пару раз удалось ловко уйти с линии атаки Ваню, но, возможно, потому, что она была направлена не на него конкретно. Окрыленный такой призрачной надеждой на возможную победу, парень предпринял яростную атаку. Улучив мгновение, когда лицо Ваню осталось открытым, Андрей со всей силой нанес ему прямой удар ногой «Мае Гери». Но тело батюшки моментально отклонилось назад, как маятник. Ваню тут же подбил рукой вверх летящую на него ногу, тем самым резко ускорив ее движение. И вместо того, чтобы дать «спокойно» приземлиться на спину потерявшему равновесие парню, Ваню поддал ему ногой под зад, да так, что тот, резко поменяв траекторию полета из свободно-вертикальной в принудительно-горизонтальную, как торпеда, полетел в кусты. Видно, уж слишком достал он батюшку своими «прыг-скоками».

Во время этого демонстративного полета оставшиеся Костик и Руслан, не сговариваясь, резво отскочили в сторону от отца Иоанна, не собираясь испытывать дальнейшую судьбу, на подобные мироощущения в состоянии невесомости. Отец Иоанн, оставшись вроде как не у дел, оглянулся и поманил их пальцем:

— Пожалуйста, будьте любезны...

На что те с улыбками ответили:

— Да нет уж, батюшка, спасибо. Мы с утра уже причастились...

Этими словами они вызвали всеобщий смех и соответствующее разряжение обстановки. Атмосфера вновь наполнилась неутомимым юмором и добродушными шутками, как отца Иоанна, так и тех, кто на себе испытал «божью силу» шклявого батюшки. Когда все бойцы приняли вертикальное положение и начали восхищенно обсуждать столь скоротечный бой, отец Иоанн вновь облачился в свою «камуфляжную» одежду. Подключаясь к разговору, он демонстративно поднял палец к небу и многозначительно промолвил:

— Вот видите, дети мои, какие силы нам дает вера божья, служение Господу...

Потом он улыбнулся и, покосившись на Сэнсэя, добавил:

— ...Ну и, конечно, долгие годы дружбы с Сэнсэем.

Толпа вновь отозвалась смехом, припоминая различные курьезы, связанные с «долгими годами дружбы с Сэнсэем».

После этого случая авторитет Ваню в компании стал еще выше. Особенно непомерно он вырос в глазах Женьки, который на радостях от незабываемого полета не знал, как лучше угодить батюшке. Он даже любезно предложил помыть его джип, превратившийся теперь в устах парня «в самую замечательную и самую практичную машину на наших дорогах». Мол, чего такому роскошному красавцу томиться грязному целую ночь вместе со спящим в нем хозяином. Лучше сразу привести его в надлежащее сверкающе-блестящее состояние. И глазу приятно, и легче дышаться будет. Отец Иоанн особо не сопротивлялся такому «чистосердечному» предложению Женьки и молча, правда, с хитровой улыбкой протянул ему ключи.

Первым делом Женька перегнал машину на новое место, якобы площадка там была ровнее, да и до речки близко. А потом с суетливой поспешностью побежал с ведром за водой, в сопровождении шуток да подколов ребят, типа «лакей попа», «на постриг чай готовишься». Но Женька, знай, только улыбался в ответ. Он с такой тщательностью и любовью вымыл джип, как снаружи, так и внутри, словно целый день только и мечтал о том, как бы помыть машину отца Иоанна.

Сгустившиеся сумерки уже почти перешли в ночь, когда компания утомилась в своих восточно-боевых страстях. Потеснее усевшись у костра после ужина, все с наслаждением растягивали удовольствие, медленно попивая душистый разнотравный чай.

Дул легкий ветерок. На небе россыпью сверкали звезды. Тепло костра, свежесть бодрящего соснового воздуха и завораживающая картина звезд создавали особое мироощущение, которое очевидно, возникает у многих людей, вырвавшихся из цивилизованной задымленомеханизированной коробки города на просторы живой природы. Приятно было сидеть в этой тихой ночи, непринужденно разговаривать и посматривать то на костер, то на сверкающее небо.

— Какая красота, — произнесла Татьяна, глядя ввысь. — Звезды такие яркие, такие притягательные...

Не успела девушка выразить свое впечатление, как в ее мир очарования влез Костик со своим неизменным логическим мудрованием.

— Это потому, что мы близко возле воды. Да и города со своей иллюминацией находятся далеко. Воздух разряженный. Поэтому звезды такие яркие.

Андрей хмыкнул и не удержался от сарказма:

— Ну, блин, у тебя и анатомия мышления! Будь здесь поручик Ржевский, он бы уже давно дрался с тобой на дуэли, причем рукою мастера прямо ногою по твоей морде. Тебе дама о звездах, а ты о воздухе разряженном.

Компания захохотала. Со всех сторон на Костика обрушился шквал шуток и анекдотов, которые тот еле успевал парировать своими любимыми афоризмами, порождая еще большую волну смеха. В конце концов, не выдержав такого словесного напора, парень в шутку накинулся уже на Андрея, зачинщика сего «шкандаля».

— Вот так всегда! Как сказал французский комедиограф: «И где он только меня не задел! Повсюду только я мишень его остроконечных стрел». — И, посмотрев с укоризной на друга, продекламировал свой излюбленный стишок, который зачастую применял тогда, когда хотел выйти из щекотливого положения:

— Я знаю, сударь мой, как вы красноречивы

У вас примерами набита голова.

Но, может быть, довольно? Позаботьтесь лучше о себе

И предоставьте вы меня моей судьбе.

— Ну, что тут скажешь? — развел руками Андрей. — Одно слово — дипло-мат! Отчего я его уважаю, что он так пошлёт в даль, что бежишь туда с превеликим удовольствием.

На что Женька, ухмыльнувшись, покосился в сторону батюшки:

— Да уж, такой вечерок, как сегодняшней, из кого угодно сделает искусного дипломата.

Все вновь захохотали. Когда же смех утих, возникла затяжная пауза. Народ вновь погрузился в молчаливое созерцание костра и ночного неба. Язычки пламени страстно выплясывали свой чарующий танец под мелодичное потрескивание сгорающих веток. От такой пылкости снопы искорок взлетали ввысь кружащимся вихрем, продолжая свои безумные «па» в пространстве темноты. И это делало их похожими на множество миниатюрных звездочек, живущих своим одним неповторимым мгновением.

Первым нарушил тишину Николай Андреевич, рассматривающий небесные светила.

— Звезды действительно необыкновенные... Как подумаешь, сколько миров вокруг нас, сколько галактик, которые живут своей отдельной жизнью, сталкиваются, разбегаются, разрушаются... Где-то происходят грандиозные катастрофы, где-то зарождаются новые формы. И вся эта жизнь постоянно кипит в такой огромной Вселенной. Как представишь эти невероятные массы, размеры, эти сумасшедшие скорости движения галактик в несколько сотен

километров в секунду, да и вообще весь этот гигантский процесс, невольно возникает вопрос: кто мы вообще такие на фоне этих миллиардов звезд? Так, даже не блик... И все же мы осознаем эту бурлящую жизнь. И не просто осознаем, а познаем и изучаем процессы сотворения жизни и гибели этих огромных объектов. Создается такое впечатление, что нам позволили посмотреть в замочную скважину мироздания, причем заглянуть туда одним глазом, как в микромир, так и в макро.

— А почему одним? — со смешком поинтересовался Руслан.

— Как почему? — с юмором произнёс Костик. — Чтобы удовлетворить наше любопытство в том, как живут другие. Это же вечный «квартирный вопрос»!

Николай Андреевич улыбнулся и сказал:

— Я думаю, если бы это было только «квартирным вопросом», нам бы не давалась столь подробная информация в формулах и числах, в дотошных подтверждениях для человеческого ума очевидного. Тут уместен другой вопрос: «Зачем?» Явно ведь для того, чтобы мы что-то поняли, что-то очень важное относительно себя, своей сущности, своей природы...

Отец Иоанн кивнул головой, соглашаясь с ним.

— Бог, наверное, потому не скрывает от нас свои замочные скважины, бо зная нашу природу, хочет, чтобы мы сами поглубже вникли в законы Его созидания, дабы на основе исполнения оных и нам, чадам Его, стать соучастниками Его совершенного творчества. В Библии есть такие замечательные строчки в соборном послании святого апостола Иакова в 1-й главе 25-м стихе: «...кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела блажен будет в своем действовании». — И закончив цитату, дополнил речь объяснением: — Блажен, бо суть правильно исполняющий.

— Да-а-а, — сначала задумчиво протянул Николай Андреевич, а потом оживился, что-то вспомнив, и обратился к Сэнсэю. — Кстати говоря, был у меня один уникальный пациент, астроном. Обычный депрессивный случай, ощущение одиночества по причине того, что жена ушла к другому. Так этот ученый довольно-таки занимательно выражал свое состояние, ассоциируя его с жизнью звезд. И главное, в нем присутствовало понимание, хоть и в своеобразном закамуфлированном виде, что одиночество является фактически иллюзией психики, ее вымыслом, поскольку объективно человек находится в окружении социума. И чувство одиночества возникает по большей части из-за неумения адаптироваться в нем. Все эти размышления астроном интересно интерпретировал на языке своей профессии. Он говорил, что если смотреть на звезду, то она тоже кажется нам одиноким объектом. На самом деле это всего лишь иллюзия нашего невооруженного глаза, потому что даже современные телескопы различают в такой звезде от трехсот до пятисот звезд.

— Та, это еще ерунда, — махнул рукой Женька со знанием дела. — Если в современный микроскоп посмотреть вот на этого... — Его палец двинулся в сторону отца Иоанна, но глаза вовремя встретились с недвусмысленным взглядом батюшки, что заставило Женьку резко сменить направление пальца в противоположную сторону, где сидел Стас. — На вот этого подозрительного субъекта, то чего там только не обнаружишь!.. Целая Вселенная всяческого содружества блох, микробов и различных мелкопакостных паразитов.

— Сам ты мелкопакостный паразит! — отпарировал с улыбкой Стас. — Это видно и невооруженным глазом...

Вся компания вновь зашла в приступе смеха. И когда веселье улгелось, Николай Андреевич продолжил:

— Ну, это лишь подтверждает, что звезды и люди во многом схожие творения. Все как в нашей жизни. Звезды, как люди, «живут» группами — скоплениями, в которых связаны между

собой силами взаимного притяжения. И, что самое интересное, у них, как и в человеческом социуме, чаще всего встречаются бинарные системы...

— Какие, какие? — переспросил Виктор.

— Двойные системы, — пояснил уже Сэнсэй. — Это как два солнца, которые вращаются вокруг общего центра масс.

— Да, — подтвердил Николай Андреевич. — Тот астроном рассказывал, что это очень стабильные системы... И кроме двойных, есть еще и трех—, четырех—, пятикратные звезды. Правда, их встречается меньше, чем двойных. Но и, конечно, особое внимание он уделил теме тройных звезд, сопоставляя это со своим случаем. Оказывается, тройные звезды не могут устойчиво сосуществовать. И знаете почему? Две звезды третье тело просто выбрасывают, а сами стабильно обращаются долгое время рядом.

— Естественный закон механики, — промолвил Сэнсэй, пожимая плечами. — Третье тело возмущает движение каждого из двух оставшихся и, как правило, ведет к распаду таковой системы.

— Удивительные законы и, главное, во многом совпадают с людским социумом, — проговорил Николай Андреевич.

— Это еще как посмотреть на тот социум, — со смешком вставил свое словцо Сват. — Особенно на троицу. Ежели в совокупности с женщиной — это одно, вопрос деликатный, не спорю. А ежели это мужская компания... У них порой такие стабильные системы получаются, особенно в процессе соображения на троих, что порой диву даешься такому взаимному притяжению. И, главное, вот какая оказия: соображают не на четверых или пятерых, а именно на троих, ни больше, ни меньше.

— А так соображать легче, образуется некая целостность ума, — подметил с усмешкой Богдан.

— Правильно, — подтвердил Олег и уточнил. — Четверо — это уже излишек, это уже на одного больше.

— Самое интересное, что там все то же самое, — смеясь вместе со всеми, Николай Андреевич указал на небо. — У них четырех—, пятикратные звезды тоже ненадежный коллектив. И распадается гораздо быстрее. Это не иначе как действуют одни и те же законы природы. У звезд подобные сожителства могут образовываться и распадаться много раз за время их существования. И звезда, как мне объяснил мой пациент, может постоянно менять своих партнеров. То есть, к примеру, в плотных звездных скоплениях звезда может до шести раз за свою жизнь перелетать в разные «компании»...

Женька лукаво глянул на отца Иоанна.

— Батюшка, это же небесное прелюбодеяние. Куда церковь-то смотрит?

Отец Иоанн сотворил «умное» выражение лица, посмотрел на звезды и поповским голосом объявил:

— На все, чадо, воля божья.

Чем вызвал смех у присутствующих.

— И то правда, — весело кивнул Николай Андреевич и вновь обратился к Сэнсэю. — В общем, у меня был не пациент, а целый кладезь психологических аргументов для наших депрессивных клиентов. Он меня так заразил своим сопоставительным анализом, что после бесед с ним я сам заинтересовался его наукой. Он мне книжки интересные приносил по занимательной астрономии.

Сэнсэй усмехнулся и в шутку спросил:

— Я не понял, так кто у кого был клиентом?

— Ну, иногда случаются и такие казусы в медицине, — со смехом поддержал его юмор

психотерапевт. — Знаешь, как у нас порой говорят некоторые доктора: «Иногда попадаетесь такой «талантливый» псих, что ты и глазом моргнуть не успеешь, как он легко введет тебя в свое положение».

Компания вновь взорвалась смехом.

— Так ты представляешь, что я вычитал в этих книжках?! — продолжал Николай Андреевич, увлечённо делясь своими впечатлениями. — Оказывается, в сложных звездных системах, состоящих из ста, двести, тысячи звезд, ситуация взаимодействия меняется кардинальным образом, совсем не так, как в простых скоплениях. Звезда уже не чувствует каждого соседа. Она чувствует общее поле и движется достаточно равномерно. То есть, влияние соседей как бы сглаживается.

— Такие устойчивые коллективы часто встречаются в галактике, — заметил Сэнсэй, как само собой разумеющимся.

— Вот! И я обратил на это внимание. Все как в человеческом обществе. Один в один психология масс! Ведь, по сути, масса нивелирует индивидуальность человека, то есть, во многих отношениях уравнивает совершенно разных людей и придает входящим в нее людям новые качества. Взять даже по Лебону. Какие главные отличительные признаки индивида в массе? Во-первых, анонимность, исчезновение сознательной личности. Во-вторых, преобладание бессознательной личности, снижение интеллекта и рационализма. В-третьих, ориентирование у масс мыслей и чувств в одном направлении. И самое главное — формирование у индивидов установки к безотлагательному осуществлению внушаемых им идей. Можно сказать, почти все, как у звезд.

Но это еще не все. Меня заинтересовали цифры, количество звезд в таких сложных скоплениях. Ведь в человеческом обществе наблюдается нечто похожее. И не только в человеческом, но и в животном мире тоже. У биологов есть интересные работы, связанные с темой психологии масс в аналогичном сравнении с поведением животных. Обработывая данные, ученые выявили оптимальную численность людского коллектива — не более ста пятидесяти человек. Причем эта цифра применима к самым разнообразным сообществам, начиная от племени охотников и собирателей и заканчивая церковными, военными, служебными коллективами. А началось все с наблюдения биологов за поведением павианов и шимпанзе, когда была установлена положительная корреляция между объемом коры головного мозга, в частности, лобной и височной доли, и численностью стаи животных...

— А что такое корреляция? — поинтересовался Виктор, не совсем понимая профессиональный язык Николая Андреевича.

— Ну, это соотношение, взаимозависимость... Так вот, в экспериментах наблюдали за обезьянами. Те жили группами, примерно по пятьдесят особей. Все члены стаи были знакомы друг с другом. Более того, они даже поддерживали разнообразные взаимоотношения: дружили, враждовали, заключали своеобразные союзы. Исходя из наблюдений, ученые произвели расчеты с учетом размера мозга хомо сапиенса и вывели эту цифру людского коллектива — не более ста пятидесяти человек! А также установили, что если сообщество разрастается, то люди начинают ощущать себя в нем чужими. То есть, по сути, они теряют способность следить за всем, что происходит внутри коллектива. Тот как бы, ну, обезличивается что ли, а затем распадается на отдельные группировки. И, главное, управлять таким коллективом становится практически невозможно. Значит, что? Необходимы помощники. Следовательно, автоматически рождается аппарат власти... Так что звезды и люди имеют много общего между собой.

— Естественно, — спокойно констатировал Сэнсэй. — Это мир материи. И ее законы распространяются как на микромир, так и на макро. Для материи характерна определенная разумная организация, определенные законы выживания и ограниченные сроки существования.

Материя начальна и конечна. Поэтому ничего нет удивительного в том, что звезды и люди так похожи друг на друга.

Сэнсэй взял немного хвороста и подбросил его в огонь.

— Да и не только люди, но и остальной живой мир. Вот возьмите, к примеру, хотя бы муравьев. Насколько у них тоже организована жизнь, их инфраструктура? Они создают новые колонии, каждый выполняет строго определенную функцию: одни добывают пищу, другие охраняют, третьи занимаются вентиляцией, четвертые создают новые шахты, пятые воюют. Есть среди них и мелкие воришки, и паразиты, нахлебники, есть и «рабовладельцы». То есть, та же иерархия, та же организация... Аналогичная ситуация и в галактиках, если посмотреть в масштабе. Вырывают друг у друга материю, планеты, «пожирают» друг друга, сталкиваются, разбегаются. Да и человечество ведет себя точно также... Даже в маленьком коллективе кто-то стремится быть лидером. Два лидера не уживаются. Это всегда конфликт.

— Это верно, — согласился психотерапевт.

— Так что материя есть материя. Но, несмотря на такую, скажем, обособленность, вся материя тесно взаимосвязана между собой.

— В смысле? — не понял Андрей. — Это что, означает, что я связан с какой-то звездой или каким-то микробом, живущим в далекой галактике?

— Да, — просто ответил Сэнсэй, подбрасывая в огонь очередную порцию веток.

Андрей вскинул брови от удивления.

— Знаком с таким понятием, как гравитационные поля? — спросил Сэнсэй Андрея.

— Ну...

— Их свойства далеко еще не изучены современным человечеством... А ведь для гравитационных полей характерны такие огромные скорости, что если сравнить с ними скорость света, то это будет равносильно сопоставлению движения самой современной ракеты с передвижением старой, немощной черепахи. Для гравитационных полей практически не существует понятия расстояния, зато есть понятие мгновенного перемещения. И именно благодаря общему гравитационному полю, основным элементом которого является частичка По, каждый атом на кончике твоего носа связан с каждым атомом солнца, других планет, звезд, и даже, как ты выражаешься, с атомом микроба, живущим в какой-то далекой галактике... Ведь материя, как таковая, есть гигантский организм, который постоянно видоизменяется, благодаря преобразованиям его энергий...

— Трудно, конечно, представить эту огромную бесконечность с сотнями миллиардов звезд в виде какого-то организма, — пробасил Володя, глядя в ночное небо.

— Что поделаешь, — промолвил Сэнсэй. — В нашей голове, например, тоже миллиарды нервных клеток, которые образуют практически свои галактики, вспыхивающие с момента рождения. Каждую секунду в головном мозге происходит около ста тысяч химических реакций. И если на это смотреть с позиции микросущества, какого-нибудь там кварка, который «населяет» одну из клеток, то для него мозг тоже будет казаться необъяснимой, непознаваемой бесконечностью. Это нормально... Наш разум очень ограничен. Да еще покоя не дает животное «Я» со своим эгоизмом, считающее себя «пупком» мировой эволюции, с таким неотразимым своим телесным видом. А, по сути, чем мы являемся для этого огромного организма? Всего лишь прахом давно угасших звезд.

— В каком смысле? — не понял Сват.

— В прямом, — ответил Сэнсэй. — Ты никогда не задумывался, что есть твой организм?

— Ну, как? Мышцы, кости, кровь...

— Глубже гляди, — по-дружески посоветовал Сэнсэй. — Это определенный набор химических элементов, который в среднем статистическом состоит из 65 % кислорода, 18 %

углерода, 10 % водорода, 3 % азота, а всего остального меньше 1 %.

— А кости?

— А что кости? Кости тоже сплошная химия, своеобразное «депо» минеральных солей. Тот же кальций, фосфор, магний. И еще около тридцати микроэлементов. Ну, и, естественно, та же вода, пресловутое H₂O. А теперь подумай, из чего состоят звезды, к примеру, в той же нашей галактике? Из тех же химических элементов, где одними из наиболее распространенных элементов является водород и гелий... Как я уже говорил, имеется общая масса материи. Благодаря определенным силам, наборам и комбинациям она преобразуется в различные материальные объекты. К примеру, из межзвездного газа путем конденсации постоянно образуются новые поколения звезд, а из присутствующей в нем пыли, того же набора химических элементов — планеты. Тот же свет звезд поддерживается чем? Выделением ядерной энергии в их ядрах в процессе синтеза тяжелых элементов, того же углерода, кислорода, азота, кремния, железа и так далее. Когда же звезды заканчивают свою жизнь, они возвращают в межзвездную среду большую часть своего вещества, обогащая ее при этом тяжелыми элементами. Обычно происходят гигантские взрывы так называемых сверхновых звезд, которые и производят практически все химические элементы.

— Что в таблице Менделеева? — осведомился Олег.

— Ну, скажем так, полной таблицы, включая туда и те элементы, которые на данный момент еще не открыты этим человечеством... И опять-таки выделенный газ вновь становится строительным материалом для новых поколений звезд, планет и жизни на них. Вот и получается, что то вещество, из которого образовалась, к примеру, наша Солнечная система, Земля и, естественно, мы, многократно использовалось в составе ранее существовавших звезд.

— Истину глаголешь, сын мой, — поддакнул отец Иоанн. — Потому в Библии и сказано, что Господь создал человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

— Совершенно верно. Поэтому, если человек растрчивает свою жизненную силу прану, то есть, «дыхание жизни» на свое Животное, свое материальное, к сожалению, прахом ему и быть в полном смысле этого слова. А если использует ее для роста своей души, здесь начинают действовать совершенно другие законы — законы духовного мира. Это не означает, конечно, что материя человека со временем не переработается на удобрение для земли. Тело — это всего лишь оболочка для созревания духовной субстанции. И как любая материя — оно смертно. Но если во время существования этой оболочки внутри ее происходит синтез силы мысли, души и «дыхания жизни», то рождается совершенно новое духовное существо, если хотите Личность вечности, на которую законы материи перестают действовать.

Сэнсэй умолк. И тут Валера, не проронивший за время разговора ни слова, неожиданно спросил:

— А что такое жизнь в истинном ее смысле?

Сэнсэй внимательно глянул на него и как-то по-простому сказал:

— Это всего лишь **эзоосмос — внутренний толчок энергии.**

После такого ответа все некоторое время молчали, очевидно, обдумывая услышанное. Потом Костик стал рассуждать вслух:

— Но если жизнь просто толчок энергии, то, по идее, ее должно быть очень много, и разумной в том числе. Но пока, к примеру, не обнаружено даже такой планеты, как наша, с необходимыми условиями для развития разумной жизни. Получается, мы и впрямь одиноки по своей разумности.

— Должен тебя «огорчить», — с иронией проговорил Сэнсэй. — Таких планет, как наша — миллиарды! И таких сидящих у костра и смотрящих на небо тоже миллиарды. Но это ни о чем не

говорит.

— Но почему же они с нами не контактируют?

Женька усмехнулся, вспомнив что-то смешное:

— А зачем им контактировать с такими «гумно-ноидами», которые живут в своем социальном «гумне» и постоянно «ноют» и «ноют»? Знаешь, какие слухи ходят? — Он наклонился вперед и заговорщицки прошептал, точно сообщая суперсекретную информацию: — Говорят, отсутствие контактов с Землей из Космоса окончательно подтверждает наличие в нем разумных цивилизаций.

Парни захохотали, глядя на такого специалиста по «гумно-ноидноидам».

— Нет, кроме шуток, — возразил Костик, поправляя спавшие на нос очки. — Какая может быть разумная жизнь в Космосе, если, по большому счету, там вообще ничего нет, пыль и тому подобное.

— Не только на других планетах, но даже в космическом пространстве есть разумная жизнь, — возразил ему Сэнсэй. — Понятно, что не нашей воздуходышащей формы, которой нужен кислород. Для жизни главное — это энергетический толчок, то есть эзоосмос. А давать толчок к жизни может, к примеру, тепловая энергия, те же энергии электромагнитных, гравитационных полей и так далее. И будет тоже жизнь, но другая, отличная от биологической. Это наше мышление просто привыкло думать, что строительными блоками живых организмов разумных существ могут быть только аминокислоты. И ничего, кроме этого утверждения, мы просто не хотим видеть и признавать. А что аминокислоты? В космосе этот «кирпич», разбросан повсеместно, ну и что? Это еще ничего не означает. Аминокислоты сами по себе — далеко не «дом», в котором поселены разумные существа. Этот всего лишь «кирпич», который еще нужно сложить в форму «дома».

— А как может еще выглядеть альтернативная жизнь? — недоумевал Костик.

— Ну, к примеру, есть разумные существа, с наличием соответствующего интеллекта, которые живут вне планет, в межкосмическом пространстве. Они заполняют огромные территории. Это одна из самых больших популяций разумных существ... То, из чего они состоят, даже материей не назовешь в человеческом понимании этого слова. В нашем земном сравнении их строение, так сказать, «клеток» (в которых нет и намека на аминокислоты), напоминает форму колбочек, таких цилиндриков. Но когда они совмещаются вместе, они меняют свою форму. Это разрозненные частицы. Их атомная структура намного организованнее и выше нашей... В своем естественном состоянии данное существо не очень длинное. Впрочем, это зависит от его «возраста». Их размеры могут колебаться от нескольких миллиметров до нескольких метров. Когда данное существо находится в состоянии покоя, оно распадается и сливается с внешним миром. А при перемещении оно просто организовывается, вот и все... В принципе, эти существа могут проникать на любые планеты.

— Что, и на нашу тоже? — удивился Руслан.

— Конечно. Только у нас их тяжело увидеть невооруженным глазом, разве только с помощью современных приборов. Потому что у них совершенно другие скорости... Они могут организовываться, могут распадаться на отдельные части, но в то же время продолжают при этом распаде существовать на энергетическом уровне, а при необходимости вновь собираться. Могут легко переходить в параллельный мир...

— Ну, если эти разумные существа есть, мы же должны как-то чувствовать их присутствие, — высказался Костик.

— Отнюдь. Мы с их скоростями просто не пересекаемся, потому и чувствовать их не можем. Но зафиксировать, в принципе, их движение возможно. Когда они заходят в нашу атмосферу, то в момент передвижения разрозненные группы их клеток сближаются. При

передвижении они напоминают нечто вроде продолговатого тела, вокруг которого навита спираль, напоминающая шток у ручной мясорубки. В этот момент их, очевидно, можно зафиксировать современными приборами, но должно быть сильное ускорение съемки и фокусировка на этих объектах. Ну, а другим способом... В принципе, они не выделяют никакой энергии. Получаемое тепло расходуют на себя. Можно еще увидеть их группы скопления, если проследить по спектру распределения тепловой энергии: за ними температура снижается, например, тех же солнечных лучей, поскольку идет процесс «поглощения».

Немного поразмыслив, Костик вновь задал вопрос:

— А за счет чего передвигаются эти существа?

— За счет скольжения по гравитационным полям. Они используют гравитацию для перемещений. Их движение похоже на вращение спиралей. Создается впечатление, что, к примеру, в нашей атмосфере, они как бы вращают воздух. Но на самом деле это не так. Это винтовое движение связано с нашими магнитными полями.

— А поймать его можно? — высказал свою «дикую идею» Андрей, в котором, очевидно, активно зашевелился первобытно-охотничий инстинкт.

— Поймать? — усмехнулся Сэнсэй. — Ну, это равносильно тому, что ты будешь пытаться поймать рыбу ободком невода без сетки.

— Почему?

— Потому что с этим существом выходит довольно занятная история. Наши межатомные, корпускулярные клеточные расстояния слишком велики, чтобы мы как-то смогли ощутить прохождение через нас этих существ. Мы для них, словно пустота.

— Это как понять? — поинтересовался отец Иоанн.

— Ну, как... Человек, вернее, его тело, по большому счету, что такое? Пустота. Если заглянуть в наш телесный микрокосм, то наши молекулы, атомы, электроны находятся на больших расстояниях друг от друга. И чем дальше будем углубляться в их деление, тем больше будет присутствовать пустоты. Пустота в человеке составляет около 97,7 %. В принципе, если убрать всю эту пустоту — то, все что останется от человека, образно говоря, пролезет сквозь игольное ушко... В данном случае мы не соприкасаемся с этими существами, потому что этому препятствуют два фактора: межатомные расстояния и ускорение во времени. Их эзоосмос, как я уже говорил, работает с другой частотой. Поэтому мы практически не соприкасаемся. Это парадокс параллели, который еще не описан и не изучен нашими физиками.

— Чего-то не совсем догнал, — проговорил Андрей.

— Мы, в своем существовании, движемся с определенной скоростью при определенном течении времени, — терпеливо растолковывал Сэнсэй. — Эти же существа потому и вездесущи, поскольку могут свободно ускоряться. Мы же себе так, как они, этого позволить не можем. Поскольку попросту не выйдем из своего времени, мы здесь ограничены. Ведь для перехода нужно... скажем так, ускорение энергетического потенциала внутри нас, чтобы мы перешли в другое время или параллель вместе со своим астралом, менталом и иже с ними. Вот на этом уровне должно произойти ускорение. Тогда, да, мы сдвинемся. Но опять же, как сдвинемся? Исчезнем здесь, а появимся в более ускоренном времени. Но когда мы появимся в том мире, попадем в принципе в аналогичную параллель. То есть, не исключено, что с теми же морями, небесами, солнцем, но очутимся в совершенно другом мире, который по жизни (по своим частотным характеристикам), не пересекается с нами. К примеру, на том месте, где у нас стоит современное здание, там может быть пустыня или лес.

— Да, мир гораздо богаче на жизнь, чем мы думаем, — произнес Николай Андреевич, — и далеко еще не познан нами.

— Конечно, далеко не познан, — согласился с ним Сэнсэй. — Человечество, можно

сказать, только из своего детского садика стало выходить, школьную дверь приоткрывать. Ведь сколько тут времени прошло, как интенсивно начали развиваться науки? Вон, чуть более 160 лет миновало, как изобрели трансформатор и электромагнитную индукцию, почти 60 лет назад расщепили атомное ядро, 30 лет назад появились компьютеры с пузырьковой памятью... Это же элементарные знания... и смешные сроки, учитывая возраст человечества! Это всего лишь первые шажки в познании разнообразного мира...

А форм жизней действительно очень много! Если люди успеют, то смогут изучить и парадокс параллели. Ничего там сложного нет. Необходимо всего лишь... Впрочем, не будем вдаваться в подробности. Короче говоря, ничего сложного нет, при развитии современных технологий это вполне реально — перейти в параллельный мир и там найти вполне разумную жизнь с соответствующим интеллектом. Зачем ее искать где-то на Марсе с его опасными для людей микробами, если она под боком? Жизни полно. По большому счету Вселенная — это есть сама жизнь, жизнь в самом обширном проявлении и разнообразии.

Вокруг уже давно опустилась ночная прохлада, оттого тепло костра становилось все ощутимее и приятнее.

— А выход в Нирвану, это что? — спросил Стас. — Это выход за пределы нашего временного цикла? Выход в другую параллель?

— Отнюдь. Это выход за пределы параллелей, за пределы времени и пространств. Это выход из материальных Вселенных... Ведь по сути, если разобраться, что такое жизнь в человеческой форме? Это временное пребывание духовной субстанции в чередующихся формах высокомолекулярных конгломератов материи. Скажем так, это своеобразная скорлупа для созревания внутреннего плода, коим и является душа. Этот плод в данной временно-пространственной скорлупе меняет лишь свои оболочки — тела. Духовно созревший человек, он не умирает, он уходит.

Человек, когда духовно раскрывается, осознает, кто он и куда попал. Наша Вселенная есть всего лишь одна из материальных параллелей. В ней также существует несколько параллелей. Все они интересны, все населены. И ничего здесь такого нет, это закономерно. Любая параллель в ней материальна и существует в своем времени, со своими скоростями, со своей разновидностью материи. А вот выход за пределы материи на духовный уровень... это гораздо круче. Это выход к Тому, Кто образовал частицу По, являющейся основой всякой материальной субстанции. Это выход в реальность Бога. И точнее сказать или объяснить очень сложно, поскольку мы ограничены нашим материальным разумом с его ассоциативным восприятием... В принципе, за рамками материального мира существует намного больше интересного.

Любой человек может перейти в реальность Бога, потому что в нем есть частица этой реальности — это его душа. Но парадокс в том, что из-за своей закомплексованности в материи разума, люди свою душу-вечное принимают за выдумку, поскольку почувствовать ее не могут, а те мгновения существования своей иллюзорной оболочки-тела принимают за реальность и считают это жизнью.

— Что-то я не совсем пойму, как это тело может быть иллюзией, если я его вполне ощущаю? — озадаченно спросил Валера.

— Твое тело — это всего лишь сфокусированная волна, которая получает короткий импульс в виде жизненной энергии праны. Время ее возникновения после импульса, время ее скоростного пробега до полного затухания — этот отрезок и есть то, что ты называешь жизнью. Это слишком скоротечный срок. Оглянуться не успеешь, как жизнь уже пролетела. Весь вопрос в том, как ты будешь использовать эту жизнь во время пробега, как потратишь силу того внутреннего толчка, который тебе дан?

— А как я ее могу рационально потратить, если события, которые происходят в моей

жизни, от меня не зависят? Что ни день, то новый «геморрой», сплошной гнет проблем.

— Запомни: все в тебе! Изменишься ты внутри, изменится и мир вокруг тебя. Материальные проблемы — это явление временное, своеобразное твое испытание... Ты не представляешь себе, насколько твоя мысль материальна и как она использует силу твоего внимания. Если ты отдаешь предпочтение своим плохим мыслям — какодемону, то, извини, сам виноват, что твой «геморрой» перешел в хроническую стадию. А если бы ты отдавал предпочтение хорошим мыслям, то есть, ежедневно стимулировал свой центр положительных мыслей агатодемона, ты был бы поражен своими внутренними переменами и тем, как мир меняется вокруг тебя, словно сам Бог обратил на тебя свой взор и пришел к тебе на помощь. Это непередаваемые внутренние ощущения Присутствия. Когда ты пребываешь в огромной любви ко всему тебя окружающему, когда даришь эту Любовь Богу, твоя душа, которая является Его частицей, просыпается. А когда душа проснется, поверь мне, изменятся не только внешние обстоятельства, изменишься в первую очередь ты. А изменишься ты, значит, откроется и совершенно другая реальность, откроются такие возможности, о которых ты и не мечтал...

Этот разговор, невольно заставивший всю компанию притихнуть, также внезапно прервался, как и начался. Когда Сэнсэй закончил говорить, наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием догоравших угольков. Все сидели молча, погруженные в таинственный мир своих мыслей. Пламя костра угасало, оставляя напоминание о своем былом существовании в красноватых трещинах раскаленных ею угольков, да и те, постепенно остывая, потухали, превращаясь в кучку пепла.

Было уже около двух часов ночи. Легкий ветерок давно утих. Рыба по-прежнему не клевала, поэтому и колокольчики не издавали ни единого звука. Сэнсэй глянул на свои часы с подсветкой и сказал:

— Ну, что, пока такая тишина, предлагаю немного поспать перед утренней рыбалкой.

Виктор засомневался:

— По-моему, если сейчас народ прикемарит, то вряд ли потом сможет встать в пять утра. Что тут осталось-то...

— Не бойсь, никто не проспит, я ручаюсь, — с хитровой улыбкой заверил его отец Иоанн. — Есть у меня замечательный будильник, который своим звоном разбудит весь наш палаточный «городок».

Сэнсэй глянул на друга и усмехнулся.

— Главное, чтобы твой будильник последнюю рыбу тут не распугал.

— Ну, этого я гарантировать не могу, — с иронией промолвил отец Иоанн.

На том и стали потихоньку расходиться, прибирая за собой раскиданные вокруг рыбацкие принадлежности.

Сэнсэй сматывал чью-то удочку, небрежно брошенную недалеко от бревна, где они сидели, когда подошел Валера. Он стал ему помогать распутывать леску, подсвечивая фонариком. Было очевидно, что парень хотел о чем-то спросить, но не решался. Сэнсэй, видя, что тот мучается, добродушно произнес:

— Ты что-то хотел спросить?

Валера несколько засмутился и после некоторой паузы сказал:

— Да... А Бог действительно есть?

Сэнсэй внимательно посмотрел на него.

— А ты готов услышать ответ? Он может перевернуть всю твою жизнь, — и, помолчав немного, добавил: — Если тебе просто эта тема интересна, то сейчас полно литературы, бери да читай. Вон, священник сидит, тоже неплохой собеседник.

Валера пристально посмотрел Сэнсэю в глаза.

— Для меня это не просто интерес. Я готов услышать ответ от тебя.

— Да, — утвердительно сказал Сэнсэй. — Бог есть.

* * *

Ночь медленно сдавала свои позиции, уступая место рассвету. Темноту сменила серость. Она точно подмастерье, ежедневно упражняющийся в живописи, сначала сделала легкий набросок очертаний общего плана картины природы, а потом тщательно принялась прорисовывать своим простым карандашом каждую мелкую деталь. Постепенно картина становилась все четче, тени — контрастней. Вскоре за работу взялся и сам художник — рассвет, окрашивая готовый эскиз разнообразной гаммой цветов. Птицы принялись исполнять привычный утренний репертуар, наполняя все вокруг гармоничным пением. И вдруг посреди этой дивной мелодии раздался такой сумбурный звук, похожий не то на рык, не то на рев разбуженного от спячки медведя, что напуганные птицы разом все умолкли.

А дело было так... Женька поежился в спальном мешке и проснулся от непривычного ощущения, будто его тело находилось в каком-то неудобном положении. Он попытался открыть глаза, но, к своему удивлению, увидел лишь непроглядную темень. Полусонный, ничего не понимая, он хотел повернуться на другой бок, мол, мало ли во сне пригрезится. Однако вместо его попыток вышло какое-то непонятное шевеление, словно Женьку что-то цепко сдерживало. Вот тут-то сознание в панике заработало, как говорится, на окончательное пробуждение. Внезапно парень понял, что руки его связаны, на глазах повязка, а спальный мешок в ногах туго чем-то перевязан. И, главное, ноги находились в подвешенном состоянии, а голова и верхняя часть спины упирались во что-то мягкое.

Сон у Женьки как рукой сняло. Он начал интенсивно извиваться, пытаясь освободить себя от такого неожиданного плена. С каждым движением его «подушка» под головой становилась все ниже и ниже, как будто проседала. Мало того, что-то мелкое и щекочущее стало ползать по лицу, шее и агрессивно кусать Женьку, как говорится, без разбору. Когда же парню наконец-то удалось связанными впереди руками сорвать с глаз повязку, неизвестно откуда взявшуюся во время его сладкого сна, и расстегнуть молнию спального мешка, то он увидел весь ужас своего положения. Спальный мешок в области ног был охвачен веревкой, да таким хитрым узлом, который при движении тела еще больше затягивался. Веревка же была привязана за толстый сук «лучшего дерева на поляне», а голова, как оказалась, опиралась на большой муравейник. Пытаясь освободиться, Женька невольно разворошил его верхнюю часть, и полчища крохотных воинов незамедлительно устремились на обидчика их родного дома. Парень замахал связанными впереди руками, пытаясь смахнуть с лица своих «вчерашних союзников», но только ухудшил свое и без того «щекотливое» положение.

В тишине дремлющей природы раздалась отборная трилогия и про «мать», и про то, по какому конкретно адресу и в каком направлении отправились бы те, кто додумался до такого прикола. Голос «ревущего медведя» переполошил весь лагерь, точно внезапная сирена ПВО. Сонные парни с очумелыми глазами от столь неожиданно прерванного сна повыскакивали, кто из палаток, кто из машин. Женька тем временем, проявляя изрядное мастерство по изворотливости, а также чудеса своего накаченного пресса, пытался освободиться от пут. Его мысли усиленно «грешили» не иначе как на проделку спецназовцев. Ну, кто еще так

профессионально мог завязывать столь диверсантаские узлы? Не батюшка же, в самом деле?! И уж, тем более, никто из своих, поскольку в сэнсэевой компании были совершенно другие люди и другие отношения.

Как ни странно, но первыми на выручку пришли спецназовцы. Освобождение Женьки сопровождалось такими бурными эмоциями с обеих сторон, что собрался весь лагерь. Подошли Николай Андреевич и Сэнсэй. Позже присоединился Ваню, и что интересно, вид у него был в отличие от остальных — как у свежего огурчика. Сэнсэю достаточно было взглянуть на своего друга детства, чтобы понять, что тут произошло. Он улыбнулся, тяжело вздохнул и, покачав укоризненно головой, отвел глаза в сторону. Пока Женьку со смехом снимали с дерева, как мишку коала, пока Володя с юмором доказывал ему, что его ребята тут ни при чем, все уже окончательно проснулись. Самое интересное, что на часах было уже ровно пять утра, то есть время «подъема», обещанное ещё вчера отцом Иоанном. На что сам Ваню поспешил отшутиться, оправдываясь чистым совпадением.

После того, как улеглась общая шумиха, и каждый занялся утренним моционом, Женька к своему несказанному удивлению в дополнение ко всем «прелестям» пробуждения, обнаружил в своем «сладком дремотнике» (спальном мешке) сахарный песок. И тут-то его осенило, кто являлся автором и исполнителем сего коварного замысла, этого непредсказуемого покушения на его дражайшую персону. Ни минуты не медля, Женька двинулся на «разборки». Деловито подбочившись, он бойко подошел к Ваню. Тот в это время сидел на корточках, налаживая снасть на берегу реки. Женька, правда, помня свой вчерашний полет, остановился на некотором расстоянии от батюшки.

— Так это ты?! Вот кто мне «сладкое утро» устроил! — обвинительно выкрикнул Женька, словно прокурор.

— Слушаю тебя, сын мой, — со своей неповторимой улыбочкой произнес отец Иоанн.

— Как ты мог?! Я ведь осознал свою вину, честно и добросовестно отмыл свои «грехи», а ты... Это же не муравьи! Это хищники! А если бы они залезли мне в уши, в нос?! Они ведь могли... они могли... — Женька не находил подходящие слова, чтобы выразить все свое возмущение. — Мозги мне съесть! Вот!

— Мозги?! — удивился отец Иоанн и добродушно добавил: — Не печалься, сын мой, тебе это не угрожает. А насчет отмытия грехов... — и тут в глазах Ваню мелькнул веселый огонек. — Ну, если ты настаиваешь...

— Я?! Да я...

Не успел Женька и вякнуть в ответ, как отец Иоанн с быстрым подшагом ловко перехватил возмущенно размахивающую руку парня и с легкостью перекинул его в воздухе, используя элементы боевого айкидо. Причем он умудрился так подбросить тело Женьки, что оно улетело в воду на пару метров от берега. Парень грузно свалился в реку, как увесистый мешок, сопровождая свое падение не только брызгами, но и целыми речными «цунами». Когда Женька в ужасе вынырнул, первым его восклицанием было:

— За что?!

Отец Иоанн усмехнулся и, как ни в чем не бывало, ответил:

— Вот видишь, сын мой, и я в долгу не остался. Отмыл ты водою святою с ног до головы.

— Инквизитор! Утопленник душ! Вода же холодная. Тут как в аду ...

— В аду?! Это ерунда, сын мой, по сравнению с настоящим адом. Ты себе не представляешь, что ожидает там некоторых барахтающихся «водоплавающих»... — с черным юмором стал пугать ужастиками отец Иоанн.

Вся эта сцена вызвала смех у наблюдавших. А Сэнсэй, глядя с кручи берега на взбаламученную воду, покачал головой:

— Ну вот, последнюю рыбешку распугали. Тоже мне, рыбаки...

* * *

Утро выдалось чудесное. Стояла хорошая, тихая погода. И все было бы прекрасно, да вот большая рыба по-прежнему не клевала. Отец Иоанн вместе с Женькой, хоть и постоянно журили друг друга, как заведенные, все же, как ни странно, вместе уселись рыбачить с берега. Вернее, уселся отец Иоанн. А Женька, от нечего делать, стал помогать ему, насаживая рыбные «деликатесы» на крючок. Он так проникся своим занятием, что даже проявил незаурядное творчество в этом деле, понатаскав из леса различных жучков, паучков, склизких личинок. Чем они только ни прикармливали рыбу, щедро бросая в воду различную приманку, однако результат оставался неизменным. Клевала одна только мелочь. Волей-неволей, но в это утро они действительно устроили рыбе праздник желудка, обкормив ее самыми изысканными лесными лакомствами. В конце концов, дело кончилось тем, что Женька вместе с отцом Иоанном устроили торжественное отпущение «грехов» всем пойманым маленьким рыбкам. Прочитали им напутственную речь, как не попадаться, если на их жизненном пути вдруг в пучине вод появятся крючки с бесплатной приманкой, а также как нужно в тяжких трудах добывать себе корм на день насущный. И потом, под торжественное насвистывание Женьки какой-то веселой песенки, отпустили рыбок с миром обратно в речку.

Охладев к рыбной ловле, Женька и отец Иоанн стали придумывать розыгрыши над другими рыбаками, чем окончательно достали всю компанию. А когда им надоедало это дело, они начинали сочинять приколы относительно друг друга. И, естественно, особенно отличался в выдумке отец Иоанн. Благодаря его стараниям, Женька весь день находил в своих бутербродах и другой еде муравьев, незаметно подложенных Ваню. В общем-то, несмотря на их «межличностное противостояние», они полностью дополняли друг друга. Сэнсэй даже шутливо прозвал их «двумя половинками души Эзопа». Наверное, древнегреческий юродивый раб-баснописец долго бы смеялся в своем VI веке до нашей эры, если бы ему кто-то рассказал о столь непредвиденной реинкарнации его души в далеком будущем.

День пролетел в мгновение ока. Еще в обед, следуя примеру Валеры, вся компания стала дружно собирать ветки для костра, незаметно для себя очистив лесную территорию, прилегающую к поляне, от этого «мусора». В результате сухих веток и бревен натаскали целую гору. После обеда лагерь несколько опустел. Спецназовцы вместе с Володей решили обследовать местность вдоль реки в поисках рыбных мест и обещали вернуться нескоро. Валера же изъявил желание остаться в лагере.

Очевидно, Володины ребята сильно увлеклись рыбной охотой, поскольку лагерная компания уже заканчивала ужинать, а их все еще не было. Валера даже решил пройти вдоль берега в поисках Володи в том направлении, куда ушли спецназовцы, а заодно и проверить дальние «дорожки» на предмет поклевки. Об этом он и сообщил Сэнсэю. После ухода Валеры Женька гордо заявил по поводу пропажи целого «отряда»:

— Вот! Меня не взяли, поэтому и заблудились.

На что Ваню сразу заметил:

— Без тебя у них как раз больше шансов вернуться обратно.

Женька состроил комичную улыбочку, и ребята в очередной раз покатались со смеху от его клоунады.

Кстати, ещё во время ужина Женька вновь рассмешил присутствующих скрупулезным досмотром своей еды, проверяя, как на таможне, чуть ли не каждый сантиметр поглощаемой пищи. К его счастью, «вражеских диверсантов» там не оказалось. И сейчас, к чаю, он даже несколько расслабился. Парень победоносно глядел на сидевшего напротив Ваню, мол, мы тоже бдим. Когда Женьке подали кружку чая, он решил пить его даже без сахара, чтобы не попасться на очередную уловку отца Иоанна. Приняв от Насти кружку ароматного, горячего напитка, он заметил в своем стакане плавающие чайники и с улыбкой мягко проворковал:

— Так, девочки, кто заваривал чай? Нужно было покруче кипяток сделать. Вон, вся заварка плавает.

— Ты чего, Жека? — удивилась Татьяна. — Чай в пакетиках.

После этих слов улыбку Женьки как корова языком слизала. Он стал внимательно рассматривать свои «чайники». Стас тоже с любопытством заглянул в его кружку и со смешком констатировал:

— Да муравьи это, муравьи.

— Ё-ёшкин кот! Но как?! — Он твердо был уверен, что девочки на такую провокацию точно бы не пошли. Женька в удивлении глянул на плутоватый взгляд Ваню и только тут заметил стоящий рядом с ним чайник. — Блин! Гринписа на тебя нет! Международная конвенция по тебе плачет! Безобразия, я буду жаловаться в Организацию Объединенных Наций! Я письмо напишу Папе Римскому!

Женька юморно возмущался ещё добрых полчаса, оглашая вслух приблизительный текст своих «жалоб», каждая из которых непременно сопровождалась уморительными комментариями Ваню. От шуток этой парочки у некоторых присутствующих даже животы разболелись от столь продолжительного нескончаемого смеха. Хорошо, что в процесс сочинения «официальных писем» вовремя вмешался Николай Андреевич, решивший более рационально использовать время для разговора с Сэнсэем. Тем более, что можно было более открыто поговорить о темах насущных, так сказать, в отсутствие «посторонних лиц». Присутствовал, правда, Ваню, но он лишних вопросов не задавал. Да и сам Сэнсэй не стеснялся при нем свободно говорить обо всем. Николай Андреевич, подождав, пока народ просмеется после очередной шутки, тактично начал направлять разговор в другое русло.

— Нет, действительно, что-то спецназ запропастился.

— Наверное, клёвое место нашли, если даже от ужина отказались, — сказал Виктор, поглощая одно печенье за другим.

— Да, если рыба клюёт, забываешь обо всем на свете. Полная протрация во времени, — пошутил Николай Андреевич. — Кстати, о времени. Все хочу поподробнее об этом тебя расспросить, — обратился он к Сэнсэю. — У меня сейчас часто бывают периоды, особенно после медитации, когда понятие времени на субъективном уровне практически исчезает. Наступает такой эффект... я бы сказал, кристально чистого состояния сознания. Колоссально повышается работоспособность. Такое впечатление, особенно когда после медитации работаешь с бумагами, словно у тебя под рукой, вернее, в голове, целая библиотека, и вся необходимая информация легко всплывает на поверхность сознания.

Вообще-то феномен времени меня давно интересует как таковой. И вопросов назрело много. Ну, с официальной частью все понятно: в науке время используется в качестве единицы измерения определенных периодических процессов. Понятно, что в философии — это состояние материи, форма последовательной смены явлений. Ясно, что оно неразрывно связано с пространством. И что универсальными свойствами времени является длительность, неповторимость и необратимость, а свойства пространства — протяженность, единство прерывности и непрерывности. Все это вроде понятно... Но, по большому счету... По-моему,

существует огромная разница между тем, как мы измеряем время, и как его проживаем на самом деле. У меня создалось впечатление, будто в нашем сознании присутствуют сразу несколько восприятий времени, борющихся за право своего голоса. Одно — научное, которое пытается обосновать точность и количественное выражение временных правил. Другое — социальное, которое стремится эти правила нарушать. Третье связано с эффектом субъективного восприятия времени, например, во время медитаций. Четвертое поражает своими феноменами в стрессовых ситуациях. В связи с этим у меня к тебе целая серия вопросов. Но вначале я все-таки хотел бы узнать, что представляет собой время в действительности?

— Время? — Сэнсэй покачал головой и промолвил. — Большую тему затрагиваешь... В принципе, ты правильно заметил, время — это довольно относительное понятие для человеческого ума. Если рассматривать его в действительном своем проявлении, то время можно разделить на глобальное время, или его еще можно назвать объективным временем, и индивидуальное для человеческого сообщества или субъективное время. Под глобальным, то есть объективным временем, подразумевается промежуток времени, проходящий от появления до полного исчезновения материи в масштабе Абсолюта. В этом понятии время течет стабильно. Индивидуальное же время для человеческого сообщества, то есть субъективное, проявляется во множестве определений. Оно нестабильно. И по большому счету, так или иначе, подчинено законам объективного времени. Чтобы тебе легче было понять, что к чему, рассмотрим сначала понятие глобального времени. Ты совершенно верно отметил, что время и пространство являются неотъемлемыми характеристиками материи. Время, как и пространство, еще очень плотно связано с гравитацией...

— С гравитацией? — удивленно переспросил Николай Андреевич.

— Да. **Время, пространство и гравитация – это свойства энергии частички По. Именно энергия По, являясь составляющей аллата, есть первопричина зарождения и существования материального мира. И именно внутренний толчок вперед энергии По породил время.** Сегодня время можно определить как огромную энергию при огромной плотности... И время, и гравитация, и пространство присущи всему материальному миру. В нематериальном мире, или энергетическом, духовном, реальности Бога, как угодно это называй, вообще в том мире за гранью, понятия времени, пространства и гравитации вообще отсутствуют.

— А что есть там? — поинтересовался Виктор.

— Понимаешь, логически объяснить, что есть там, за гранью, в принципе невозможно. Почему? Потому что мозг человека материален, он ограничен. И мысли его, хоть и более тонкая структура материи, но все же материя. Почему во все времена духовные учителя всегда говорили людям: «Верь»? Потому что сознание человека не может полноценно воспринять тот мир. Оно может без сопротивления либо поверить, что называется чистой верой, если человек включает свой агатодемон; либо принять в качестве гипотезы, если человек колеблется между своими положительными и отрицательными мыслями; либо посчитать все это фантастикой, если человек находится на волне какодемона, когда присутствуют множественные сомнения... Но то, что есть за гранью, вполне реально прочувствовать на внутреннем уровне. Для этого нужно достичь определенной степени духовного совершенства.

— А Шамбала тоже находится за гранью, в безвременье? — спросил Стас.

— Да. Поэтому там нет ни прошлого, ни будущего в нашем понимании.

Николай Андреевич воспользовался паузой и попытался вновь вернуть разговор в русло интересующей его темы о времени.

— А существует зеркальное отражение мира? Ведь если оно есть на самом деле, то можно говорить о физической роли направленности времени, как в одну, так и в другую сторону. По

крайней мере, доказательства вещества и антивещества уже найдены. И я думаю, если будет доказано существование зеркального эффекта, то вполне реально создать и машину времени.

— Машину времени? — усмехнулся Сэнсэй. — Могу тебя заверить, что эти предположения так и останутся предположениями, не более.

— Но почему?

— Потому что машину времени для материальных объектов создать нереально. Поскольку любая материя однозначно не может перемещаться во времени. Объясняю почему. Время в материальном мире течет одновекторно, то есть в одном направлении от момента проявления материи до момента ее аннигиляции, то есть исчезновения. Ведь материальный мир подвержен одному и тому же стабильному временному циклу — объективному времени. Понятно, что материальный мир многообразен, в нем существует множество параллелей. Однако все эти параллели находятся всего лишь на разной частоте, но... в одном и том же глобальном времени. То есть переместиться туда в пространстве ты сможешь. Мгновенное перемещение в пространстве для материальных объектов вполне реально. Но ты переместишься на другую частоту в тот же глобальный момент времени.

— Подождите, как это? — не понял Андрей. — Тут даже из одной точки земного шара в другую перелетаешь на самолете, и то разница во времени.

— То, о чём ты говоришь, это относится к понятию субъективного человеческого времени. Это мгновения. О них мы еще поговорим... Кстати, о мгновении. По большому счёту глобальное время жизни материального мира со всем его многообразием, по сути, есть всего одно мгновение, не более. Для нас оно растянуто в миллиарды лет. А по факту это время крайне ограничено. Бесконечность же и вечность в истинном своем проявлении присущи лишь той стороне, за гранью, то есть реальности Бога, но отнюдь не материальному миру. Материальный мир для той стороны — это как определенная вспышка, имеющая свое начало и конец. Материальную жизнь можно образно сравнить с каплей воды, попавшей на раскаленный песок в пустыне. Не успела она появиться, как тут же мгновенно исчезает, испаряется. Хотя на самом деле она всего лишь переходит из одного состояния в другое. Но её мгновения пребывания на песке, к примеру, для того же электрона, находящейся в ней — это целая жизнь в «бесконечной Вселенной».

— Значит, антивремени, как такового, не может быть вообще? — уточнил Николай Андреевич.

— Совершенно верно.

— А как же существование частиц и античастиц?

— Это не нарушает закона материи. Они ведь существуют в одном и том же времени. Античастицы и частицы имеют те же величины масс и других физических характеристик. Просто некоторые их характеристики, к примеру, электрический заряд или магнитный момент противоположны по знаку. Вот и все. Даже то, что откроют в будущем ученые, если то будущее, конечно, настанет для этой цивилизации, будет связано с изменением частоты, как таковой, но не общего времени.

— Ну, хорошо, а как же тогда то, что человек в процессе реинкарнации может попасть в любое земное время, в том числе, и в прошлое? Это, в общем-то, противоречит твоим словам.

— Здесь нет противоречия. В этом и заключается человеческий парадокс. В человеке присутствует душа, то есть вкрапление извне, из мира реальности Бога, закапсулированная в материи. В принципе, по всем понятиям она и является истинной антиматерией. Все остальное, что люди называют «антиматерией» есть всего лишь преобразования энергии По. Когда у человека заканчивается жизненная энергия прана, и он умирает, то его душа вместе с личностным отпечатком переходит грань материального мира в нематериальный, то есть в

безвременье...

— А что это за личностный отпечаток?

— Это интересный момент. Личностный отпечаток, конечно, образное сравнение. Но это означает ту внутреннюю сущность, которую человек создал за свою жизнь, вместе со всеми его переживаниями, памятью, чувствами. Причем памятью всей своей жизни, каждого ее мгновения от начала до конца. **Почему очень важно быть Человеком в течение всей жизни? Потому что, если «здесь» у тебя есть выбор, как в плане мыслей, так и в плане действий, то «там» ты получишь лишь то, что заслужил своим выбором.**

Так вот, это в человеческом понимании существует понятие «прошлого», потому что мы субъективно судим, находясь в настоящем. **А жизнь, по сути, есть череда мгновений, обусловленных эзоосмосом, то есть постоянным внутренним толчком энергии По в настоящем.** За гранью понятия прошлого, как впрочем, и будущего, как такового, нет. Когда наша душа идет на перерождение, то есть выходит из безвременья в материальный мир, она попадает в многослойный уровень реальности настоящего, которое мы бы восприняли в отдельных его проявлениях, в качестве прошлого для нас или будущего. Вот и все. Поэтому душа в нашем человеческом понимании может так «кататься во времени», воплощаясь в новых телах. Но любым материальным объектам подобное не подвластно. Все, что с ними может произойти в материальном мире, связано с преобразованием энергии По в настоящем моменте.

Николай Андреевич, видимо, мысленно вновь прокручивая слова Сэнсэя, стал тихонько рассуждать вслух, словно сам с собой:

— То есть когда человек умирает...

— Кстати говоря, смерть смерти рознь, — добавил Сэнсэй. — То, что я рассказал, происходит именно в случае, когда заканчивается жизненная энергия — прана человека. Причем у каждого по-своему. Здесь уже все зависит от субъективного времени, и возраст, как таковой, роли не играет. У одних прана может закончиться в детстве, у других — в среднем возрасте, у третьих — в старости. Неважно. Главное, что потом душа переходит в цикл перерождения. Но бывают случаи смерти преждевременной, когда у человека еще полно праны, а его, к примеру, либо умертвили насильственно, либо он сам по глупости лишил себя жизни. Вот тогда его душа, отделяясь вместе с астралом, своими тонкими оболочками, остатками неизрасходованной праны от погибшего тела не уходит на перерождение, а начинает существовать здесь же, в этом времени, в этой жизни на тонком материальном уровне, скажем так, в виде... «призрака», как именуют этого «субъекта» люди. И бродит в этом состоянии «ни вашим, ни нашим» достаточно долго, гораздо дольше, чем человек бы жил в теле. Потому что энергия праны без материального тела расходуется очень медленно. Освободиться от этого затяжного кошмара душа сможет только тогда, когда израсходуется прана, и разрушатся тонкие тела. Немаловажно и то, что в этом существе во много раз обостряются все его переживания, которые он накопил ещё будучи в теле. И с этими личностными переживаниями ему придется существовать весь период «жизни» призрака.

— Хреновая перспективка, — хмыкнул Андрей.

— Понятное дело, — промолвил Сэнсэй. — Что же касается субъективного ощущения времени человеком, то оно во многом относительно. Почему? Прежде всего, потому, что все процессы в микро— и макрокосмосе воспринимаются под углом человеческого зрения, посредством оценки происходящего человеческой мыслью. А мысль, в свою очередь, я напоминаю, зарождается в материальном мозге, который все-таки ограничен в своем восприятии. Человечество накопило уже много своих понятий о времени, которые нужны ему лишь для того, чтобы удобнее было жить и познавать окружающий мир. Но все эти понятия условны, начиная от календарей и заканчивая делениями долей секунды со своими

относительными погрешностями. Возьмите, к примеру, ту же хронобиологию, рассматривающую разнообразие внутренних биоритмов живых существ. В ней понятие времени для каждого организма тоже относительно...

— Ну, в принципе, да, — согласился Николай Андреевич с Сэнсэем и стал по-своему рассуждать: — Если взять того же человека, то у него каждый орган работает на своей частоте, со своим периодом колебаний: колебания волн головного мозга, равные одной десятой секунды, шестисекундный дыхательный цикл, секундные основные сердечные ритмы и тому подобное...

Женька же, услышав эти слова, тут же сдохмил:

— Вот-вот... Я всегда говорил Стасу: «Ты не человек, ты случайный набор органов». А он не верил. — И, обращаясь к другу, добавил: — Слышишь, что умный человек говорит...

Посмеявшись вместе со всеми Женькиному каламбуру, доктор все же прокомментировал его шуточное впечатление:

— Это только на первый взгляд кажется, что каждый орган «случайный» по своим колебательным процессам. В каждом организме есть свой главный «колебатель-времязадаватель», который синхронизирует общую работу всего организма, как центральный процессор в компьютере.

— Совершенно верно, — кивнул Сэнсэй и уточнил: — Но, опять-таки, все эти секундные колебания тоже относительны. Если изменяются внешние условия или активно действует психологический фактор, внутреннее время может либо замедляться, либо ускоряться, точнее, замедляется или ускоряется, в первую очередь, эозмос человека. А потом уже соответственно замедляется или ускоряется работа организма. Например, при стрессовых ситуациях.

— Как писал Павлов: «В основе отсчета времени в ЦНС лежит смена возбуждения и торможения», — вставил Николай Андреевич.

— Да. Так что время — понятие относительное, особенно в биосистеме. Все люди, растения, животные, насекомые живут неодинаковый срок, стареют с разной скоростью. Проще говоря, у каждого свой запас праны, поэтому и биологические часы каждого идут со своей скоростью, соответственно для нас времявосприятие этих объектов материи разное.

— Со своей скоростью? — переспросил Руслан. — Это как?

— Ну, к примеру, возьми реликтовые деревья, тот же тисс ягодный, который живет от двух до четырех тысяч лет. Как и другие деревья-долгожители он медленно растет, но зато и живет дольше. Или взять черепах. Многие их виды живут до ста лет. Скорость реакции, к примеру, сухопутных черепах в два-три раза меньше, чем у нас. Если бы ты прошел рядом с ними пешком, для них ты бы просто пролетел так, как для тебя пролетает мотоциклист, движущийся приблизительно со скоростью 50 км/ч... Или возьми муху. Мы воспринимаем ее как существо с собственным временным циклом, совершенно отличным от нашего. По подсчетам один световой день для мухи длится примерно один наш календарный месяц. Мы для нее невообразимо медленные существа. А почему? Потому что скорость жизни мухи гораздо больше скорости жизни человека. Соответственно и скорость ее реакции гораздо выше... Пока, например, Женька занесет над ней руку и попытается поймать, она успеет почистить себе все лапки с крылышками, определить, откуда исходит угроза и куда ей лучше и безопаснее лететь, пока это ленивое существо соизволит опустить свою ручищу. При этом муха спокойно поднимется, делая крыльями десятки взмахов в секунду, и улетит.

— Я же не садист, — вступился за себя Женька и, покосившись на отца Иоанна, продолжил: — в отличие от некоторых, не будем показывать пальцами. Я природу люблю.

И тут же непроизвольно хлопнул себя по руке, увидев пристроившегося там комара. Ребята засмеялись.

— Оно и видно, — усмехнулся Ваню.

— У этого просто судьба такая, — оправдывался Женька, сбрасывая с руки останки комара.

— Интересно, а можно так распорядиться своим временем, чтобы, как говорится, жить долго и счастливо и умереть в один день? — спросил Руслан, пребывая в плену своих мечтаний.

Костик усмехнулся и с сарказмом подметил:

— Отчего нельзя? Истории даже известен такой случай. Вон, в Помпее, тоже жили долго и счастливо... и все умерли в один день.

Компания вновь рассмеялась, развивая сюжет и осыпая Руслана шутками. Когда же закончилась пятиминутка смеха, Сэнсэй сказал:

— Человек способен на многое. Проживая жизнь, он практически не использует свои возможности, которые в нём заложены. Хотя в экстремальных ситуациях, я вам уже рассказывал, он может наблюдать их проявление. В том числе это касается и чувства ощущения времени: когда субъективное времявосприятие сильно ускоряется, то внешнее обычное время, наоборот, замедляется. Чаще всего, конечно, с этим феноменом времени сталкиваются люди опасных профессий: пилоты, гонщики, каскадеры и тому подобное. Попадая в особо экстремальные условия, некоторые действительно ощущают, что время реально замедляется, и в этот промежуток успевают сделать все возможное, чтобы исправить ситуацию. А когда выходят из этого состояния, то обнаруживается, что всего за доли секунды они совершили в десятки раз больше работы, чем могли бы сделать в обычной жизни.

— А чем это можно объяснить, что больше праны тратится в эти мгновения? — осведомился Николай Андреевич, высказав свою догадку.

— Да. Резкий выброс психической энергии порождает мощный всплеск праны, что, в свою очередь, влияет на эзоосмос человека. В данном случае он просто ускоряется, поэтому человек успевает в мгновение сделать гораздо больше, чем в своем естественном состоянии... Подобные ощущения переживают и обычные люди, сталкиваясь с острыми кризисными ситуациями. Так что выражение «жизнь пролетела перед глазами за мгновение» это не просто слова.

Здесь, в том временном промежутке, в котором мы находимся, имеется общая волна времени... Или, лучше скажем так, чтобы было легче понять, мы едем на определенной машине жизни, которая движется с определенной скоростью. Мы видим только то, что мы видим. Почему? Потому что наши атомы двигаются на определенной скорости. Если они начнут работать в несколько раз быстрее, это не означает, что мы быстрее умрём, просто то, что мы видим, исчезнет и появится совершенно другое изображение или картинка. Измерений масса, это вполне реально, и здесь ничего такого нет.

В разговоре возникла небольшая пауза. Николай Андреевич помолчал, обдумывая что-то, а потом вновь спросил:

— А вот насчет перемещения в пространстве... Я помню наши с тобой разговоры о телепортации, но, честно говоря, до сих пор не могу реально себе представить, как это происходит в действительности...

— Точнее сказать, поверить, — поправил его с улыбкой Сэнсэй, называя вещи своими именами.

Доктор поморщился. Очевидно, такого выражения он явно сторонился в разговоре с Сэнсэем.

— Скорее, понять для себя основы феномена, — выкрутился Николай Андреевич и как-то стыдливо потупил взор, словно пытаясь собраться с мыслями и сформулировать более точный вопрос по этому поводу.

И тут совершенно неожиданно, практически рядом с собой услышал голос Сэнсэя с нотками иронии:

— Основы, говоришь? Основы, конечно, дело хорошее. Только раньше их должна быть

вера...

Николай Андреевич в удивлении оглянулся. Рядом с ним на свободном месте, как ни в чем не бывало, сидел Сэнсэй, непонятно как успевший здесь оказаться.

— Правильно, — вновь раздался голос Сэнсэя, однако на сей раз он донесся с прежнего, привычного для слуха доктора расстояния.

И лишь тут Николай Андреевич заметил, что Сэнсэя стало два. Один находился на своем месте напротив него, а другой, вполне реальный, как говорится, из плоти и крови, сидел на бревне возле Николая Андреевича.

— Это что, гипноз? — изумленно проговорил психотерапевт первое, что пришло в голову.

Два Сэнсэя одновременно усмехнулись.

— Хуже, — с улыбкой сказал тот, что находился рядом, и полусшепотом сообщил, как страшную тайну: — Это раздвоение личности... Как там у вас его величают?

— Шиза, что ли? — автоматически промолвил Виктор, сидящий невдалеке, не отрывая глаз от второго Сэнсэя.

Второй Сэнсэй затрясся в беззвучном смехе. Николай Андреевич же, слегка встряхнув головой, попытался совладать со своей растерянностью, обращаясь то ли к Виктору, то ли убеждая сам себя:

— Шиза, если бы ты один все это видел, а когда массово...

Тут он запнулся и вновь пристально посмотрел на второго Сэнсэя.

— Да не гипноз это, не гипноз, — успокоил его Сэнсэй, сидящий напротив.

— Хм, как будто, кроме гипноза, ничего больше и не существует, — насмешливо заметил второй Сэнсэй, обращаясь к первому. — Вот что значит знания давать преждевременно... Сразу начинается прикидка нового шлема к старым панталонам.

Первый Сэнсэй улыбнулся такой трактовке «клона» и терпеливо начал объяснять Николай Андреевичу:

— На самом деле в этом феномене телепортации все до гениальности просто. Пространство связано с гравитацией, гравитация связана со временем. А все вместе неразрывно связано с частичкой По... Этому явлению присущи самые обыкновенные фундаментальные законы...

Николай Андреевич в недоумении переводил взгляд то на одного Сэнсэя, то на другого, очевидно, не совсем доверяя своим глазам и ушам. Женька же, увидев такое «чудо», вообще чуть вареньем не поперхнулся, которое он до этого уплетал, как кот хозяйскую сметану. Не сводя удивленных очей с такого «прикола», словно боясь, что все это вот-вот исчезнет, парень тихо толкнул Стаса в бок:

— Слышь, ну-ка, ущипни меня...

Стас, сам испытавший легкий шок от такого видения, столь добросовестно исполнил просьбу друга, что Женька подскочил, как ошпаренный, опрокинув навзничь банку с вареньем.

— Ай! Ты чего, с ума сошел?!

— Сам же попросил, — пожал плечами Стас.

— Ну не так же! Вон, синяк какой поставил, — и, глянув на разлитое варенье, с ноткой сожаления произнес: — Блин, столько добра пропало!

Но варенье тут же было забыто, поскольку в следующее мгновение внимание Женьки полностью переключилось на второго Сэнсэя. Как ни странно, но во время этого небольшого курьезного инцидента, отвлекшего внимание части присутствующих, второй Сэнсэй не исчез. Да и позже, как народ ни старался совершать над собой «пробудительные» действия, второй Сэнсэй упорно оставался на месте. Тем временем Женька, отстранив опешившего Виктора, уселся рядом со вторым Сэнсэем и, не придумав ничего другого, протянул ему руку.

— Здравсьте.

— Привет, — усмехнулся второй Сэнсэй, крепко пожав ему ладонь.

Женька внимательно посмотрел на нее, словно на слиток золота, а потом, понизив голос до триллерного шепота, с сомнением проговорил:

— Сэнсэй, это ты, что ли? — и, обернувшись к первому Сэнсэю, добавил: — Это...

Он стал мимикой «телеграфировать» свои вопросы о втором Сэнсэе. И хотя ему хотелось казаться вполне серьезным, вышло довольно комично. Отчего и первый Сэнсэй, кому был адресован этот «телетайп», и второй Сэнсэй, о котором пытался расспросить Женька, расхохотались до слез. Женька же, видя, что его «телеграммы» остались нерасшифрованными, попытался их озвучить.

— А можно... это... тебя... того... потрогать.

Первый Сэнсэй кивнул, не в силах произнести что-либо вслух. Женька осторожно пощупал бицепсы плеча второго Сэнсэя. На что тот, утирая накотившиеся слезы, проговорил сквозь смех:

— Вот видишь! А ты им еще хотел поведать о высших законах. Лично я, кроме демонстрации смены традиционной ориентации, ничего не наблюдаю.

Второй Сэнсэй безнадежно махнул рукой. Женька в это время, словно не доверяя своей правой руке, уже хотел пощупать плечо двойника и левой. Но в этот миг второй Сэнсэй исчез так же мимолетно, как и появился. Так что ладони парня вместо опоры на плечо резко прорезали воздух. Женька даже растерялся от такой неожиданности и недоуменно соединил ладони, глуповато оглядевшись вокруг.

Николай Андреевич сразу положил руку на бревно, где сидел второй Сэнсэй.

— Надо же, теплое, — в несказанном удивлении констатировал доктор.

Услышав это, остальные ребята сорвались со своих мест, желая ощутить это тепло лично. Только Сэнсэй и Ваню остались на своих местах. Причем отец Иоанн сидел, не шелохнувшись, с серьезным видом наблюдая за происходящим.

— Сэнсэй, как это ты сделал?! — пораженно спросил Андрей.

— Да, — махнул Сэнсэй рукой. — Забудьте.

— Как это забудьте?! Как это забудьте?! — очнувшись от столь шокирующего видения, завозмутился Женька. — Я, понимаешь ли, ради истины половину своего бока на растерзание этому извергу отдал, — кивнул он на Стаса, — лишил свою «маньку» сладкого наслаждения, — он указал на опрокинутую банку с вареньем, — да и вообще чуть было свою крышу не спалил! И все это ради того, чтобы забыть?!

Но Сэнсэй, смеясь со всеми, лишь отшучивался в ответ. Очевидно, понаблюдав за такой реакцией ребят, ему перехотелось что-либо объяснять. Через некоторое время, когда все более-менее пришли в себя, Николай Андреевич как-то извиняющее проговорил:

— Нет, ну, правда, Сэнсэй... Понимаю, мы глупо выглядели со стороны. Но все же обидно будет, если эта наша минутная человеческая слабость лишит нас познания столь серьезных вещей.

— И, возможно, не только нас... — неожиданно для всех добавила Настя.

Сэнсэй внимательно посмотрел говорящим в глаза, потом одобрительно улыбнулся и сказал:

— Ну, раз так, будь по-вашему.

Все оживились, усаживаясь поудобнее.

— Ты говорил о каких-то законах, присущих этому явлению, — напомнил Николай Андреевич.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй и уже охотнее стал рассказывать: — Мгновенное перемещение в пространстве для человечества — это элементарная вещь. И здесь абсолютно не нужно ускорение, над которым сейчас ломают головы ученые. Просто

телепортацией нужно научиться пользоваться. А для этого надо знать общие законы времени. Тогда телепортация станет для людей такой же обыденной реальностью, как, например, сегодня свет. Ведь когда Эдисон изобрел лампочку, для многих людей это было шоком. Но потом изобретение стало настолько привычным, что сегодня мы, заходя в темную комнату, обыденно включаем свет, даже не задумываясь о том, что такое электричество. А ведь по сути, люди не знают до сих пор, чем на самом деле является электричество, поскольку им даны лишь общие представления о нем. Но, несмотря на это, они приспособились к такому проявлению этой силы и с успехом её используют. И даже добрались до создания компьютеров с их общей информационной сетью.

Так вот, то, что я сейчас расскажу, касается законов объективного времени, обуславливающих данное явление. Зная их, любому новоявленному Эдисону под силу разобраться в феноменах времени... Итак, время, как я уже говорил, — огромная энергия, которая зародилась в результате внутреннего толчка энергии По, то есть эзоосмоса По. Время течет только в одном направлении из прошлого в будущее. Оно плотно связано с гравитацией. По мере распространения времени распространяется и гравитация. Для времени характерны причина и следствие. Между причиной и следствием имеется пространственно-временная точка, или настоящее. Она не принадлежит ни причине, ни следствию. Однако именно через нее происходит преобразование причины в следствие. Пока понятно, да? Теперь самое важное.

Рассмотрим принцип работы времени. В самом первичном толчке энергии По, порождающем материальный мир и, соответственно, время, произошел скачок энергии из настоящего в будущее, то есть из настоящего в следствие, что и задало одновекторность времени. И заканчивается весь этот глобальный процесс существования материального мира скачком из причины в настоящее. То есть, проще говоря, материя перейдет в волны, волны — в пустоту или энергию частицы По, откуда, собственно говоря, и зародилась вся материя... При развитии материального мира происходит следующий процесс. Благодаря той же частицы По, сотворившей время, появляются элементы гравитации. Причина притягивается за счет гравитационных сил к настоящему, создавая тем самым гравитационное поле. И тут же за счет внутреннего толчка По, то есть эзоосмоса По, образующего время, происходит скачок из настоящего в будущее. То есть причина переходит в движение энергии времени. При этом процессе поддерживается постоянство энергии времени в зависимости от плотности материи. Если, к примеру, не было бы энергии времени, соответственно, и гравитации, наше Солнце давно бы сгорело, магнитные поля разрушились, атом бы не смог удерживать свои электроны и так далее. Проще говоря, благодаря такому эзоосмическому проявлению времени поддерживается как внешняя, так и внутренняя среда материи...

В это время на свободном месте вдали от сидящих, снова неожиданно появился двойник Сэнсэя. Он по-хозяйски подбросил валяющиеся рядом ветки в костер, а потом, как ни в чем не бывало, стал дополнять рассказ Сэнсэя, как само собой разумеющееся.

— Да, но ты не забудь упомянуть, что помимо своих общих характеристик время проявляет свойство индивидуальности в каждом образовании материи. Где идет процесс уплотнения времени, там неизменно происходит процесс уплотнения гравитации. Постепенно наполняется и сила времени. В материальном мире время и гравитацию можно считать самыми мощными энергиями, естественно, после энергии По. Причем гравитация является предэзоосмическим состоянием времени в процессе эволюции материи. Гравитацию можно назвать одной из составляющих частей времени, относительно к прошлому. Настоящим является только сам момент проявления энергии По, порождающий внутренний толчок, то есть эзоосмос.

— Не забудьте сообщить, что времени свойственна асимметричность, — раздался голос третьего Сэнсэя, стоящего позади Женьки. Пока все удивленно оборачивались, он положил руку

на плечо парня. Тот аж вздрогнул от неожиданности и с опаской покосился на стоящего рядом с ним Сэнсэя, который, увидев его реакцию, подмигнул ему, как старый знакомый, и дружески похлопал его по плечу. — Да, да, мой друг, именно благодаря асимметричности времени происходит прогресс, все материальное отживает свой срок и идет на преобразование энергий в новые материальные формы. Энергия переходит из одной формы в другую благодаря эзоосмосу.

Пока он говорил, Женька искоса смотрел на него так, как смотрит медведь на объект своего сильного испуга. Парень медленно повернул голову и глянул на руку Сэнсэя, лежащую на его плече. Казалось, Женька даже не дышал. Тем временем, из темноты послышался голос четвертого Сэнсэя.

— Ну, уж если пошла такая гулянка, — сказал он, подходя к костру со стороны продуктовой палатки и лакомясь печеньем, пачку которого держал в руках, — тогда расскажите им заодно и о скорости света. Сколько можно наблюдать в их сообществе эту черепаху Тортилу?

Четвертый Сэнсэй усмехнулся своему же шутливому сравнению, и, приблизившись к Вану, по-дружески протянул пачку, угощая сладким гостинцем. Вану осторожно взял одно печенье, растерянно кивнув в знак благодарности. Но есть не стал, держа печенье в руках, словно реликвию. Сэнсэй же, глядя на него, засмеялся и тут же поперхнулся. Не обнаружив рядом бутылки с минеральной водой, он поспешно выхватил из рук Вану кружку остывшего чая и сделал пару глотков.

— Благодарствую, — довольно промолвил он, возвращая кружку хозяину.

Вану снова кивнул в ответ.

— Да, расскажи им о скорости света, — попросил второй Сэнсэй.

— Давно бы пора об этом знать, — согласился третий Сэнсэй. — А то один на один умножать умеют, а два на два уже силенок не хватает. Как, например, в 1972 году подсчитали «с большой точностью» по квантовым стандартам частоты, что в вакууме скорость света составляет «приблизительно» $299,79 \times 10^6$ м/с, на том и успокоились. Это же анекдот, до сих пор считать эту скорость предельной скоростью распространения физических воздействий! Скажи им, что на самом деле это далеко не так.

— Ну, если вы так считаете, — пожал плечами первый Сэнсэй. — Пожалуйста... То, что сегодня скорость света связывают со временем, это действительно неверно. Свет распространяется благодаря гравитационному полю. Первичный толчок, который сообщает ускорение фотону, значительно превышает скорость света. Движение скорости света обусловлено всего лишь физическими свойствами света. Гравитация же придает свету скорость и поддерживает его, так как подтягивает к себе фотоны, тем самым ускоряя и притягивая его к эзоосмосу. Если смотреть с позиции времени, то свет движется скачками, замедляясь в переходной точке времени и ускоряясь после. Это доказывает, что гравитация больше скорости света. Без гравитации и эзоосмоса свет бы стоял на месте, да и не было бы даже первичного выброса света. Поскольку этому соответствует причина. А причина, переходя в следствие, проходит через точку настоящего, то есть временной внутренней толчок. Весь этот процесс обусловлен первичной силой притяжения из прошлого в настоящее, и благодаря эзоосмосу в будущее, то есть следствие.

Сэнсэй замолчал, и собеседники в его образе исчезли. Наступила длительная пауза. Если бы кто-нибудь глянул на эту компанию, сидящую у костра, со стороны, то подумал бы, что попал в какое-то застывшее время. Очевидно, народ тщательно пытался собраться с мыслями после такой ударной дозы свалившихся впечатлений, не говоря уже о не совсем доходчивой до них информации, а для некоторых и вовсе непонятной. Даже Николай Андреевич, незаменимый «здравый смысл» этой компании, после долгого молчания спросил у Сэнсэя:

— Это сейчас что было? Это ты поведал о том, как создать компьютер на примере

электричества?

Сэнсэй улыбнулся и также шутливо ответил:

— Да нет, это всего лишь предтеча к созданию лампочки.

— Ну, блин, ты даешь! — не выдержал и отец Иоанн, восхищенный не то двойниками, не то всем услышанным. — Сколько лет свои таланты скрывал! Я, конечно, тоже умный, но чтобы до такой степени?!

Вано посмотрел на свой отпитый чай и растерянно пожал плечами.

— Сэнсэй, я чего-то не понял, — промолвил Витя, точно прислушиваясь к собственному голосу. — А как объяснить это множественное раздвоение?

— Да все это элементарно, если владеешь чистотой мысли агатодемона, — как-то печально произнес Сэнсэй, словно его труд так и не был оценён по достоинству. Но это было лишь мимолетное проявление его скрытых чувств, поскольку дальше он вполне бодрым голосом продолжил: — Ведь именно благодаря этому энергия души преобразует частицу По. А По, как вы знаете, управляет всей материей... Но, ребята, этой чистоты мысли надо сначала достичь. На разности потенциала вашего какодемона и агатодемона, как на сухопутной черепахе, далеко не уедешь. То есть, мы опять возвращаемся к нашему первоначальному...

Но, судя по дальнейшим вопросам, компанию больше всего интересовал вопрос именно техники перемещения. На что Сэнсэй, с грустью созерцая этот ажиотаж, и, видимо уже сожалея, что устроил такую наглядную демонстрацию, произнес:

— Да все эти «чудеса в решетке» — ерунда! Я вам неоднократно говорил и повторяю: для индивида гораздо важнее стать Человеком, взрастить внутреннюю веру и любовь к Богу. Вот это да! Это стоит внимания... Человек, по сути, — это духовная сущность, за гранью всей этой материи...

— Нет, ну, Сэнсэй, просто хочется логически понять... — начал было говорить Андрей и запнулся на полуслове.

— В этом-то и вся проблема, и не только ваша, но и всего человечества, — вздохнул Сэнсэй. — Почему существует масса религий, почему идут постоянные споры, все эти склоки, взаимные обвинения? Из-за того, что человек предпочитает интуиции души логику мышления... Все, что он воспринимает, он воспринимает через объяснения, через логику. «Это я вижу. Этого я не вижу. Я вижу, едет автомобиль. Если выйду ему навстречу, он меня собьет. В лучшем случае — травматология». Это он понимает. Розетка под напряжением. Электричества он не видит. Но он знает, что если засунет туда палец, его шарахнет током, несмотря на то, что ток не видит. Это логическое объяснение... А Бога он логически объяснить не может. Это не укладывается в человеческом сознании, поскольку сознание ограничено...

Почему без внутренней Любви человеку невозможно прийти к Богу? Потому что, пока он не отделит в своем сознании духовную жизнь от материальной и не возведет духовное во главу, познание Бога невозможно. Человек даже не сможет осознать, что Бог существует. Он может много читать, красиво рассказывать, может играть, примеряя к себе маску высоко духовного индивида, но тайно вожделеть лишь материальную жизнь. Парадокс заключается в чем? Человек видит проявление Бога в каком-то необъяснимом явлении или обстоятельстве. А объяснить логически не может. И человек восклицает: «Вот чудо Божье!» Чуть ли не бьется головой о землю, испытывая религиозный экстаз. Но как только экстаз прошел, человек забывает за Бога. Он опять Его не воспринимает. Поэтому все эти проблемы человечества относительно Бога связаны с тем, что человек не хочет искренне воспринять и понять Его. Почему в разных уголках Земли те немногие, кто смог достичь духовного совершенства, говорят своим последователям «верь и иди»? Потому что без чистой веры прийти к Богу невозможно. Малейшее сомнение убивает все.

Мозг не способен осознать всю полноту Бога. Здесь должна быть вера без сомнений. Когда зарождается вера без сомнения, человек сажает свое животное начало на цепь и становится совершеннее в духовном, открывает врата в свой разум для души. Люди считают, что это очень сложно. Хотя по сути сложного ничего нет. Вся сложность в простоте. Просто послать эту материю, с ее подленькими мыслишками, куда подальше. Не допускать плохие мысли на территорию своего сознания, как на таможне. А материя, она по природе своей должна долбить тебя постоянно, дергать и кричать, что все это ерунда, посмотрите, какая она конфетка в красивой обертке! И неважно, что иногда вкус ощущаешь дерьмовый. Главное видимость, создание иллюзии, «объективной» для тебя «реальности» относительно того, какая прекрасная жизнь ждет тебя, если ты ей поверишь. Это нормально. Это есть, я бы сказал, профессиональная работа Люцифера. Он, образно говоря, как хороший программист создал для человека игру с множествами материальных лабиринтов-соблазнов. Кто выиграл у него эту игру, тот сможет зрело прийти к Богу. И Люцифер не виноват в том, что люди больше Бога возлюбили его виртуальную реальность материи. Ибо человеку дано в этой игре главное орудие победы — сила мысли и право выбора. И вся ответственность за выбор в своей жизни лежит на человеке. И если он выбрал себе жизнь раба материи, так и будет кувыряться в своих реинкарнациях, пока для него не наступит полный «game over». А если захочет стать свободным и жить настоящей жизнью в Любви — он сможет достойно выйти из лабиринта материи.

Смысл заключается в чем? Чем выше человек сможет подняться духовно, тем больше и положительнее сумеет влиять на неорганизованные материальные субстанции. Ведь истинное покаяние — это когда человек прекратит игру в иллюзию и начнет жить по-настоящему, по законам духовного мира. Если же ты не можешь жить по-настоящему из-за слабости духа, то выбери хотя бы игру, достойную Человека.

Сэнсэй замолчал. В это время из темноты послышались шаги. Все посмотрели в сторону берега. Одинокий луч фонарика скользил по береговой тропинке, освещая дорогу ночному путнику... К костру подошел Валера. Женька даже выдохнул с облегчением. Несмотря на довольно прохладный вечер, Валера вытер пот со лба.

— Что-то не видать Володи. Я вдоль берега довольно далеко прошел. Куда они делись?

Сэнсэй глянул на часы. Было уже половина девятого.

— Ну, Володя дает, — покачал головой Сэнсэй. — Ребята отдохнуть приехали, а он, наверное, устроил им кросс по пересеченной местности.

— Может, они заблудились? — высказал предположение Руслан и, глянув на усмешки старших ребят, осекся.

— Угу, спецназ заблудился. Это прямо анекдот, — хмыкнул Стас.

— А почему бы и нет? — подхватил Женька. — Я, значит, могу быть Сусаниным. А Володя чем хуже? Да он уже «пересусанил» меня по всем статьям. Я хоть два часа водил, а он битых пять с половиной.

— Не беспокойся, Жека, тебя вряд ли кто «пересусанит». Ты у нас эксклюзив! — засмеялся Виктор.

— Точно, — поддержал его Стас, подтрунивая над Женькой. — Редкий природный экземпляр полупроводника.

— Да уж, не в пример Моисею, — отец Иоанн растянул губы в своей щербатой улыбке. — Знаете народную «мудрость»? Моисей сорок лет водил евреев по пустыне, да все без толку. А наш Сусанин управился со своими за пару дней.

Волна смеха вновь прокатилась по компании.

— Ладно, ладно. Я вам еще припомню эти шуточки в следующем походе. Дайте только срок! — не без юмора пригрозил Женька.

С этими словами он поднялся с бревна и стал ходить вокруг костра. Ваню исподтишка следил за ним. В это время Николай Андреевич стал о чем-то тихо переговариваться с Сэнсэем. Женька походил, походил, потом остановился и напустил на себя маску великого мыслителя. Наконец его уста озвучили терзающую парня мысль:

— Нет, ну не сидеть же, сложа руки?! Надо помочь брату Сусанину! Вдруг он, правда, со своей гвардией перестарался...

Ни с кем не советуясь, Женька принялся с энтузиазмом сооружать суперкостер, кинув в огонь три больших охапки сухих веток. Пламя вспыхнуло гораздо быстрее, чем он предполагал. От такого сильного жара и близости огненного столба все моментально повскакивали со своих мест и разбежались в разные стороны на безопасное расстояние.

— Ну, блин, детский сад! — еле успев отскочить от упавшей горячей ветки, произнес Сэнсэй. — Женька! Вот вредитель! На кой ты его развел?

Женька сам растерялся от такой неожиданности, но старался сохранить спокойствие, как всегда находя оправдания своему содеянному.

— А чего добру сухому пропадать? Завтра с утра все равно уезжаем. Спалить такую гору не успеем. А так польза для леса, вроде золы для удобрения, да и сигнальный костерчик неплохой.

— «Костерчик»! — комично передразнил его Ваню. — Тоже мне ... нашелся. Ты кому сигнализировать этим пионерским костром собрался? Летящим тарелкам, что ли?

— Ага! — Женька сотворил восхищенное лицо и «с надеждой» посмотрел в космос. — Братьям по разуму.

Ребята заулыбались, а Сэнсэй махнул рукой в его сторону. Ваню же, кивнув, с ним согласился:

— Точно, не исправим.

После этого они оба повернулись и отошли подальше от костра, продолжив беседу с Николаем Андреевичем. Женькина выходка невольно разбила компанию на отдельные кучки. Все с нетерпением ожидали, когда прогорит основная масса подброшенных веток.

Огонь полыхал ярким пламенем, жадно поглощая гору хвороста. Его сила нарастала с каждой секундой, порождая захватывающее зрелище своей могучей стихией. Огромный огненный столб, словно живое существо, извивался ввысь в неистовой пляске тысячами ярких язычков пламени. Они контрастно выделялись на фоне темного леса, создавая громадное зарево.

Все бы ничего... Но именно в этот момент произошло невероятное событие, которое буквально захлестнуло единой волной все острые впечатления от недавно увиденного... Валера подошел к Сэнсэю. В это время Николай Андреевич о чем-то увлеченно рассказывал, а Ваню и Сэнсэй внимательно слушали его. Но как только Валера остановился возле Сэнсэя, очевидно, намереваясь, что-то сказать и, судя по его виду, очень важное, тот повернулся к нему сам. Их взгляды встретились.

— Валера, ты что-то хотел спросить?

— Да, — твердо ответил тот.

Стоящие рядом замерли, затаив дыхание. Валера открыто смотрел Сэнсэю в глаза. Может, оттого, что его взгляд стал именно таким открытым, а не обычным исподлобья, может быть, костер слишком ярко освещал его, или по какой-то другой причине, но лицо Валеры изменилось. Оно приобрело какие-то идеально правильные неуловимые черты. То, что Валера произнес дальше, точно вкладывая в каждое слово частицу своей души, пожалуй, поняли далеко не все.

— Я осознаю, что я всего лишь человек. Но я **хочу познать Его**.

— Путь к нему прост и тяжок. Готов ли ты?

— Я не знаю дороги, но я пойду, куда ты укажешь.

Отец Иоанн, стоявший рядом, не удержался от комментария и с сарказмом проговорил:

— Что значит «я пойду, куда ты укажешь»? А если он тебе укажет, к примеру, пойти в воду?

Ты что, пойдешь?

— Пойду в воду, — уверенно ответил Валера, не сводя глаз с Сэнсэя.

— Ну, в воду, ладно, — не унимался отец Иоанн. — А если в огонь?

— Пойду в огонь, — так же убежденно отозвался Валера.

И тут Сэнсэй неожиданно для всех присутствующих протянул руку вперед и сказал, указывая на огонь:

— Иди.

Валера молча повернулся и, как человек, начисто лишенный страха, двинулся к огромному костру. Ваню сначала наблюдал за парнем с улыбкой, но, по мере приближения того к огню, губы его дрогнули, и улыбка вмиг исчезла с лица. Валера разгреб ногой горящие ветки и... спокойно вошел в огонь, как будто это была не огненная стихия, а все тот же прохладный ночной воздух. Сказать, что окружающие были в шоке, значит, ничего не сказать. Они испытали самый настоящий животный страх и ужас, вызванный ощущением нереальности происходящего. Ваню, Николай Андреевич и Стас первые всполошились, пытаясь предпринять попытки к спасению Валеры. Но Сэнсэй жестом остановил их, не сводя глаз с Валеры.

Пламя тем временем вспыхнуло необыкновенно ярким огнем, охватив Валеру в плотное кольцо. Невероятно, но его одежда и он сам оставались целыми. Время как будто остановилось. Валера медленно развернулся в сторону Сэнсэя. Взгляд его по-прежнему был уверенным и открытым. Он сохранял абсолютное спокойствие, граничащее с каким-то безразличием ко всему, происходящему вокруг него. Казалось, в этот момент он видел и чувствовал совершенно другое «нечто», которое не дано было видеть наблюдавшим за этой сценой. Те имели несчастье лишь созерцать его брэнное тело, объятые пламенем. Наверное, прошло всего лишь каких-то пять-десять секунд перед тем, как Сэнсэй поднял руку и молча поманил парня обратно из огненного столба. Но для всех присутствующих это время растянулось в целую вечность. Реальность и нереальность происходящего перемешалась в их головах, безжалостно стирая свои границы при созерцании невероятного зрелища.

Валера стал выходить из костра. Пламя трепетно потянулось за ним, полыхая необычно живо, словно не желая отпускать своего добровольного пленника. Парень вышел совершенно невредимым. Он молча подошел к Сэнсэю. И тут произошло то, что называют «великой тайной». Случайными свидетелями сего стали четыре человека, стоявшие возле Сэнсэя: Николай Андреевич, Ваню, Анастасия и Стас. Когда Валера приблизился к Сэнсэю, тот разжал ладонь и протянул парню изумительно чистого цвета белый камень, на котором были прочерчены какие-то иероглифы. Рассмотреть их более внимательно оказалось практически невозможно из-за необычного света, которым они отсвечивали. И это мерцание света, сливаясь в один поток, порождало странное ощущение, как будто свет исходил не от надписи, а изнутри, из глаз самого смотрящего на него. Валера молча взял белый камень и скрыл его от любопытных глаз в своей ладони. Все снова стало на свои привычные места, точно ничего и не было. Только лишь разворошенный костер да шоковое состояние компании напоминали о невероятном недавнем инциденте.

В темноте ночи послышался топот. На поляну выбежали запыхавшиеся спецназовцы.

— Тьфу ты! — Володя вытер пот со лба. — А мы думали, здесь палатки горят, летели, в полном смысле, как на пожар. Вы чего такой костер развели?

Отец Иоанн, как всегда, не теряя самообладание, повернулся к Володе и проговорил:

— Все претензии к этому оболтусу, — кивнул он на Женьку. — Глючит парня. У него сегодня явно передозировка адреналина.

— Вот олух царя небесного! — насмешливо возмутился Володя. — Бензина в огонь, что ли, ливанул? Так и лес спалить недолго.

Но Женька, пораженный всем увиденным, не произнес даже и пары слов в свое оправдание, как делал обычно, чем несказанно удивил Володю. Тот глянул на выражение лиц остальных присутствующих и недоуменно спросил:

— А что здесь произошло?

— Да как обычно, — автоматически ответил Николай Андреевич.

Ну, «как обычно», значит, «как обычно», Володя расспрашивать не стал. Если надо, сами расскажут. И поспешил к Сэнсэю сообщить радостную новость.

— Мы тут такое рыбное место нашли! Вон, видишь, какого леща и даже щуку поймали! — Володя хвастливо продемонстрировал улов. — Здесь недалеко, километров восемь вниз по реке. Давай завтра зорьку там возьмем, а потом уж домой.

— Давай, — согласился Сэнсэй, рассматривая, как ни в чем не бывало, трофей спецназовцев. — Только пораньше надо лечь, чтобы зорьку не проспять.

Последние слова Сэнсэя вывели Женьку из продолжительного ступора, словно разряд электрического тока. Он глянул в сторону улыбающегося Ваню и громогласно заявил:

— Нет уж, я не буду завтра будильником! Я вообще сегодня не буду ложиться...

Своим непомерным возмущением он вновь рассмешил всю компанию и невольно переключил всех на эмоциональное бурное излияние. Во время всей этой шумихи Валера незаметно удалился в сторону берега. Очевидно, именно сейчас ему хотелось побыть одному. Тем временем свидетели происшедшего принялись обсуждать недавно увиденное, найдя в лице вернувшихся самых преданных слушателей.

Сэнсэй тем временем покуривал сигарету, стоя в компании Николая Андреевича и Ваню. На все просьбы ребят о разъяснении произошедшего феномена он упорно отмалчивался, лишь улыбаясь. Это еще больше распалило их страсти. Оттащив бревна подальше от костра, компания уселась на них и принялась выдвигать свои версии случившегося, пытаясь объяснить необъяснимое.

— Как такое может быть? — размахивал руками Руслан.

— Ну, по углям же люди ходят, — убеждал его Андрей.

— То по углям, а это...

— Нет, подождите, — перебил их Женька. — По углям понятно, там зола служит изолятором. А здесь как?

— Это ведь невозможно! — настаивал Руслан.

— Почему невозможно? — Костик, как обычно, в таких вопросах пытался привлечь общее внимание к своей персоне. — Я, к примеру, читал, что аборигены с островов Фиджи... Это острова, находящиеся в юго-западной части Тихого океана, — с гордостью пояснил он, хвастаясь своими познаниями в области географии. — Короче, эти аборигены вообще исполняют ритуальный танец на кусках лавы, раскаленной до нескольких сот градусов. И, между прочим, несмотря на такой сильный жар, у них даже кожа на подошве не повреждается. Так это же куски лавы! А это обычный костер.

— Ну, зайди в него, если это так просто, — ехидненько посоветовал Руслан.

— Я что, дурак, что ли? — огрызнулся Костик. — Мне и на свежем воздухе живётся неплохо.

— Может, он в состоянии медитации был? — предположил Виктор.

— А он хоть знает, что это такое? — хмыкнул Андрей.

Все посмотрели на Володю, который пытался вникнуть в суть произошедшего тут события.

— Нет, ну я ему писал про «Цветок лотоса», — сказал тот. — Но так, чтобы ещё что-то серьёзное...

В это время Сэнсэй, стоявший недалеко от компании и слушавший ребят, молча глянул на Николая Андреевича. Психотерапевт лишь слегка прикрыл и открыл глаза, поняв его без слов, и присоединился к спорившим. Усевшись на бревно, он дал возможность высказаться еще паре человек, а потом непринужденно вступил в дискуссию.

— Да все это ерунда, ребята, — начал он привычными словами Сэнсэя. — Все это вполне объяснимо с научной точки зрения. Весь фокус кроется в возможностях психики и реальности физики. У парня, несомненно, были и раньше проблемы с психикой, сопровождающиеся неадекватностью поведения. И хотя перед его выходом из костра мы наблюдали в нем некую отрешенность от внешнего мира, отсутствие эмоциональных проявлений, я все же более чем уверен, что перед входом в костер он неизбежно испытал шоковое состояние, что сопровождается интенсивным выбросом адреналина в кровь. А действие адреналина в ряде случаев вызывает обильное и длительное потоотделение. Возможно, еще от пережитого стресса у него произошло возбуждение определенных участков коры головного мозга при одновременном торможении других. А это, в свою очередь, повлияло на терморегуляционные центры гипоталамуса, что и привело к изменениям в их работе. Вследствие этого возник гипергидроз, короче, повышенное потоотделение. Ну, помните этот рефлекторный путь? — Николай Андреевич обвел взглядом присутствующих. — От гипоталамуса к продолговатому мозгу, потом к нейронам спинного мозга грудных и поясничных позвонков, через узлы пограничной симпатической цепочки к потовым железам. Причем произошло не обычное потоотделение, а обусловленное, как я уже говорил, гипергидролизом с повышенным преобладанием компонентов воды. Впоследствии, при вхождении в высокотемпературную среду, началось интенсивное испарение и образование своеобразной защитной прослойки. И, обратите внимание, пробыл он там всего лишь несколько секунд. Как раз этого хватило до полного испарения этой прослойки. А если бы он пробыл чуть дольше, с ним было бы то же, что бывает со всеми...

— Да, вполне логично, — поддакнул Ваню, разыгрывая роль активного слушателя.

— ...А теперь разложите на составляющие само пламя и его послонный температурный режим. И сразу все станет на свои места...

По мере того, как Николай Андреевич убедительно разъяснял происшедшее «с научной точки зрения», Женька встал и начал усиленно разминаться, даже пытался бегать на месте. Со стороны можно было подумать, что он отсидел ноги и решил просто сделать зарядку, поэтому никто на него особого внимания не обращал, увлеченно слушая Николая Андреевича.

— ...Процесс горения протекает только при наличии и определенном соотношении трех составляющих: свободного кислорода, горючего материала и источника тепла. Как вы знаете, горение — это сложное, быстро протекающее химическое превращение, сопровождающееся выделением значительного количества тепла. Горение тесно связано с физическими процессами. В частности, переносом массы в энергию, а конкретнее в тепло, и характеризуется соответственно гидро- и газодинамическими закономерностями. Понятно, что основу горения составляет именно химическое превращение, то есть, разложение одних молекул вещества и образование других. В нашем случае давайте учтем законы, при которых происходят химические

реакции, их механизм, скорость... В общем, давайте немного разберемся в химической физике, в частности, в одном из ее разделов химической кинетики...

Пока Николай Андреевич утруждался в пояснениях взаимодействия атомов и молекул при горении перед уже туго что-либо соображающей публикой, Женька тем временем закончил свою разминку. От физической нагрузки тело его покрылось потом. Оглядев себя, парень самодовольно улыбнулся и сказал сам себе: «Ну, адреналина и так хватает». И смело подошел к костру. Деловито закатил одну штанину до колена, снял кроссовок, носок и, не раздумывая, сунул ногу в костер. Не прошло и полсекунды, как Женька резко выдернул ногу, сопровождая свое движение спицифическими выкриками по поводу «куськиной матери». Вокруг стал распространяться противный запах паленых волос. Своими непредсказуемыми действиями парень сначала напугал, а потом рассмешил всех. Особенно с его поступка хохотал Ваню.

— Андрейч! Вся твоя теория — фуфло! — пытался перекричать смех толпы Женька. — Я вспотел, адреналину хоть отбавляй, а только шерсть себе на ноге опалил! Теперь и на пляж не выйдешь с разными ногами. Называется, почувствуйте разницу! А зимой как? У меня же теперь эта нога мерзнуть будет! А все ты, Андрейч, виноват!

— Чего это он виноват? — вступился за Николая Андреевича отец Иоанн. — Он все правильно глаголет. Ты, перед тем как свои конечности в костер совать, хоть бы с умными людьми посоветовался. У тебя же при перегреве изменилось напряжение CO_2 и O_2 в крови, вместе с кислотно-щелочным равновесием. Кроме того, у тебя сегодня совсем другой состав пота. Там же, помимо воды и хлорида натрия, в больших дозах присутствует горючее, кислородосодержащее органическое соединение $HCOOH$.

— А это что такое? — удивился Женька.

— Как что? Насыщенная монокарбоновая кислота.

— Не понял.

Отец Иоанн склонил голову набок, словно замучившись объяснять, и с улыбкой произнес, с наслаждением растягивая слова:

— Муравьиная кислота-а-а...

Компания взорвалась таким хохотом, от которого, казалось, сотряслись деревья.

— Ну...ты...ты! — мучительно выдавил из себя Женька, еле сдерживаясь от более острых слов. — Ты раньше не мог предупредить?!

— Да откуда мне знать, какой ветер гуляет в твоей пустой башке? Сам костер распалил, сам поджарился, а я виноват, — смеясь, произнес Ваню, а потом успокаивающе запричитал: — Ничего, ничего, будешь теперь у нас ходить, как смоленый поросенок, — и лукаво добавил: — начиненный муравьями.

— Я же говорил — Инквизитор! Ну и достал ты меня со своими муравьями!

— Разве достал?! — сделал удивленное лицо Ваню. — Подожди, дорогой, вся ночь еще впереди.

Этими словами он окончательно развеселил публику и полностью переключил ее на обдумывание его «муравьиной стратегии» по отношению к Женьке и, соответственно, всевозможных ночных приключений. В конце концов, вдоволь насмеявшись, компания разбрелась на ночлег, дабы хорошенько выспаться к утренней рыбалке. Один Женька остался сидеть у костра, пригрозив Ваню, что не сомкнет глаз. На что Ваню с улыбкой ответил:

— Ну-ну, давай, давай. Поохраняй мой сладкий, безмятежный сон.

Из дневников Анастасии:

«Невозможно выразить в словах все то великолепие, которое я дважды пережила за столь короткий промежуток времени. Я боюсь утратить то необыкновенное чувство, которое

еще колеблется во мне, выплескивая его ощущение в дневник. Потрясающая внутренняя свобода, безграничная Любовь, невероятное реальное **ощущение Его присутствия**.. Валера понял, он открылся. Это действительно **Настоящая Жизнь**, от которой трепещет душа, пропадает иллюзия. В Его реальности нет препятствий. Безграничное чувство свободы, яркий свет и поразительное внутреннее ощущение единения с Ним! Как жаль, что так скуден человеческий язык и нет возможности описать Его реальность! Но как же это потрясающе здорово — быть в ней хоть несколько мгновений! Это ни с чем не сравнимо! **Это действительно есть великое счастье Человека, Человека, возвратившегося в свой истинный Дом!!!»**

Часть 2

Скрытая реальность

Наступила унылая, дождливая осень. Бушующий океан зеленой листвы сменил свой окрас на ярко-пестрый цвет, устроив себе прощальный бал-маскарад перед натиском холодных ветров — предвестников зимы. Деньки все реже стали баловать людей проблеском солнечных лучей, все больше погружая их в свою непроглядную серость. Да и сами люди, в унисон погоде, угрюмо передвигались по улицам в суете рабочих будней. После солнечных дней отдыха, наполненного весельем, все вновь вернулось на привычные круги своя.

Женька постучал в белую дверь. И не просто постучал, а выбил прямо барабанную дробь, после чего вошел в кабинет Николая Андреевича.

— Доктор, к вам можно? — с улыбкой произнес парень и свел для смеха глаза к переносице.

Николай Андреевич оторвался от рутинной писанины и, глянув на вошедшего, рассмеялся:

— Входи, входи, безнадежный пациент!

Он встал из-за стола, пожал Женьке руку и жестом пригласил сесть в кресло. Парень сначала скромно присел, но, по мере утопания в мягких подушках и вовсе развалился в кресле, деловито закинув ногу на ногу.

— Эх, хорошо тут у вас, — сказал он, осматривая чистый, просторный кабинет. — Тишина. Суета не сует... Отдыхай, не хочу.

— Что, понравилось наше заведение? — усмехнулся Николай Андреевич. — Так в чем вопрос?! Могу устроить тебе недельный отдых. Хочешь, вон, помещу в соседнее отделение, в палату к особо буйным. Весело, интересно и, главное, как раз по твоему темпераменту. А какое «интеллектуальное общение»! Могу определить на вакантное место... в палате с Наполеоном!

— Ну, Андреич, ты даешь! Меня, любимца славян, вольного Сусанина — и в палату к какому-то французишке?!

Они рассмеялись.

— Ну, чего звонил? Что-то там протараторил по телефону и трубку положил, — в ироничном тоне проговорил психотерапевт.

— Да тут такое дело... У моего одного приятеля с сестренкой не все в порядке. Вернее, совсем не всё в порядке. Ей пятнадцать лет только исполнилось. А она вдруг ни с того, ни с сего решила свести счеты с жизнью. За неделю два раза пыталась руки на себя наложить. Они уже в своем семействе боятся ее одну оставлять, даже в школу не пускают. Дежурят рядом с ней по очереди... И главное, сказать, что она совсем того... не скажешь. Вроде нормальная девчонка, симпатичная, хорошо учится, с юмором в порядке. Откуда у нее эта дурь? Загадка.

— Может, несчастная любовь?

— Да вроде бы нет.

— А в роду душевнобольные были?

— Откуда я знаю? Вроде не было, — и, весело посмотрев на Николая Андреевича, парень лукаво добавил: — Тут, блин, в своем роду до сути не докопаешься. Откуда же мне знать про чужие «мухи» в голове?

Николай Андреевич усмехнулся и привычно махнул рукой.

— Ну, с тобой и так все понятно.

— Кому как, — возразил Женька и артистично тяжело вздохнул. — Короче говоря, они не знают, что им делать: положить ее в психушку или нет. Ищут сейчас хорошего доктора. Я и посоветовал к вам обратиться, так сказать, по великому знакомству. Надо же людям помогать.

Николай Андреевич усмехнулся его шутливому деревенскому акценту и промолвил:

— Ну раз надо помогать, значит поможем.

Они договорились, когда Женька приведет к нему на прием девочку с ее родными. Записав в еженедельнике дату и время, Николай Андреевич облегченно вздохнул и серьезно сказал:

— А я уж думал, с тобой что-то...

— Да не, со мною полный порядок, — с довольной ухмылкой ответил Женька и хвастливо добавил: — Я здоров.

— Здоровых людей не бывает. Бывают недообследованные, — мягко уточнил Николай Андреевич, пристально всматриваясь в глаза Женьки.

— Да ну тебя, Андреич! — заерзал тот в кресле и заулыбался. — С тобой только свяжись! Ты и меня сейчас в шизики запишешь.

— А что тут такого, в каждом из нас есть росток шизофрении. Главное же что...

— Что?

— Его не поливать.

Женька усмехнулся.

— Ну, спасибо доктор, учту ваш совет... для своего древа.

Они вновь рассмеялись, и на этой веселой ноте Женька постарался побыстрее распрощаться.

* * *

Алине было всего пятнадцать лет. Пятнадцать лет... Какой же это малый срок для истории народов и государств! И каким кажется большим, значимым в плане личностного познания мира, особенно когда это твои первые пятнадцать, прожитые на белом свете... Сколько нового открывается перед тобой, сколько еще тайн ждет впереди, там, в полноводной реке жизни, которая людским потоком течет за семейной скорлупой бытия. Как же хороша кажется эта река издали, как притягательно ее движение, когда его наблюдаешь из тоскливого семейного убежища! Так хочется в нее окунуться, так и хочется поскорее обрести долгожданную самостоятельность и надежный плот, чтобы беззаботно плыть по этой реке и испытывать лишь счастье от такого путешествия. Сплошные грезы, надежды и полное отсутствие опыта погружения в реальную действительность...

Молодость имеет свое неповторимое очарование, особенно когда она только-только распускает свои прекрасные нежные лепестки. Алина была симпатичной девочкой, как и большинство ее сверстниц. Ей были свойственны те же увлечения, что и многим девчонкам в этом возрасте. Так же, как и все, она всеми силами старалась выделить свою индивидуальность из толпы, используя обычный набор средств подростка. На сердечном фронте дело пока ограничивалось публичным выражением любви к молодежным любимцам эстрады, а также тайными вздыханиями о популярных в школе мальчиках. У некоторых девчонок из ее класса уже были свои парни, с которыми они, при удобном случае, пытались продемонстрировать семейные отношения перед подругами. Но больше всего девчата любили обсуждать эти взаимоотношения перед своими сверстницами. Алина, не зная, как себя проявить в подобной

теме, всем рассказывала, что есть, дескать, и у нее парень, который якобы живет в другом городе. Мол, познакомились они на море, он отслужил армию, и у него есть свой бизнес, вместе с братом открыл магазин автозапчастей. Вообще, все самое лучшее, что могло нарисовать девичье воображение, воплотилось в образе этого жениха. А для достоверности Алина таскала подругам в школу письма от него, которые сама с успехом сочиняла и писала, копируя почерк брата. Ну, а с его фотографией, тайно изъятой из армейского альбома того же брата, она вообще не расставалась, демонстрируя при каждом удобном случае своё нежное отношение к образу возлюбленного.

Но однажды в ее жизни все переменялось. В школе появился новый мальчик-старшеклассник. Звали его Владом. Он сразу привлек внимание многих девчонок, как непознанная, притягательная личность в их серой, скучной школьной жизни. Многие девчата им просто заболели. Не обошла эта сердечная болезнь и Алину. Вместе со своей подругой Мариной она стала следовать тенью по его пятам. Помимо прочих своих достоинств парень хорошо разбирался в современной музыке. Поэтому, когда его взяли в дискжокеи для проведения школьных дискотек, он стал для многих обожаемым кумиром, не говоря уже о давних преданных поклонницах Алины и Марины.

Влад был типичным лидером. Девушек поражала его галантность и поведение взрослого мужчины. Он умел постоять не только за себя, но и за свою компанию, отчего быстро завоевал авторитет и уважение среди ребят. По школе стали ходить целые легенды. Даже преподаватели разговаривали с ним как-то особенно, с уважением, не так, как со всеми, и пророчили ему карьеру дипломата или политика. Были в его взгляде, манерах, разговоре некая скрытость, взрослая опытность, что разительно отличало его от сверстников и придавало ему особый таинственный шарм.

Так получилось, что Алина и Марина стали постоянными членами его тусовочной компании. Они обожествляли своего кумира и тайно ревновали его друг к другу, если он позволял себе уделять немного больше внимания сопернице. Влад встречался с разными девчонками. Но однажды, после его размолвки с очередной подругой, случилось казалось бы невероятное для Алины. Влад предложил ей быть его девушкой. Алина от свалившегося на нее счастья чуть сознание тогда не потеряла. Ведь она так об этом мечтала и готова была пожертвовать всем, лишь бы мечта стала реальностью.

Но, как впоследствии оказалось, ее счастье в виде охов, вздохов и невинных поцелуечиков длилось далеко не вечность, а всего лишь «один месяц и пять дней», как она вывела для себя, словно конечную формулу. Все рухнуло в один день, когда парень, не сильно утруждая себя лишними объяснениями, начал встречаться... И с кем?! С ее лучшей подругой. Марина стала очередной его фавориткой, разорвав ради «великой любви» всякие отношения с Алиной. От отчаяния та впала в депрессию. Благо ее классная руководительница была опытным педагогом, не первый год работавшая с подростками. Видя состояние девочки, она стала нагружать ее различными поручениями, касающимися организации школьных мероприятий. Общественная нагрузка и новая компания постепенно отвлекли Алину от сердечных проблем, благодаря чему она благополучно вышла из депрессии.

Но жизнь — штука непредсказуемая. Однажды, когда душевные раны Алины более-менее зажили, произошел неожиданный для нее поворот событий. Как-то домой к Алине заявила со слезами... Марина. С ней почти точь-в-точь повторилась та же история, но с ещё более трогательным концом. Пытаясь удержать Влада возле себя, Марина зашла гораздо дальше, чем подруга, и пожертвовала девичьей честью. Но не прошло и четырех дней после этого события, как Влад внезапно охладил к ней. В тот вечер Марина была предельно откровенна с подругой. Она не переставала просить у нее прощения и горевать, что, очевидно, Влад покинул ее по

причине неопытности в постели. Марина безутешно оплакивала свою сбежавшую любовь. И Алина, расчувствовавшись, тоже не удержалась от слез. Правда, плакала она не из-за того, что в свое время разорвала дружбу с Мариной, а потому, что вспомнила всю горечь и боль своей утраты. И когда подруги, все простив друг дружке, уже вместе рыдали о потерянном счастье, внезапно раздался телефонный звонок.

Как ни странно, это был Влад, непонятно откуда узнавший, что Марина находилась сейчас у Алины. Но еще более невероятными прозвучали его слова. Влад просил прощения у обеих подруг за то, что с ними так поступил. Он каялся, уверял, что обе они ему очень нравились, что не может разобраться сам в себе, кого же больше любит: рядом с Алиной он думал о Марине, а с Мариной — об Алине. Мол, они для него как родственные души. Через десять минут разговора подруги уже с восхищением слушали Влада, припадая ушками к трубке. Трепетно застучали сердечки в груди, а в глазах засверкали блесочки былого счастья. Влад, тем временем, пригласил их к себе домой на вечеринку, чтобы как-то загладить свою вину и примириться. После этого разговора Алина с Мариной от радости завизжали так, что, казалось, эхо от этой девичьей отрады услышали на другом конце планеты.

В долгожданную пятницу подруги навели самый изысканный марафет, надели самые лучшие свои вещи и пошли на вечеринку. У Влада было человек двадцать молодежи, многие из гостей были незнакомы девочкам. Все это выглядело довольно интересно и привлекательно. Ведь на незнакомых людей, как известно, каждый человек жаждет произвести самое хорошее впечатление, и показать себя только с наилучшей стороны. Звучала хорошая ритмичная музыка, и было достаточно весело.

Среди присутствующих находилась одна девушка из старшего класса по имени Катя. До прихода Влада в школу она ничего собой не представляла. Так себе, как называла ее Марина — «серая мышка». Но, судя по сплетням «школьного радио», именно с ней первой Влад открыл коллекцию встреч с девушками этой школы. Сейчас ее было не узнать. Из гадкого утенка она превратилась даже не в лебедя, а в роскошную пантеру. В школе ее стали звать не иначе как Кэт. За право просто постоять рядом с ней на переменах ребята выясняли отношения друг с другом в подворотнях школы, соперничая между собой. Складывалось такое впечатление, что вся мужская половина школы разом обратила на нее внимание. У Кэт появился какой-то изысканный шарм. Более того, раньше учеба девушки оставляла желать лучшего. А тут, откуда что взялось, точно кто-то невидимым ключом открыл кладовые ее памяти. В общем, преобразования с ней случились более чем разительные, отчего про Влада по школе просто фантастические легенды.

На вечеринке Влада Кэт вела себя достаточно скромно, что Марине и Алине понравилось, несмотря на обычное девичье противостояние. Кэт не вешалась на шею Владу, как демонстративно это делали другие, да и вообще пришла на вечеринку без обычной своей преданной свиты парней, что позволяло в некоторой степени уравновесить ее шансы перед другими девочками.

В этот вечер Кэт сама подошла к Марине и Алине и без всякого высокомерия, по-простому познакомилась с ними поближе. Уже через два часа обе подруги в ней души не чаяли, делясь с ней своими самыми сокровенными девичьими тайнами. Кэт, в свою очередь, рассказала им много интересного, подняв в глазах девчонок Влада на недосягаемый пьедестал. И между делом поведала им, что есть якобы более узкий круг людей, куда входит Влад. Это больше, чем семья. Тот, кто попадет в этот круг, роднится с ее членами навеки, и никакие силы их уже не смогут разлучить. Девчонки были заинтригованы. Им страсть как захотелось открыть загадочную страничку из жизни их обожаемого Влада и самим попасть в эту «элику элит человеческого общества». Но Кэт встретила их желание с некоторым сомнением, сказав, что попасть туда

очень сложно, надо пройти испытания и быть готовым выполнить все, что им скажут. Эта таинственность еще больше заинтриговала подруг, и они без промедления высказали свое согласие. Кэт обещала замолвить за них словечко, где нужно ведь, по ее мнению, они были просто «классными девчонками, достойными лучшей жизни». Первую весточку она пообещала им принести уже в воскресенье и договорилась о месте встречи.

Марина и Алина были вне себя от счастья. Возвращаясь после вечеринки довольно поздно, они всю дорогу обсуждали, как горячо любят Влада, и как ради его любви готовы на все, лишь бы быть навеки с ним. С особым вдохновением они смаковали тему о Кэт, как же такая серая мышка стала царицей среди парней. И сошлись в едином мнении, что это произошло исключительно благодаря преданности какой-то тайной семье.

Алина жила в девятиэтажке. Марина — в частном секторе по соседству. Подружки благополучно дошли до Алининого дома, пребывая в самом лучшем расположении духа. Глядя на звезды, они вдруг решили залезть на крышу Алининой девятиэтажки, дабы, как в детстве, рассмотреть получше этот сказочный звездный мир. Поднявшись в их бывшую «поднебесную», они немного посидели и, созерцая огромное звездное небо, стали мечтать, как счастливо будут жить, став такими же крутыми, как Кэт. В конце концов, их разговор вновь перешел на Влада, на его обаятельную внешность, достоинства, потом на его поступки, на то, что он, очевидно, не поверил до конца в их искреннюю любовь к нему. И тут Марина неожиданно предложила доказать своей смертью преданность и любовь к нему и к тайной семье. Мол, когда они умрут, все поймут, насколько они сильно его любили. А Влад будет горько убиваться, что никто из них ему не достался и сожалеть о содеянном. Все больше распалая друг дружку словами, подружки взялись за руки и, пребывая в необыкновенном счастливом порыве, смело приблизились к карнизу. Алина торжественно сказала, что отдает свою жизнь за самую лучшую подругу и за их «великую любовь», а Марина с вдохновением заверила Алину в том же и добавила, что теперь их дружба будет вечная. С этими словами девочки ступили на край карниза, поцеловались на прощанье и...

Сильные мужские руки резко отшвырнули их назад, на крышу. От падения и боли девчонки точно очнулись. Они вдруг отчетливо услышали, как Алинин брат, стоявший перед ними с перепуганным лицом, орал на них чуть ли не матом. То ли от собственной боли, то ли от крика парня, но до девчат внезапно дошло, что они действительно чуть не расстались с ЖИЗНЬЮ в самом расцвете молодости, с ЖИЗНЬЮ, которой они так наслаждались в последнее время и «где стали наконец-то счастливы». Мороз шел по коже от одного только осознания своего поступка, который они и сами не могли толком объяснить. Что на них в этот момент нашло? Если бы парень вовремя не подоспел...

Алинин брат как раз возвращался домой, и видел, как с противоположной стороны шла Алина с подругой. Пока прощался со своими друзьями, он заметил, что девчата, как ни странно, вдвоем зашли в подъезд. Парень пошел за ними почти следом. Лифт, судя по светящемуся указателю, остановился на девятом этаже. Алинин брат сначала значения этому не придавал, подумав, что вместе с девчонками ехал кто-то из жильцов дома. Но когда он не обнаружил сестренку дома ни через пять, ни через десять минут, вот тут-то ему пришла в голову тревожная мысль проверить чердак и крышу. Мало ли кто мог к ним подсесть в лифт... Времена-то сейчас какие смутные. И, как потом оказалось, его проверка была не напрасной.

Отшвырнув девчонок от края карниза и пережив не меньший страх, чем они, парень долго церемониться с ними не стал. Схватив за воротники, он потащил их домой. Родители Алины были в шоке, узнав обо всем. Алине, конечно, досталось больше всего. Но Марининым родителям сообщать не стали, ограничившись тем, что Алинин брат довел девочку до ворот ее дома в частном секторе.

Выходные прошли более-менее спокойно, правда, Алина по велению родителей и старшего брата находилась под домашним арестом. Она сама пребывала в панике от такой глупости, от этой неестественной для ее характера попытки самоубийства. И даже где-то внутри себя была рада такому домашнему затворничеству среди своих родных. Все эти дни она помогала матери по хозяйству. В воскресенье вечером сделала уроки, уложила книжки в сумку и со спокойной совестью пошла спать.

В полночь, с воскресенья на понедельник, Алина внезапно проснулась от жуткой головной боли. Она видела, как мать употребляла «цитрамон» в подобных случаях, спасаясь от болевого приступа. Алина решила ее не будить, а просто выпить таблетку. Она достала аптечку и стала искать это обезболивающее средство среди пачек других лекарств. И тут Алина с ужасом вспомнила, что обещала в воскресенье встретиться с Кэт. Эта встреча из-за последних событий совершенно вылетела у нее из головы. Алина впала в страшное отчаяние и не переставала себя корить: «Как я могла забыть об этом?! Наверное, Кэт пришла на встречу с новостями. Может, ей удалось договориться с «тайной семьей». А я так ее подвела! Это же сама Кэт! Она ведь может сделать так, что в школе все отвернутся от меня, и я стану изгоем!» На Алину нахлынула волна такого страха и безнадежности, что от нервного перенапряжения она стала непроизвольно распаковывать все таблетки подряд. Растерянный взгляд девочки упал на кучу белых кругляшек. И от безысходности ей вдруг жутко захотелось проглотить их все разом, чтобы немедленно покончить со всеми тяготами своей жизни и больше никогда, никогда не мучиться. Она сходилла на кухню за водой и стала разворачивать и сыпать в стакан все таблетки и порошки. Но очевидно, включённый свет и подозрительные шорохи разбудили мать, и она пришла к дочери.

— Да что же ты делаешь! — вскричала мать и бросилась к девочке.

Отшвырнув стакан с мутным раствором, она чуть ли не силой заставила дочь выплюнуть те таблетки, которые та поспешно совала в рот. Но какую-то небольшую часть Алина все же успела проглотить. На крик матери прибежал отец и брат. Пока вызывали «скорую», пока промывали желудок, мать, сама не зная почему, позвонила родителям Марины. Звонок, разбудивший всех членов их семьи, оказался более чем своевременным.

Выражая своё беспокойство, Алинина мать просила проверить, все ли с Мариной в порядке. Мать Марины, удивляясь, что, собственно, может случиться в столь поздний час с дочерью, все же пошла в ее комнату. Но когда туда заглянула, то просто обомлела: ноги в страхе подкосились, к горлу подступил тошнотворный комок. Перед матерью Марины предстало ужасное зрелище: дочь, судорожно дергаясь, свисала на чулке, привязанном к ручке оконной рамы. Девочку еле успели спасти, вовремя вытащив из петли. Как впоследствии оказалось, именно в те минуты, когда Алина глотала таблетки, Марина пыталась повеситься.

Из последующих телефонных разговоров с матерью Алины мать Марины узнала, что, оказывается, попытка самоубийства была у ее дочери не первой. Слово за слово, и вместо слов благодарности о своевременном звонке посыпались грубые обвинения. Мать Марины считала, что именно Алина повлияла на ее дочь, поскольку та никогда бы сама не додумалась до подобного. Вообще, как это часто бывает, толком не разобравшись, женщины разругались друг с другом.

После попытки отравления родители Алины всерьез задумались о психическом здоровье девочки и стали искать хороших врачей.

В назначенный час Женька привел в кабинет психотерапевта Алину и всю ее семью. Николай Андреевич познакомился с ними, внимательно выслушал и переговорил наедине с каждым. Долго беседовал с девочкой, протестировал ее. Алина вела себя вполне нормально. Никаких явных психических отклонений и патологий врач у нее не обнаружил. Психика вполне соответствовала ее возрасту. Семья, в которой она жила, была положительная. Каких-то особых трудностей в отношениях с родителями у Алины не было. В школе девочка училась хорошо, была общительна, активно участвовала в общественной жизни школы. На ее поведение учителя не жаловались. В общем, по большому счёту придаться было не к чему. Конечно, в девочке присутствовал страх за совершенный неестественный для себя поступок. Слушая девочку, Николай Андреевич все больше убеждался, что она, скорее, стояла на жизнеутверждающей позиции. Чувствовалось, что кое-чего она не договаривала, но обычно все эти тайны выяснялись при дальнейшем общении. В целом Алина проявила себя вполне нормальным человеком. Психотерапевт даже пошутил, выдавая свой вердикт родителям, что мол, были бы все его пациенты такими милыми жизнелюбами.

Как таковой явной причины, подтолкнувшей девочку на попытки самоубийства, он не обнаружил. Отклонение в состоянии поведения в первом случае психотерапевт расценил как проявление состояния аффекта, то есть нервно-психического возбуждения с утратой волевого контроля вследствие временного торможения деятельности коры головного мозга. Он связал это с естественными процессами развития мозга подростка. Во втором случае наблюдалось проявление аутоагрессии, вызванной депрессивным состоянием девочки. Поэтому Николай Андреевич порекомендовал попить антидепрессанты, а также пройти курс психотерапии.

Семья немного успокоилась и пошла домой. Николай Андреевич всем понравился, в том числе, и Алине, своей вежливостью, юмором и внимательным отношением. Родители поблагодарили Женю за знакомство и сказали, что к специалисту такого уровня они вряд ли смогли бы сами попасть.

Вечером мать Алины даже затеяла праздничный семейный ужин, чтобы еще больше поднять всем настроение. Алина поддержала эту идею «на ура» и стала помогать матери. Во время приготовления пищи они шутили и рассказывали друг другу анекдоты. Мать уже стала накрывать на стол, а Алина принялась за последнее блюдо. Делая бутерброды, она начала намазывать ножом масло на хлеб. И тут вновь внезапно случился рецидив. Только мать вышла из кухни, как Алина, словно отключившись на несколько секунд от внешнего мира, тут же резанула себе вены на руках. Такие её непредсказуемые действия вновь несказанно шокировали семью. Девочку быстро перевязали, дали ей успокоительного, а мать созвонилась с Николаем Андреевичем.

Доктор в это время находился на дежурстве. Сообщение о девочке поразило его. Случай оказался более серьезным, чем он предполагал. Другой бы врач поскорее открестился от такого «неперспективного пациента», но только не Николай Андреевич. Он, не мешкая, договорился с коллегами о срочной госпитализации девочки в соседнее психиатрическое отделение и организовал машину для доставки. Алину поместили в отдельную палату, выделили сиделку, сделали укол снотворного.

Хотя ночь дежурства выдалась спокойной, Николай Андреевич не сомкнул глаз до утра. Он перелистал всевозможную литературу по суицидологии, психологии, социологии, психиатрии, неоднократно анализируя возникшую ситуацию с разных сторон. Но однозначного ответа, удовлетворяющего его как профессионала, найти не смог. Единственное, что он выявил, обдумывая прошлый разговор с родителями девочки, это то, что, возможно, он не придал должного значения информации о матери. Она имела определенное влияние на девочку. А отец

в беседе с ним обмолвился, что к его жене в последнее время стали приходиться люди из какой-то новомодной секты. Они якобы с ней вместе читали Библию, какие-то их брошюрки, проводили беседы. Мать была домохозяйка, свободным временем располагала. Отец же отрицательно относился к этому увлечению жены. Он считал себя православным. Значит, вероятно, был конфликт между родителями в присутствии девочки. И это на нее отрицательно повлияло. А может быть, эти «братья и сестры» успели как-то обработать ее сознание. Да и девочка что-то недоговаривала. В любом случае в этом стоило разобраться поподробнее и еще раз опросить родителей. По крайней мере, другой причины, претендующей на особое внимание, психотерапевт в данный момент не видел.

Выполнив свою «рабочую» медитацию, Николай Андреевич решил заглянуть к Алине. Девочка мирно спала, а сиделка, держа какую-то книжку в руках, старательно боролась со сном. Выяснив обстановку и переговорив с сиделкой, Николай Андреевич еще некоторое время постоял возле кровати Алины, размышляя о происшедшем. И тут, то ли оттого, что он недавно вышел из состояния медитации, то ли благодаря интуиции, он явно почувствовал сильное отрицательное поле, исходившее от девочки. Ему даже самому стало как-то не по себе. Не отдавая себе отчета, Николай Андреевич автоматически поставил «защиту», которой когда-то его обучил Сэнсэй. Он поинтересовался самочувствием сиделки. Но пожилая женщина как всегда ответила: «Терпимо». Выйдя из палаты, Николай Андреевич насторожился еще больше. Что-то с девочкой было явно не так. На интуитивном уровне он понимал, что суть происходящего с девочкой кроется за пределами простых причин, которыми он пытался объяснить это явление. Данный случай требовал срочной консультации с Сэнсэем. Николай Андреевич решил дождаться утра и созвониться с ним.

Но утром оказалось, что Сэнсэй еще вчера куда-то уехал из города. Пришлось действовать по схеме обычных методик. Николай Андреевич, помимо психотерапевтической и медикаментозной работы с девочкой, попросил коллег провести дополнительное обследование ЭКГ, ЭЭГ, сделать МРТ головного мозга и проконсультировать ее у невропатолога, окулиста и терапевта. Случай с Алиной серьезно заинтересовал Николая Андреевича, в первую очередь, как ученого. Дело в том, что в последнее время такие происшествия стали достаточно распространенными в области. Словно накатившая волна, прошла по городам целая серия самоубийств детей и подростков, совершивших суицид без видимых на то причин. Пользуясь этим случаем, Николай Андреевич задался целью приблизиться к разгадке этой непонятной «детской эпидемии» и по возможности попытаться обнаружить пусковой механизм суицидального поведения. Случай с Алиной стал для него идеальным объектом для изучения.

Обдумывая возможные причины подобного аффективного поведения девочки, Николай Андреевич решил созвониться с отцом Иоанном. После взаимного приветствия Николай Андреевич спросил:

— Не знаешь, когда Сэнсэй возвращается? Срочно нужен.

— Точно не знаю, но обещал скоро быть. А что за спешка?

— Да мне тут твое «муравьиное чадо» такой случай подбросило...

Вано усмехнулся.

— «Муравьиное чадо»?! Этот всегда приключения найдет на свою... голову. А что за случай?

Николай Андреевич вкратце рассказал историю девочки, не забыв упомянуть свою версию по поводу влияния секты.

— Ты знаешь, я почему-то уверен, что именно здесь кроется внутренний конфликт девочки, — серьезно ответил отец Иоанн, внимательно выслушав психотерапевта. — Сейчас этих новомодных сект хоть отбавляй. Еле успеваем расхлебывать негативные последствия их

разрушающего влияния на психику людей. И все на молодежь метят. Ты себе не представляешь, сколько появилось религиозных организаций деструктивного толка! Час от часу не легче! Уже напрапалую используют технику психологического манипулирования сознанием для вербовки и удержания своих членов. Охмуряют народ своими кривотолками, всё рвутся к тотальному контролю над мыслями, чувствами, поведением своей паствы. А истинные цели фактически более чем земные — незаконное обогащение и власть их лидеров, а то и вовсе заинтересованность определенных организаций в рабском сознании народа. Вот и зомбируют всех подряд. А что подростку стоит мозги испортить? Они тут со взрослыми не сильно церемонятся, а то дети... Пользуются их неопытностью, неинформированностью, обманывают как хотят. Кстати, а девочка крещеная?

— Да, ее крестили два года назад.

— Это хорошо... Тем более возможен конфликт! Девочку воспитывали в традициях православия, крестили уже довольно взрослого ребёнка. А тут эти пожаловали, по-своему грузить начинают, тем более, мать. Может, здесь у девочки произошел надлом. Ты же говорил, что отец жестко стоит на позициях традиционного христианства.

— Да. Насколько мне удалось выяснить, в семье несколько раз в присутствии девочки происходили скандалы по этому поводу. Отец говорил, что, мол, его крестили, и он не будет перекрещиваться. А мать не видела в простом чтении этих брошюр и посещениях этих людей ничего плохого. Кстати, отец неоднократно повторял фразу, что его жену зомбируют.

— Вот видишь. Если мать пытались зомбировать, то и девочке могли что-либо внушить эти «братья и сестры»...

— Родители утверждают, что девочка с этими типами не общалась. Хотя... Алина говорила, что в последнее время ей иногда кажется, словно ею кто-то управляет.

— Управляет?! — отец Иоанн немного помолчал, а потом произнес: — Есть идея! Давай в качестве психотерапевтической процедуры инсценируем перед девочкой и ее семьей обряд экзорцизма!

— Изгнание сатаны? Ну ты скажешь!

— А ты не спеши, подумай хорошенько. Ведь для девочки это будет хорошим психологическим подспорьем. Если она верит, что кто-то ею управляет... А мы как бы выведем этого демона из нее, внушим, что благодаря Церкви она будет спасена. Да еще родители на сеансе будут присутствовать, да уберут псевдолитературку из дома... Глядишь, девочка успокоится, и все в ее психике станет на свои места.

— В принципе вполне возможно. А почему инсценируем, а не проведем?

— Видишь ли, доказать, что в девочке сидит сатана, очень сложно. И соответственно получить разрешение от высшего духовенства на этот обряд тоже не просто. А инсценировка станет неплохим психологическим подспорьем девочке. В конце концов, если она вместе с родителями будет присутствовать при молитвах, хуже не станет, даже наоборот, это внесет гармонию в семью. Заодно девочка будет видеть, что мать никуда не ушла от христианства, и все в их семье осталось по-прежнему.

— Ну что ж, давай попытаемся, может и правда поможет... Надо же что-то предпринимать. Не будешь ведь постоянно держать ее на снотворном. Я переговорю с ее родителями. Если они согласятся, то попробуем.

На том и порешили.

В назначенный день к церкви отца Иоанна подъехала семья девочки в полном составе вместе с психотерапевтом и Женькой. Отец Иоанн тепло всех поприветствовал, в том числе, и Женьку, едва заметно улыбнувшись. Женька же просто не мог пропустить такого мероприятия, да еще связанного с деятельностью отца Иоанна. В то же время, понимая серьезность ситуации,

доходчиво разъясненной Николаем Андреевичем, Женька вел себя более чем корректно, сделав вид, что этого батюшку он видит впервые. И в этот день, надо отметить, парень открыл для себя совершенно нового человека в лице отца Иоанна.

Несколько часов подряд батюшка вместе со своими церковными помощниками читал молитвы. Его голос был не просто хорошо поставлен, а пробирал своей интонацией и силой до глубины души. Очевидно, сказывалась его предыдущая профессиональная подготовка в области психологии. Даже Женька, скептически относившийся ко всей этой процедуре, и то настолько проникся, что даже встал на колени и начал креститься. В конце концов, девочку окропили святой водой. Эта процедура оказала большое эмоциональное влияние на всех присутствующих. Даже Николай Андреевич, прощаясь с отцом Иоанном, отметил:

— Да уж, впечатляет... Такая акустика, такой свет... А девочка, смотрю, почти впала в транс. Правда, она еще не совсем отошла от действия антидепрессантов. Хотя это должно усилить эффект... А вообще, молодцом, молодцом. Просто нет слов.

— Старались, — скромно отозвался отец Иоанн.

— Честно говоря, я такого не ожидал, аж самого за душу пробрало... Дай Бог, чтобы ей помогло.

— На все воля божья, — ответил отец Иоанн.

* * *

После этой психологической процедуры Алина попросила выписать ее домой. Николай Андреевич пообещал, что переговорит с коллегами, чтобы ее выпустили через пару дней, якобы необходимых для оформления документов на выписку. На самом деле он рекомендовал врачам поддержать ее эти дни под усиленным медицинским присмотром, хотя состояние девочки не вызывало особых тревог у его коллег, судя по данным проведенного обследования. И все же когда девочку выписывали, Николай Андреевич, руководствуясь больше своей интуицией, попросил родителей особо приглядеть за дочкой. Ведь по статистике наиболее суицидально опасными для человека считаются первые три месяца после совершения им попытки суицидальных действий.

Родители старались придерживаться советов психотерапевта, создавая соответствующую благоприятную атмосферу в доме. Убрали всю «неблагонадежную литературу». Вечером, отужинав, Алина приняла успокоительное, как рекомендовали врачи, и легла спать вместе с матерью в комнате. Отец с сыном уселись на кухне играть в шахматы. Памятуя слова психотерапевта, они решили хотя бы первое время подежурить ночью. Эта ночь выпала отцу. Закончив очередную партию, сын уже собирался уходить, как внезапно вышла заспанная Алина, направляющаяся в туалет. Сонным голосом, она поинтересовалась, почему они не спят. Те ответили, что уже собираются ложиться. Отец с сыном переглянулись. Она, как ни в чем не бывало, сходила в туалет и пошла, зевая, назад.

Немного успокоившись, брат сказал:

— Ну, все, я пошел спать. А то завтра рано вставать на работу.

— Давай, — кивнул отец.

Проходя мимо комнаты Алины, брат с ужасом увидел, что его сестренка спокойно пошла на балкон и стала наклоняться через перила. Парень, не раздумывая, бросился к ней. Он еле успел ухватить ее за одежду в тот самый миг, когда девочка кувыркнулась вниз. Брат с трудом

удерживал сестренку на весу. Ее шелковая ночнушка быстро выскользнула из рук. Он закричал, зовя на помощь отца. В это время девочка, словно очнувшись, сама истошно заорала, увидев перед глазами головокружительную темную бездну. Она задергалась в попытках спасения, отчего ее ночнушка стала еще стремительнее выскользывать из рук брата. Еще мгновение — и случилось бы непоправимое. Но успела подбежать проснувшаяся мать, а за ней отец. Общими усилиями девочку вытащили.

Все произошло в считанные секунды. Однако вся семья пережила настолько сильный стресс, что некоторое время никто не мог прийти в себя. Телефонные звонки разбуженных диким криком соседей, которые возмущались их поведением и нарушенным покоем отдыхающих граждан, как ни странно, несколько привели в чувства семью. Напичкав девочку снотворным, родители и брат так и не сомкнули глаз до утра. Сидя возле спящей Алины, они горевали над нависшей над семьей бедой и над вопросом: «Как жить дальше?»

* * *

Николай Андреевич, узнав о случившемся, конечно, был не в меньшем шоке, чем вся семья девочки. Но он быстро овладел своими эмоциями и всецело погрузился в новый анализ данной проблемы. Такого в его практике еще не было. Этот случай, не выдерживал никаких объяснений. Чтобы человек без психических расстройств и патологий, после тщательного обследования, да еще находясь под действием антидепрессантов, вот так спокойно мог совершить суицидальные действия?! Ну, это было уже слишком!

Чем больше Николай Андреевич сопоставлял факты, тем сильнее затруднялся объяснить даже свои старые предположения. Все было достаточно странно и непонятно. Он знал, что по статистике этот случай не единичный. Из всех суицидников лишь треть страдала расстройствами психики и отличалась психическими патологиями, а остальные же, то есть больше чем в половине случаев, это были люди вполне нормальные. И если раньше Николай Андреевич списывал эти случаи на временные депрессии, жизненные неурядицы, личное мировоззрение людей, то случай с Алиной заставил его взглянуть по-другому на свои старые выводы. Какое у пятнадцатилетней девочки могло быть сформировавшееся мировоззрение? Скорее, отсутствие такового. Николай Андреевич думал, что, разгадав первопричину данного случая, он получит ответ на вопрос, что толкает вполне нормальных людей на самоубийство. А, установив диагноз, как известно, проще подобрать необходимую терапию.

Девочка вновь оказалась в больнице. Уже испробовав разные психотерапевтические подходы и приемы, Николай Андреевич решился на гипноз. Именно решился, так как с тех пор, как у него по поводу гипноза был серьезный разговор с Сэнсэем, который отрицательно относился к подобной практике ввиду ее негативного влияния на индивидуальные механизмы человеческой психики, Николай Андреевич очень редко стал использовать гипноз. Но в данном случае посчитал положение безвыходным. Да еще и самого Сэнсэя не было в городе, чтобы проконсультироваться по поводу столь сложного случая.

С помощью внушения Николай Андреевич ввел Алину в состояние гипноза, приказав вспомнить все, что произошло в момент первой суицидальной попытки. То, что он услышал, поразило его как специалиста. Обычно вся реальная информация, получаемая извне, фиксируется на уровне подсознания, образно говоря, сохраняется там, как на жестком диске компьютера. Многие из этой информации минует сознательный анализ. Человек может не

помнить в своем рассказе каких-то мелочей. Но подсознание, если умело им руководить, воспроизведет все в точности, в том числе и мелочи.

То, что обнаружил Николай Андреевич, было более чем невероятным. Вместо реальной картины действия подсознание девочки выдавало совершенно иллюзорную картину восприятия. Поразительно, но ее подсознание даже не зафиксировало, что она стояла на краю крыши. Алина якобы находилась возле небольшой речки. Сильный огонь полыхал позади, а впереди на другом берегу была красивая, тихая, уютная поляна. И нужно всего-то перепрыгнуть эту небольшую речушку...

Николай Андреевич был поражен. Ведь, по сути, если даже у человека стереть информацию из сознания, то все равно, глубоко в подсознании останутся утраченные «файлы» памяти. А здесь получается, что в той глубине, где записывается реальность, она полностью изменена. Выходит, что именно в эту недостижимую глубину подсознания была вложена совершенно другая информация, благодаря чему инстинкт самосохранения девочки был блокирован и работал в совсем ином режиме. Значит, и ее сознание воспринимало все абсолютно по-другому. Оно принимало иллюзию за реальность. Иначе, какая могла быть речка на краю девятиэтажки?! Следовательно, реальность произошедшего надо искать глубже, чем на уровне подсознания, на Востоке его называют истинным «я», а у нас «душой».

Николай Андреевич проверил и другие суицидальные попытки Алины. Оказалось, только в случае отравления подсознание девочки выдавало более адекватную картину переживаний, вполне соответствующую описанию очевидцев, да и самой девочки. Тут он не заметил ничего особенного. Вполне типичная ситуация — суицидальная попытка совершалась в состоянии тревоги, паники, выраженной депрессии, «туннельного» сужения сознания. Но в остальных случаях полная загадка. Общая картина вырисовывалась просто ужасающая. Получалось, что у Алины, которая пребывала в самом хорошем настроении, внезапно наступал провал памяти, и она безотчетно шла на самоубийство. Причем не на попытку инсценировки самоубийства в качестве шантажа или привлечения внимания к своей персоне, а на жесткое самоубийство с заведомо летальным исходом. Каков же был истинный пусковой механизм ее суицидальных действий?

Чем больше Николай Андреевич углублялся в эту тему, тем больше вопросов у него возникало. В медицинской литературе он тоже наткнулся на сплошные вопросы и незначительную толику ответов, да и то на грубом физиологическом уровне. Создавалось такое впечатление, что наука в этом вопросе шла на ощупь по трясине совершенных людьми самоубийств, да еще в непроглядном тумане возможных причин. Каждая ее поступь была достаточно осторожной, а исследование случаев объяснялось с односторонней позиции догадок и предположений. Николай Андреевич ощущал себя именно таким путником, заблудившимся в этом непроглядном тумане в поисках вразумительного ответа на столь загадочное явление психики человека. Можно сказать, что практически он зашел в своих исследованиях в тупик. Единственным, кто смог бы пролить свет на эту проблему, как предполагал Николай Андреевич, был Сэнсэй. Но он уехал. И Николай Андреевич решил использовать в качестве «исключительного исключения» технику Сэнсэя по изменению состояния сознания, которая позволяет пробудить душу человека и вызвать ее для диалога.

Тот день стал для Николая Андреевича не просто днем, а, как он считал, эпохальным открытием в истории человечества. То, что он услышал от Алины, когда, используя спецтехнику Сэнсэя, вызвал ее душу для разговора, в очередной раз поразило его в осмыслении глобального понимания жизни человеческой сущности до и после смерти.

В первый же день, как только Сэнсэй вышел на работу, Николай Андреевич примчался к нему в офис со своим «грандиозным открытием». Он подробно изложил всю историю с Алиной, а также поведал о своих попытках найти истинную причину пускового механизма суицидального поведения девочки. Сэнсэй слушал его, как обычно, молча и внимательно. Лишь один раз произнес странную фразу: «Понятно, девочка открылась». Когда психотерапевт дошел в рассказе до своих экспериментов с использованием гипноза, Сэнсэй осуждающе покачал головой.

— Да я понимаю, понимаю, — поспешил оправдать свои действия Николай Андреевич. — Но другого выхода не было. Тем более, как потом оказалось, не зря были мои старания...

Подробно остановившись на подсознательном восприятии девочкой несуществующей реальности, он с воодушевлением перешел к главному своему открытию, которое он совершил, использовав технику Сэнсэя.

— Ты представляешь, я сделал даже два грандиозных открытия. Невероятно, но факт! Во-первых, оказывается, «черный ящик» подсознания можно перекодировать. Ведь сейчас считается, что глубокое подсознание фиксирует все и навсегда. То есть, если в верхних слоях подсознания еще как-то можно стереть информацию, подменить ее в гипнозе, то в глубоких слоях подсознания сделать это практически невозможно. Оно ведь работает как запись «черного ящика» в самолете. У нас в практике были случаи, когда человек находился под анестезией в бессознательном состоянии, однако его глубокие слои подсознания в точности воспроизвели после операции все, что делали и говорили врачи во время операции. Или был другой случай: человек передал слово в слово разговор десятилетней давности двух людей, которого он слышать не мог, поскольку в это время крепко спал рядом с ними. Вообще считалось, что этот «черный ящик» подсознания невозможно перекодировать. А тут такое! Глубокое подсознание девочки выдает несуществующую реальность. Значит, получается, что перекодировка возможна!

Но это все мелочи, по сравнению со вторым открытием. Оказывается, Личность человека действительно сохраняется и после смерти, и в течение последующей жизни! Представляешь, в течение последующей жизни! Это же может стать эпохальным открытием для человечества. Ведь многие люди, впадая в депрессию, видят свое душевное спасение от жизненных проблем в смерти. А смерть-то, хотя бы взять то же самоубийство, получается, в действительности не спасает, а, наоборот, все усугубляет. И главное, люди ощущают это на глубоко внутреннем плане подсознания. Вот в чем заключается их страх перед смертью! Подсознательно человек чувствует, что самоубийство — это не спасение, а, напротив, усугубление внутреннего кризиса, причем с абсолютной невозможностью потом что-либо исправить.

Психотерапевт рассказывал, и Сэнсэй сначала слушал его, как обычно. Но когда тот заговорил о «черном ящике», Сэнсэй как-то напрягся и стал слушать внимательнее.

— Я когда побеседовал с этой внутренней Личностью девочки, то был просто поражен! Еще несколько таких доказательств — и можно будет говорить о научном открытии этого феномена. Представляешь, как данные знания о душе могут изменить жизнь человека и человеческого общества в целом?! Это же практическое научное доказательство, что после смерти Личность продолжает существовать!

— Так, стоп! — резко прервал Сэнсэй восхищенного психотерапевта. — По-моему, у нас с тобой был уже когда-то разговор и об использовании этой техники, и о научных открытиях, связанных с ней.

— Да я все прекрасно понимаю! Каюсь, обещал, что не буду использовать эту технику. Но так получилось... А тут такое открылось! Это же... Этому же знанию цены нет! Ты пойми, как это мир перевернет...

— Это точно, мир перевернет. Только в какую сторону, ты об этом не задумывался?

— Как в какую? В хорошую, конечно.

— В хорошую? С доминацией какодемона в обществе?! Понять сейчас ценность этих знаний способны лишь единицы, для общества время еще не пришло. И я тебе об этом уже неоднократно говорил. Каждому ростку свой срок.

— Но это ведь так важно для людей, для народа. Такая польза...

— Польза? Для народа? А ты вспомни, много ли ты принес пользы своей докторской диссертацией? Не успел опубликовать, как ее тут же засекретили. Хотя в ней, фактически, нет серьезных знаний. А ты говоришь, для народа... Всему свое время.

Николай Андреевич тяжело вздохнул, понимая правоту Сэнсэя. Но, тут же вспомнив о том, что не договорил самого важного, продолжил:

— Да, основное, что удалось выяснить... Но лучше изложу все по порядку. Когда я начал вести диалог на уровне души девочки, то оказалось, что со мной говорила Личность мужчины, который жил совсем недавно в Калужской области. Умер он в 1979 году в возрасте сорока восьми лет. Неудачная операция на сердце. Был он инженером. Жил как все, по стандартной схеме: детство, школа, армия, институт, женитьба, дети, работа. Он помнит свою прошлую жизнь до мельчайших подробностей, даже пребывая в новом теле. Много поведал о себе, о своих ощущениях после смерти, во время реинкарнации и особенно при теперешней его жизни. Конечно, для меня эта информация шокирующая!

Сэнсэй улыбнулся и уже более мягко сказал:

— Не переживай, не ты один был в шоке. Для него это тоже небывалое явление. А ну-ка напрямую пообщайся, заново почувствуешь жизнь.

— Да? Я так жалею, что не записал разговор на пленку... Он говорил, что, пережив то, что с ним произошло после смерти, начал совершенно по-иному понимать и ценить жизнь. Но это озарение оказалось слишком поздним, так как он уже не может ничего исправить. Находясь в новом теле, он ощущает парадоксальную ситуацию. С одной стороны Личность очень четко ощущает близость вечности, точно через пленку, **близость огромной духовной силы**. И ей очень хочется окунуться в эту божественную силу и избавиться от невыносимых внутренних страданий. Страданий, порожденных его мыслями и действиями прошлой жизни. С другой стороны, эта Личность является как бы внутренним наблюдателем новой Личности с новым телом. Она в ужасе созерцает, как новая Личность в виде Алины совершает те же самые ошибки в своем выборе между мыслями добра и зла. Но повлиять на этот выбор эта внутренняя Личность не может. И от преобладания плохих мыслей и поступков новой Личности ее страдания усиливаются в несколько раз. По ее словам это состояние и есть то, что мы называем адом.

— Это еще что, — пожал плечами Сэнсэй. — Если копнуть глубже эту, как ты говоришь «внутреннюю Личность», то в ней можно обнаружить Личность из ее предыдущей реинкарнации, причем страдающую не меньше, чем эта. А под той есть свой страдалец. И так далее.

— Интересно, интересно... А как это можно объяснить?

— Объяснить, конечно, можно. Но, понимаешь, если я начну тебе объяснять языком своей науки, ты вряд ли что-либо поймешь.

Николай Андреевич улыбнулся и вздохнул.

— Это я уже знаю. Но я на это и не претендую. Ты мне просто образно объясни, как

говорится, доходчивым для меня языком.

Теперь усмехнулся Сэнсэй.

— Доходчивым, говоришь? — И немного подумав, с юмором проговорил. — Ну, ладно. Представь себе, что душа — это яйцеклетка, а сперматозоиды — это Личности в теле после реинкарнаций. Во время своей жизни Личность, в нашем случае сперматозоид, приближается к яйцеклетке. Вертится, крутится всю жизнь около нее, но оплодотворить не получается. Так он, бедный, вымотавший всю свою жизненную силу, и остается возле нее, ну, скажем так, усохшим, в виде Личности с полным набором своего комплекса неполноценности. Прошла реинкарнация. Следующий сперматозоид-Личность устремляется к той же яйцеклетке-душе. Но и этот всю жизнь промахал хвостиком, двигаясь в материальном направлении. И вместо духовного оплодотворения с яйцеклеткой, свою жизненную энергию потратил на собственный эгоизм. Кончилась жизненная сила, и с этой Личностью случилась та же история неполноценности, которая повергла ее в чувственное мучение похуже, чем ад. Снова реинкарнация. Третий сперматозоид устремился к яйцеклетке. Попытка оплодотворить опять провалилась. И так далее. По прошествию определенного периода в случае, если ни одной из сперматозоидов-Личностей так и не удалось оплодотворить яйцеклетку-душу, все эти усохшие сперматозоиды с чувственными комплексами, находящиеся возле души, просто уничтожаются.

— А яйцеклетка?

— Она тоже в некотором смысле. Поскольку кому нужна неоплодотворенная яйцеклетка-душа, если она не выполнила свою функцию? Поэтому она тоже аннигилируется в другое состояние. Ведь по большому счету цель-то какая? Чтобы Личность своей внутренней силой Любви, чистой верой смогла соединиться со своей душой. Зачем это нужно? Затем, что при таком оплодотворении рождается совершенно новое по качеству духовное существо — ангел. Вот в нем то и проявляется в реальности свойство, скажем так, ген вечности души и ген мощной жизненной силы. Все это, конечно, очень грубо и очень примитивно сказано. Но, тем не менее, полагаю, что вполне доходчиво... В общем, тут приблизительно так, как в химии — если знать законы происходящих процессов и умело соединить два разных химических элемента, то получится совершенно новое по качеству вещество, субстанция с невероятным запасом энергии.

— Химия — это, конечно, хороший пример. Но лучше давай остановимся на физиологическом уровне. Это, как ни смешно признать, но действительно более понятно, — с улыбкой отозвался Николай Андреевич. — Я что хотел спросить, а если человек духовно пробивался в течение жизни к этой самой яйцеклетке-душе, но, к примеру, не успел за жизнь это сделать? Тогда что?

— По большому счету, каждый человек имеет свой шанс в течение жизни оплодотворить душу и стать новым существом. Главное, захотеть добиться своей цели, отказаться от негативных мыслей и сомнений и полностью сосредоточиться на одной цели: возвращение внутренней Любви своего духовного начала... Если же человек идет по духовному пути медленно, но уверенно, то, образно говоря, оболочка яйцеклетки-души начинает поддаваться натиску Личности. Даже если этот «сперматозоид» не успел оплодотворить, а пробил всего лишь маленькую брешь по пути к духовному, то следующий «сперматозоид» — Личность занимает его вахтовое место. Работать ему придется уже в чуть лучших условиях, нежели прежнему собрату. То есть в нем будет больше добра, больше положительного с момента рождения.

Вот посмотри на детей. Два ребенка рождаются в семье. При одинаковых условиях воспитания один эгоистичный, злой, старается загрести все себе, равнодушен к боли окружающих, а другой ребенок добрый, щедрый, открытый людям. Вот тебе и показатель работы предыдущих Личностей в них. Первому ребенку надо еще хорошенько потрудиться в течение

всей жизни, чтобы хоть чуть-чуть стать добрым. То есть, грубо говоря, выехать из гаража какодемона. А второй уже в духовном пути и имеет возможность усиливать свой агатодемон силой Любви. И после своего жизненного рубежа каждый из них будет жить тем плодом чувств, что взрастил для себя в течении жизни.

— Да... Действительно, эта Личность что-то говорила о «плоде горечи». Единственное, что облегчает ей боль, это когда у новой Личности идет всплеск силы Любви. Для нее это не просто облегчение, это даже похоже на некоторое успокоение, такую сладкую дремоту истерзанного болью, когда эта боль временно утихает. Но как только новая Личность включает свой центр отрицательных мыслей, муки начинаются заново.

— Совершенно верно. Почему всегда и подчеркивалась для людей важность силы Любви, ее доминирование в мыслях. Это не просто игра в добро. Здесь все намного серьезнее, — добавил Сэнсэй.

Николай Андреевич внимательно слушал, думая, что Сэнсэй расскажет что-то еще, но, так и не услышав продолжения, сказал:

— Если бы люди знали, что их ждет за гранью, то, может быть, и не допускали бы подобных ошибок. У нас ведь как? Святые из поколения в поколение глаголют «верь», а нас все сомнения гложут.

— Вот именно. А сомнений в вере быть не должно! Сомнения допустимы в материальном мире, но в духовном мире, в мире серьезных энергий, любое сомнение чревато глобальными последствиями. Поэтому путь в духовный мир возможен только лишь через чистую Веру и Любовь.

— Да... Самое же интересное по нашему случаю! Оказывается, этот внутренний наблюдатель видел совершенно иную картину. На девочку давила какая-то мощная отрицательная сила, которая и изменила ей реальность на глубоких слоях подсознательного уровня. И именно эта сила, господствуя в ее разуме, толкала на совершение суицидальных действий.

— Сила, говоришь... — промолвил Сэнсэй, и его лицо стало очень серьезным.

Он некоторое время молчал, задумавшись, а потом хотел было что-то сказать, но тут в офис ввалились гурьбой ребята, и Сэнсэй лишь промолвил:

— Ладно, разберемся.

Он договорился с Николаем Андреевичем, когда подъедет для осмотра девочки, и переключился на очередную порцию новостей от прибывшей компании.

* * *

Николай Андреевич приветливо встретил Сэнсэя возле входа в клинику и повел, словно гид, по запутанным лабиринтам больничного комплекса. Наконец, они добрались до нужного отделения, в палатах которого лежали потенциальные суицидники и люди, страдающие глубокими депрессиями. Сэнсэй задумчиво шел по длинному больничному коридору вместе с психотерапевтом. Николай Андреевич рассказывал о последних данных обследования девочки.

Дверь одной из палат была открыта настежь. В углу на койке лежал заросший мужчина средних лет, безразлично глядя в дверной проем. Проходя мимо палаты, Сэнсэй внезапно остановился и, глянув в глаза этому пациенту, резко свернул к нему.

— Куда? Нам же дальше, — не понял Николай Андреевич, думая, что Сэнсэй ошибся.

Но Сэнсэй никак не отреагировал на его слова. Он целенаправленно вошел в палату и сел возле больного. Николай Андреевич в удивлении последовал за ним. Мужчина даже не удосужился взглянуть на посетителей, все так же безразлично глядя в дверной проем.

— И давно ты тут бьешь баклуши? — спросил Сэнсэй, глядя на мужчину, как на своего давнего знакомого.

— Да уже почти месяц, — ответил за него Николай Андреевич, стоящий возле Сэнсэя. — Третья попытка суицида. Глубокая депрессия. Абсолютно не контактный. Вот так и лежит целыми днями...

Но Сэнсэй словно проигнорировал слова психотерапевта. Неожиданно он стал читать странное стихотворение:

— Высший дар нерожденным быть,
Если же свет ты увидел дня —
О, обратной стезей скорей
В лоно вернись родное небытия.

При первых же строчках в глазах больного вспыхнула искорка интереса. Он повернул голову к необычному посетителю и, едва тот закончил читать, восхищенно проговорил:

— Софокл?! Вы тоже читали этого древнегреческого драматурга?!

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся.

— Приятно встретить единомышленника, — в восхищении пробормотал больной, словно самому себе. Но после этого его прямо-таки прорвало бурной речью. — Не думал, что в сих кулуарах раздастся глас, вещающий эти бесценные строки человека, творившего почти два с половиной тысячелетия назад! Поразительно! Я ведь только что размышлял о них. Какие правдивые слова...

— Но, помнится мне, он произносил и другие слова: «Как страшен разум, если он не служит человеку», — заметил Сэнсэй.

— Ах, бросьте... «разум»... Разум — это дар человека и одновременно его проклятие. Помните, у Франсуа де Ларошфуко: «Разум всегда является жертвой обмана сердца». Мне ли это не понять? Люди всегда пытаются унизить чей-то ум. Но у них это плохо получается. И тогда они жестоко мстят ему, начиная на него гонения. И только смерть — его спасенье. Как у Цицерона: «От зол удаляет смерть, а не от благ».

— В Библии, в Екклесиасте в 9 главе 4 стихе есть такая запись: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву».

— Надежда? Надежда всего-навсего пустой звук, — печально произнес мужчина. И вдруг стал сокрушаться, изливая всю свою горечь. — Меня никто не понимает, ни друзья, ни коллеги, ни родственники! Зачем тогда жить? Почему кому-то везет, а таким как я, достаются одни неприятности? Наверное, я чем-то хуже других. Зачем продолжать жить, если мир так враждебен ко мне? Если даже она от меня ушла... Жизнь потеряла для меня всякий смысл. Разве вы можете испытывать такую душевную боль, как я? Боль, пожирающую меня изнутри, разрывающую на части? Для меня жизнь — это страдание. И никто, никто не сможет меня отговорить... Я хочу умереть.

— Ты хочешь умереть? А что ты сделал в этой жизни? Ну, умрешь ты сейчас, а дальше?

— Я не буду страдать.

— Не будешь?! Ты полагаешь, там тебе будет спокойно? Ты думаешь, там сможешь высвободиться от сгустка своего зла, от сгустка своей боли? Наивный человек! Там тебе будет еще хуже. **Ибо все, что доминирует в тебе сейчас, там преумножится. Здесь у тебя есть ШАНС, а за гранью останется лишь плод твоего выбора. Что посеешь, то и пожнешь...**

— Все это софистика. Просто слова, за которыми пустота. Когда я засыпаю, мне хорошо.

Когда я просыпаюсь, мне плохо. Я хочу заснуть спокойно, навечно, и мне будет там хорошо. А твои слова — всего лишь слова.

— Всего лишь слова?! — Сэнсэй взял его за руку и резко дернул. — Тогда пошли в реальность.

При этих действиях Сэнсэя мужчина словно отключился. По телу резко пробежала судорога, голова безжизненно упала на подушку.

Все исчезло. Только чувство бесконечности и безграничной свободы полностью охватило сознание. Безмятежность, спокойствие улаживает своим гармоничным веянием со всех сторон. Какое блаженство! Нет тела, нет проблем, нет страданий. «Это, наверное, рай! Я свободен, наконец-то свободен!» — зазвучала долгожданная ария где-то изнутри невидимого сознания. Но внезапно раздался мелодичный голос из ниоткуда: «Наивный человек, разве ты свободен?!»

Случилось что-то ужасное. Куда-то неумолимо потянуло против воли, против желания остаться в этом блаженном состоянии. Какое мощное притяжение! Как будто кто-то растягивает твое сознание, распластывает на чем-то очень похожем на тебя. Со страшной болью снова проявляется весь прошлый негатив, но не фрагментальный, как в последние минуты бытия, а жесткий, тотальный, словно за всю жизнь, сконцентрированный в каком-то ужасном, мучительном сгустке переживаний, ненависти, зла, страха.

«Неужели опять возвращаются старые страдания?! Но, боже мой, насколько они стали тяжелы, невыносимы! Какие жгучие душевные муки давят непосильным грузом!». Удушающее чувство безысходности, страх, паника. Усугубляющаяся трагедия неотвратимости происходящего процесса. «Но что это? Не может быть... Совсем нет жизненных сил! А как же подавить страдания?!» Острое чувство раздирающей, душевной боли, и ни единой капли жизненной силы, чтобы что-то изменить!

Страх нарастает, словно снежная лавина. Душевная боль многократно усиливается. «Но разве было ее при жизни столько? Нет, нет... Не может быть... Эти тонкие оболочки-Личности, те, кто подо мной, — это их боль! Но почему же мне так больно?.. Да это же я сам! Как же гнетущ этот негатив, какая боль исходит от него... Я этого не вынесу, я больше не могу!..»

«Где я? Странно... Боль вроде отпустила, но страдания души остались. Души?! О, Боже, да она совсем рядом! Вот она, трепещет под слоем тонких оболочек, словно под тонкой пленкой мыльного пузыря. Как явно ощущается колыхание ее вечности и покоя... Как она близка и как недостижима! Неимоверная тоска по истинному дому! Ведь не хватает всего лишь капли жизненной силы, чтобы окунуться в родную вечность, навсегда избавиться от терзающих мук... Насколько ощутил этот чувственный контраст... Нет, в душе нет страданий, там — Бог, там — покой, там нет места боли. Боль вся во мне...»

Раздался громкий детский плач. «Где же я? Неужели в теле ребенка?! В новом теле?» Но охватившая было радость тут же сменилась тяжким угнетением. По тельцу малыша пробежала судорога. «Но как же мучительно больно! Что это?!» «Тяжелая форма ДЦП... — многозвучным эхом произнес высокий человек в белом халате какой-то женщине, склонившейся над ребенком. «Не может быть! Детский церебральный паралич?! Не может быть!» Сильная судорога вновь скрутила беззащитное тельце.

«Какая страшная боль! О, Господи, за что? Слишком много негатива?! Неужели моя капля была последней в чаше равновесия? Что я наделал! Какая страшная плата за мое прошлое! Какой же я дурак, что всю жизнь заперся в себе, в собственном Эго! И что теперь? При ясном сознании на всю жизнь заперт в этом беспомощном теле?! Что же я натворил?! Я же

сам погубил себя, вогнал в более тяжкие условия существования. Я привнес себе еще большие страдания.

А ведь душа так близко... О, Господи, прости!!! Ты всегда был со мною рядом, а я... Прости!!! Как же глупо и бесполезно я растратил Твой бесценнейший дар — Жизнь, как ничтожно мало сделал доброго, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к истинно свободной Твоей Вечности... Как дорога теперь кажется каждая прожитая секунда жизни... Как стыдно и больно за упущенный спасительный Шанс...

Что же теперь делать, когда силы и возможности осталась в безвозвратном прошлом?! А в настоящем лишь мучительное созерцание тех же самых своих глупых ошибок, только уже повторяемых новой Личностью, ее разрастающейся злости, которая еще больше усиливает страдания плененных в ней Личностей. А они, в свою очередь, усугубляют ее страдания своей болью. Сущность без жизненной силы, как же это ужасно! Все чувствую, переживаю, страдаю внутри своей новой Личности, а изменить ничего не могу... Словно заколдованный круг, круг ада, в который я вогнал себя своей глупостью, и который станет теперь для меня испепеляющей вечностью... **Смерть, оказывается, не спасает от боли, она лишь усугубляет то «внутренне», что ты накопил за Жизнь.** Господи! Прости меня... Прости, если сможешь...»

В этот момент искреннего раскаяния что-то невероятно могучее и сильное начало вытягивать его сущность из инвалидного тельца ребенка. С трудом оторвавшись от данной матери, вновь возникло чувство небывалой свободы и легкости. Но при этом сохранился страх опять оказаться бессильным наблюдателем жизни собственной сущности.

Потом чья-то мощная, невидимая сила вновь стала загонять его в другое тело. Но какое счастье — это было его собственное тело! Он прочувствовал запах жизни, почувствовал, как опустился в кровать и соединился со своим здоровым телом, в котором могучим потоком бурлила молодая кровь. И все это невероятное переживание, овладение своей прежней полнотой жизненной силы охватило его разум. Он вдруг с огромным облегчением понял, что он ЖИВ, что он в своем родном теле, и в его руках созидательная сила жизни. **И главное, не все еще потеряно для собственной души, для освобождения тех его Личностей, которые испытывают невероятную боль, являясь заложниками своего выбора. В нем возгорелось огромное желание ЖИТЬ, ЖИТЬ с пользой для людей, для своей души. Любить ради Любви и жить ради Любви ко всему сущему!** Осознав это, он испытал не просто радость, а ликование тех, кто томился в нем уже вечность в оболочке собственного ада, с тоской и раскаянием созерцая через ее прозрачную стенку спасительный ковчег Души. И он ощутил движение могучего ковчега, на котором он есть капитан, взявший курс в вечность Творца.

Мужчина открыл глаза. Он посмотрел на того, Кто держал его за руку. В Его глазах он увидел сияние Великого Света, в лучах которого, отражался и блеск его души. Он понял, Кто перед ним, и в этот момент осознал всю полноту Божьего дара в виде предоставленного ему Шанса. Впервые в жизни он испытал настоящее чувство полноценного всеобъемлющего счастья. Не в силах выразить его словами, он крепко сжал в благодарности руку тому, Кто осветил ему Путь. И Тот, понимая его без слов, ответил таким же искренним пожатием, словно желая капитану счастливого плавания. В это молчаливое мгновение было сказано все, что невозможно выразить словами, ибо это было истинным общением душ.

Мужчина быстро вскочил с кровати, и, покидав свои вещи в какой-то пакет, побежал к выходу из палаты.

Николай Андреевич, не понимая, что могло произойти с пациентом за минуту беспомыслия, крикнул ему вслед:

— Эй! Стой! Ты куда?

Мужчина оглянулся, окинув его счастливым взглядом, и поспешно возвратился к доктору. Пожав ему с чувством благодарности руку, он промолвил:

— Доктор, ты не представляешь, сколько мне надо успеть сделать в жизни! Доктор, ты не представляешь себе, что такое ЖИЗНЬ! ЖИВИ, доктор!

С этими словами он выскочил из палаты. Ошарашенный таким внезапным преобразованием пациента, Николай Андреевич растерянно глянул на Сэнсэя.

— Что с ним случилось?! Санитары!

Сэнсэй улыбнулся и остановил его:

— Не надо. Он просто выздоровел.

Они вышли в коридор и посмотрели вслед быстро удаляющемуся мужчине.

— Я так ничего и не понял, что произошло, — озадаченно промолвил Николай Андреевич, все еще пребывая в недоумении.

Сэнсэй ответил довольно загадочно, процитировав стих Омар Хайямы:

— Ад и рай, утверждают ханжи,

Есть круги во дворце мирозданья.

Я ж, в себя заглянув, убедился во лжи.

Ад и рай — это две половинки души.

— Не понял... — продолжал вопросительно смотреть Николай Андреевич на Сэнсэя.

— Не напрягайся, доктор, — сказал Сэнсэй и дружески похлопал его по плечу. — Главное, твой пациент понял.

— А Омар Хайям тут при чем? — растерянно пожал тот плечами.

— Ну, Омар Хайям здесь точно ни при чем, — добродушно усмехнулся Сэнсэй.

* * *

Когда Сэнсэй с доктором вошли в палату к Алине, девочка заметно оживилась, приветливо здороваясь с ними. Сэнсэй, присев, завел с ней непринужденный разговор, незаметно перешедший на проблему Алины. Через некоторое время она начала не просто ему рассказывать о своей жизни, а словно раскрываться изнутри, пытаясь изложить все то, что ее так тяготило в данный момент.

Николай Андреевич в очередной раз не переставал восхищаться тем, как Сэнсэй вел разговор. Он свободно общался с людьми разного возраста, да так, что человек не только шел на открытый диалог, но и с большим желанием, легкостью обсуждал с ним самые сокровенные темы. Казалось, человек не просто обсуждал свою проблему, а испытывал при этом огромное облегчение, удовлетворение и даже своеобразное умиротворение, обретая в словах Сэнсэя сочувственное понимание, и главное, получал необыкновенно ясные и простые ответы на волнующие вопросы. У Николая Андреевича создалось впечатление, будто не слова как таковые были важны в процессе этого диалога, а какие-то невидимые нити внутреннего общения. Он сам, присутствуя при таких беседах в качестве наблюдателя, испытывал необъяснимое состояние душевного подъема. Точно своеобразное, благодатное веяние исходило от самого Сэнсэя и благоотворно сказывалось на присутствующих рядом людей.

Вот и сейчас, когда Сэнсэй разговаривал с Алиной, Николай Андреевич больше почувствовал, нежели понял, что настоящая терапия Сэнсэя шла именно на невербальном

уровне. Пока девочка охотно рассказывала Сэнсэю о своих приключениях, подробно описывая сердечные дела и страдания юной любви (что, кстати, было не так детально поведано ею доктору), Сэнсэй тем временем внимательно смотрел ей в глаза. Николаю Андреевичу показалось, что взгляд Сэнсэя все время как-то менялся, словно он не просто смотрел, а вел борьбу с чем-то невидимым.

По окончанию разговора даже сам Николай Андреевич испытал какое-то необъяснимое чувство облегчения, не говоря уже об Алине. Как говорится, словно камень с души спал. В этот момент у доктора появилась какая-то необъяснимая внутренняя уверенность в том, что теперь с девочкой будет все в порядке, хотя сознание, переполненное медицинским скептицизмом, по-прежнему сомневалось в благополучном исходе излечения данного пациента.

Когда они вышли из палаты, психотерапевт поинтересовался:

— Ну, как?

— Ты о чем? — спросил Сэнсэй, очнувшись от своих дум.

— Девочка как?

— А-а-а... Можешь смело выписывать.

— Слушай, здорово это у тебя получается! Если не учитывать время исповедей подопечных, то, считай, за десять минут — два здоровых пациента. Бросай ты эту вертебрологию! Давай к нам! Представляешь, какая польза стране?!

Сэнсэй усмехнулся.

— Вот люди! Все бы вам, чтобы кто-то пришел и все за вас сделал. А самим слабо?

— Ну, судя по статистике, слабо, — засмеялся Николай Андреевич.

— Хм, по статистике...

— Ну так, числа же управляют миром, — попытался пошутить Николай Андреевич.

— Ошибаешься. Они лишь показывают, как люди правят миром, — серьезно возразил Сэнсэй.

— Тоже верно, — улыбнулся Николай Андреевич. — Так что же случилось на самом деле с девочкой? Ведь вполне нормальный ребенок. Каков же был пусковой механизм совершения ее суицидальных действий?

— Тебе это любопытно как ученому? — как-то странно спросил Сэнсэй.

Николай Андреевич даже немного растерялся.

— Нет, ну почему же... И как практическому психотерапевту тоже. Ты не представляешь себе, насколько остро сейчас стоит вопрос аутоагрессии, суицида, особенно среди детей. Случай Алины, к сожалению, в последнее время стал типичным. Совершенно нормальные дети из вполне благополучных семей, с оптимистичными планами на будущее, в хорошем настроении, и вдруг ни с того, ни с сего кончают жизнь самоубийством. И, похоже, медицина здесь бессильна.

А чем мы лечим? Традиционным способом — психофармакотерапией... И если уже быть совсем объективным, то успехи психофармокологии принципиально не изменили уровень суицидальной активности. Что из того, что пациент, глотая таблетки, получает симптоматическое временное улучшение? Ведь врач, по сути, зачастую из-за этого приобретает хронического больного, требующего периодического или постоянного пожизненного лечения. Знаешь, как у нас на профессиональном сленге называют привычку больного сидеть на лекарственной поддержке? «Озверин». Потому что при отсутствии лекарства больные становятся еще более раздражительнее, чем были до того, как стали постоянно принимать лекарство. Ведь по сути, чтобы преодолеть тревожное состояние, необходимо тренироваться, вырабатывать в себе уверенность, прилагать волевые усилия к преодолению этого состояния. Конечно, проще всего проглотить таблетку и обрести мнимую легкость и иллюзорную защищенность. Но вопрос в том, что будет с человеком после окончания действия таблетки.

Ведь проблемы, как таковые, не исчезнут. Вот и остаются вопросы без ответов... Правда, сейчас пытаются использовать физиотерапию в качестве немедикаментозных методов терапии аутоагрессивного поведения. Однако число случаев суицида все равно не снижается. И дело не в тех, кто уже отправился на тот свет. Тут дело в людях, которые продолжают совершать такие попытки. Ведь это же настоящая эпидемия!

Да, меня волнует это и как ученого. Но отнюдь не из любопытства. К твоему сведению, по данным Всемирной Организации здравоохранения во второй половине нашего века самоубийства вышли на четвертое место среди причин смерти, причем с тенденцией роста в последние десятилетия. За год на планете кончает жизнь самоубийством свыше шестисот тысяч человек... А государства постсоветского пространства?! Мы же вошли в группу стран с высоким уровнем суицидальной активности. Когда такое было? В России еще в прошлом веке приходилось всего лишь два-три суицида на большой регион... И, самое главное, сейчас наряду с пенсионерами гибнет трудоспособная часть населения от тридцати до сорока лет. А чаще всего суицидальные попытки совершают молодые от восемнадцати до двадцати девяти лет. Но самое прискорбное то, что за последние годы резко увеличилось количество самоубийств среди детей в возрасте от пяти до четырнадцати лет, причем нередко с длительной подготовкой к суициду. Ну это уже совершенно аномальный, необъяснимый процесс! Поэтому мне так важно знать истинную причину совершения суицидальных действий. Поверь, если, зная причину, я смогу помочь, смогу спасти хотя бы нескольких из этих людей, то свою жизнь я уже проживу не зря. Поэтому твои знания сочту за оказанную Честь и не только мне, но и тем, кому они помогут.

Сэнсэй внимательно посмотрел в глаза Николаю Андреевичу.

— Хорошо. Но будь готов к тому, что то, что я тебе открою, гораздо серьезнее, чем ты себе представляешь.

* * *

Действительно, рассказанное Сэнсэем просто ошарашило Николая Андреевича. Несколько дней психотерапевт ходил сам не свой, обдумывая услышанное. Эта информация давала возможность не только увидеть скрытую сторону проблемы массового самоубийства в обществе, но и позволяла узреть сам корень данного зла. Доктор начал анализировать странные случаи из истории болезни некоторых своих пациентов. И был несказанно удивлен тем, что являлось очевидным. Многие становилось понятным. Оказывается, тайное желание многих людей покончить жизнь самоубийством в определенные периоды жизни — это далеко не всегда их желание и не такая уж тайная мысль, особенно для некоторых окружающих его «индивидов».

Николай Андреевич вспомнил даже случай из своей молодости. Чего греха таить, был у него в студенческие годы период, когда все летело кувырком, и дальнейшая жизнь казалась абсолютно бессмысленной. Нельзя сказать, что будущий доктор тогда пытался реально совершить самоубийство. Нет. Но мысль об этом очень навязчиво прокручивалась в его голове, несмотря на устойчивый пожизненный оптимизм. Эх, эту информацию бы да в те годы... Не было бы столь тягостных, мучительных попыток подавляющими мыслями, склоняющими к трагическим последствиям. В то время его спасла непредвиденная ситуация, можно сказать, счастливый случай, который неожиданно возник и переключил на себя все внимание. Да и случай ли то был на самом деле? Скорее, провидение...

Вспомнив и проанализировав события давно минувших дней, Николай Андреевич понял,

почему именно тогда такая пагубная мысль была столь назойлива, и кто из ближайшего окружения на самом деле желал его смертью «вкусно отобедать». Тревожило и то обстоятельство, что если раньше встреча с подобными негативными субъектами была редкостью, то сегодняшней день просто кишмя кишел ими и их черными делами. Понимая всю серьезность, глобальность и опасность данной проблемы для общества, Николай Андреевич не удержался и передал вкратце разговор с Сэнсэем отцу Иоанну. Тот был не менее поражен услышанным и, в свою очередь, сообщил об этом Сергею.

Сергей был другом Сэнсэя и Ваню. Он входил в тот узкий круг людей из окружения Сэнсэя, которым было далеко не безразлично духовное развитие своей сущности, и как ни странно это звучит в сегодняшние дни, судьба своей Родины. Ему было около тридцати лет. Мужчина обычной внешности, лишенной каких-либо особых примет. Несмотря на свои молодые годы, Сергей уже имел за плечами солидный багаж опыта в военном деле. Немало повидав на своем веку и много пережив, он одно время практически разуверился в смысле своей жизни. Но незабываемая встреча с Сэнсэем перевернула не только его мировоззрение, но и придала мощный импульс жизни и, главное, смыслу его существования.

Оставаясь неизменным патриотом своей необъятной Родины, ощущая в душе огромное желание помочь людям и служить Богу, Сергей не мог равнодушно отнестись к подобной информации. Собравшись вместе — Николай Андреевич, Ваню и Сергей — они решили подробнее расспросить Сэнсэя о данной проблеме, как говорится, узнать все из первых уст и продумать, что можно сделать полезного в этом отношении хотя бы для города, в котором они жили. С этим сия троица и пожаловала к Сэнсэю в медицинский офис в конце рабочего дня.

Весь медперсонал и пациенты уже разошлись. Сэнсэй пригласил друзей в свой кабинет. Выслушав их просьбу, он встал с кресла и задумчиво прошелся взад-вперед:

— Вы себе не представляете, за какую серьезную, трудоемкую духовную работу хотите взяться.

Николай Андреевич пожал плечами.

— Нам ли отступать перед трудностями?

— Да и куда отступать, позади Москва! — дополнил Сергей с улыбкой.

— Отступать действительно некуда, — тяжело вздохнул отец Иоанн. — Этой нечисти столько расплодилось! Так и лезет из разных щелей. Если еще и мы останемся такими же равнодушными сомнамбулами, как и все, кто тогда людей пробудит от спячки, кто укажет на гибельную пропасть, к которой они приближаются в своем безразличии?

Сэнсэй задумался на несколько минут, внимательно глядя на каждого сидящего, словно взвешивая все «за» и «против» относительно их личностей, и, наконец, проговорил:

— Ладно, будь по-вашему...

Троица оживилась, подбадривающее переглядываясь. А Сэнсэй вновь прошелся по кабинету и, усевшись поудобнее в кресло, начал рассказывать:

— Ну что ж, чтобы понять проблему, нужно изучить ее изнутри... Очень многие так называемые болезни людей, внезапные депрессивные состояния, попытки суицида (в том числе, и случай, на который напоролся наш неподражаемый Сусанин), самоубийства, несчастные случаи, убийства зачастую является следствием проявления действий окружения Кандука...

Кто такой Кандук? В разных уголках Земли его называют по-разному. Все байки про самых страшных вампиров среди людей — это детский лепет по сравнению с тем, что творит Кандук. В принципе все эти суеверные представления об оборотнях, упырях, вампирах, вурдалаках не лишены оснований. В народном фольклоре вампиры представлены в виде мертвецов, которые якобы выходят из могилы и сосут кровь живых. Надо отметить, что эти сказания, хоть и много в них вымышленного, все же недалеко отошли от истины. Кандуки действительно обречены на

полное свое духовное уничтожение, то есть окончательную смерть. Но определенный период времени они способны осознанно перерождаться в новые тела и питаться праной людей.

— Праной, праной... — пробормотал отец Иоанн, пытаясь вспомнить значение данного слова. — Это жизненной силой?

— Да. Я вам уже когда-то рассказывал, что прана — жизненная энергия, которую приобретает человек в момент своего зачатия. Ее количество, в общем-то, определяет сроки его жизни. То есть прана расходуется в течение жизни и, когда заканчивается, человек умирает. Автономно она практически не пополняется, но является очень мощной и действенной силой, чем и ценна.

— Точно, — кивнул отец Иоанн. — Помню, что знакомое понятие...

— Так вот, Кандук ворует прану людей и использует ее не только в качестве «корма», но и как силу для осознанного перерождения из тела в тело, образно говоря, для перезарядки своих «аккумуляторов», а также для фокусов, всякой сверхъестественной ерунды, дающей власть над своими жертвами. Кандук — не просто человек. Вернее, это бывший человек, превратившийся в своеобразного паразита. Это естественно. Там, где идет слияние животного и духовного, например, как здесь, на Земле в виде человека, имеют место подобные твари, паразитирующие на этом слиянии... Можно сказать, что вся эта нечисть поклоняется жажде и ненасытности материи. Хотя по существу Кандуки и их окружение не относятся к системе Люцифера. Это такие нейтральные промежуточные твари «ни нашим, ни вашим». Как правило, действуют они очень осторожно и скрытно.

— Ты сказал «их окружение»... — уточнил Сергей. — Значит, они орудуют не одни?

— Естественно. Кандук напрямую заинтересован в помощниках. Во-первых, это для него дармовой «корм» — людская прана, которую он потихоньку из них выбирает для себя. Во-вторых, подпитка собранной ими праны необходима ему на время перехода из одного тела в другое... Как правило, он старается набрать для себя так называемых три круга своих помощников. Первый круг — Лембои. Это приближенные люди. Он посвящает их в свою тайну «вечной жизни» в материальных телах и открывает технику энергопополнения праной, опуская только самое главное — что он тоже понемногу качает прану и у них, и та жизнь в материальных телах далеко не вечна. Лембои, в свою очередь, набирают себе в подпитку второй круг — Клохтунов. А те уже собирают более массовый третий круг — Изныль. Причем, чем дальше круг отстоит от Кандука, тем больше эксплуатации и меньше знаний. В результате, вся эта толпа служит своеобразным накопителем энергии для Кандука, эдаким конденсатором праны, которым, как я уже говорил, тоже пользуются и Лембои. И чем старше по прожитым жизням Кандук, тем больше праны ему требуется, чтобы поддержать свое существование.

— Получается, об истинных целях и намерениях Кандука знают только Лембои, то есть первый круг. А остальные просто эксплуатируются в неведении, — сделал для себя вывод Ваню.

— Совершенно верно. И особенно он усердствует при наборе определенного числа Лембоев, когда переходит из старого тела в новое, то есть перед биологической смертью старого тела...

— Интересно, а душа у этого Дундука, то есть Кандука, есть?

— Есть, это же бывший человек. Но с каждым его перерождением она становится все меньше и меньше. Дело в том, что Кандук использует свою душу в качестве... ну, скажем так, в качестве транспортного средства, чтобы вам было понятно. То есть цепляется за нее силой своей накопленной праны и сознательно управляет своим процессом перерождения, переходя в тело младенца. Они «прилипают», как паразиты, поглощая жизненную силу тельца и замещая ее своей энергией. Причем могут внедряться и на восьмой день после рождения, когда в теле ребенка уже поселяется собственная душа, и вытесняют ее.

— Так, значит, они перерождаются осознанно... — размышляя, проговорил Николай Андреевич.

— Да. У Кандука полностью сохраняется память, эмоции, чувства прошлых жизней...

— А в теле ребенка он тоже продолжает воровать прану у окружающих?

— Дело в том, что пока Кандук перерождается, пребывает в теле ребенка, пока это тело растёт, Лембои «подкармливают» его накапливаемой праной из своих кругов, даже не осознавая, что эта энергия через них уходит к нему. Они думают, что собирают ее для себя.

— Подожди, а как же расстояние, которое их разъединяет? Они, я так понимаю, не знают, где их Хозяин переродился? — спросил Сергей.

— Расстояние здесь не играет никакой роли. В мире энергий все немножко по-другому... Так вот, пока новое тело не достигнет возраста полового созревания, Кандук не сможет сам входить в энергетический контакт с людьми, в это время он особо нуждается в подпитке Лембоев и их окружения. Только в момент полового созревания своего тела Кандук сможет начать пользоваться энергиями.

— А что происходит с его душой? — поинтересовался отец Иоанн.

— Естественно ничего хорошего. С каждой реинкарнацией его душа становится все меньше и меньше. И чем меньше она становится, тем больше Кандуку требуется количество праны для следующего перехода, и все больше он превращается в бездушного зверя, чудовище из сплошных сгустков отрицательной энергии, которые в случае недостаточного количества праны, то есть своеобразного голода, давят на него со страшной силой.

Осознанно проходя процесс реинкарнации, зная о существовании высших миров, он, по сути, не может выйти из этой консервной банки человеческого бытия, куда, будучи еще Лембоем, добровольно себя когда-то запаял, слушая рассказы об обладании могучей силой и «вечных» перерождениях своего наставника Кандука. Получается, что человеком он уже стать не может и вырваться из этого дерьма тоже неспособен. Оттого его душевные страдания еще более усиливаются. И если у человека, у его души, кувыркающейся в перерождениях, есть ШАНС вырваться из этого мира материи, подняться на высшую ступень духовного развития, присоединиться к настоящей созидающей силе Творца, то Кандук лишил себя этого шанса сознательным выбором. Так что Кандук на полную катушку довольствуется жизнью в материальном мире. Для него это счастье. Силы у него предостаточно, будущего нет, поэтому и творит беспредел. Он обречен, поэтому наслаждается каждым проживаемым мгновением. Для Кандуков жизнь — это как последний вздох перед тотальной смертью их личности.

— А что же с ними происходит в момент тотальной смерти? — спросил отец Иоанн.

— Ну, что... — Сэнсэй встал, достал из холодильника бутылки с минеральной водой и предложил своим друзьям. — Будете?

— Давай, — согласился Николай Андреевич, остальные отказались.

Сэнсэй открыл две бутылки и протянул одну из них доктору. Потом снова уселся в кресло и, сделав пару глотков холодной минералки, продолжил разговор:

— Прожив десять—двенадцать жизней, всего лишь какую-то тысячу лет, в общем-то, мизерный срок по сравнению с вечностью, Кандуки полностью утрачивают способность к переработке праны. Душа уменьшается до минимальных размеров, а затем и вовсе аннигилируется. А без нее они просто, как говорится, идут на удобрение. В общем, у них получается парадоксальная ситуация. Они существуют как личности в принципе из-за того, что присутствует душа, но с постоянным подавлением проявлений души в виде фиксированной доминанты какодемона в их сознании. Душа все время пытается всячески сопротивляться данному сгустку зла, отчего это существо испытывает невероятные страдания. И в то же время оно и без души не может существовать. Вот у них и получается в полном смысле слова

обречение на адские муки... Кандук уже ничего не может сделать для души, так как у него полным ходом идет процесс материализации. Он помнит, что когда-то кем-то был, но на самом деле уже ни человек, ни чудовище, ничто... Прана же для них со временем становится вроде таблетки обезболивающего при смертельном заболевании.

— Этого Кандука можно физически устранить? — размышляя по ходу разговора, задал вопрос Сергей.

— Да в том-то и дело, что физическое уничтожение его тела равносильно большому подарку для него, поскольку после этого Кандук с большим количеством своей неиспользованной праны тела уйдет на очередную реинкарнацию. А вот борьба на духовном, энергетическом уровне — это да, это реальная возможность его обесточить.

— А как их можно вычислить?

— В основном работая на духовном уровне, с той стороны сознания. В общем-то, Кандука и его окружение очень трудно отличить от обычных людей. По виду и образу жизни такие же, как и все. Они могут быть кем угодно: друзьями, близкими, родными, сослуживцами, начальниками. Да и социальное положение, после такого опыта перерождений, становится для них со временем не столь значимым. Они просто пересыщаются властью. Так что, например, в наших условиях могут быть хоть миллионерами, хоть дворниками... Для них это роли не играет. Свою тайну держат в глубочайшем секрете. И вычислить по каким-то внешним признакам приближенных Кандука, как и его самого, очень сложно.

— Пирамидальная структура? — осведомился Сергей.

— Да. Причем со строгой иерархией. Кандука в лицо знает только ближайший круг — Лембои, так как непосредственно с ним контактируют. Он их обучает соответствующим техникам поглощения чужой праны, приемам манипулирования сознанием и подсознанием людей, методам создания психологической и энергетической зависимости людей от самих Лембоев, ключам кодировки и так далее.

— Не хилый наборчик отмычек, — прищелкнул языком отец Иоанн. — Попахивает замахом на мировое господство.

— Да им то господство до одного места, — махнул рукой Сэнсэй. — Их главная цель — утоление голода, как хотите его называйте, энергетического или пранного. Другое дело, когда при достижении этой цели у них происходит слияние общих интересов деятельности их кругов с Деструкторами. Тогда, конечно, для людей наступают тяжелые времена... Нечисть всегда на удивление быстро находит общие точки соприкосновения и объединяется в достижении своих корыстных целей.

— Верно, — согласился отец Иоанн.

— Меня как раз этот вопрос давно волновал, — заметил Николай Андреевич. — Почему нечисть объединяется гораздо быстрее, чем люди духовные?

— Ну как почему? Дабы достичь истинного духовного объединения, людям, входящим в этот круг, нужно вначале посадить своего «зверя» на цепь, то есть приструнить свое Животное начало. А это немалый труд. Это постоянный контроль над собой и своими мыслями.

— Ты упоминал, что у Лембоев тоже есть свой круг... Клохтуны, если не ошибаюсь, — напомнил Сергей и стал рассуждать дальше: — Следовательно, они знают в лицо Лембоев...

— А как Клохтуны попадают на удочку Лембоям? — влез со своим вопросом отец Иоанн.

— В основном из-за финансовых побуждений, жажды власти, а также привлекаемые «красивыми идеями» с присущими им «крючками» материи Животного, за которые цепляется их Эго, — ответил Сэнсэй.

— То есть, они психологически подвержены идеизации и сами впоследствии способны выдвигать свои идеи в определенном направлении, — уточнил психотерапевт, обдумывая

услышанное.

— Совершенно верно. Клохтуны боготворят своих Лембоев и абсолютно не ведают, что за этой структурой стоит Кандук и, естественно, не знают его истинных намерений... Клохтуны целиком попадают под энергетическое влияние Лембоев. Со временем Клохтуны начинают чувствовать облегчение, своеобразное чувство насыщения в присутствии своих «наставников». И если впоследствии они предпринимают попытку отдаления от Лембоев, у них начинается такое внутреннее состояние угнетения... ну, образно говоря, как у наркоманов, что-то типа ломки, появляется куча физических и психических недугов. Возвращаются назад в круг — все становится на свои места...

Николай Андреевич вопросительно склонил голову.

— У них возникает как бы физиологическая зависимость?

— В том числе. Если выразиться научным языком, то точнее сказать эндонаркотическая зависимость путем стимуляции эндорфинной системы раздражителями идейного содержания с формированием эндоморфинной эйфории. Так что, если они пытаются уйти от Лембоев, это у них сопровождается болезненным состоянием, сходным с постнаркотической абстиненцией. Так Лембои кодируют на подсознательном уровне своих последователей, усиленно активируя в них Животное начало. Они не дают им серьезных знаний. Лембои обучают их всего лишь деструктивным психотехникам, а также ограниченными методиками влияния на человека.

— Короче говоря, используют их, как бобик тряпку, по полной программе в корыстных целях, — проговорил Ваню.

— Да. Для верхушки этой структуры, то есть Кандука и Лембоев, Клохтуны являются как бы полупроводниками. Основная задача, которая им негласно вменяется, и о сути которой Клохтуны и не догадываются — это открыть через стимуляцию людского какодемона доступ к пране большого количества людей в качестве подпитки для ближайшего окружения Кандука.

Сергей, слушая Сэнсэя, переплел руки, скрестив их на груди, и когда тот проговорил последнюю фразу, произнес:

— Хм, для этого нужно, чтобы Клохтуны хотя бы стояли у рычагов власти, или, на худой конец, что-либо возглавляли...

— Мыслишь в верном направлении, — кивнул Сэнсэй, вновь сделав несколько глотков минералки. — Зачастую Клохтуны являются одними из инициаторов, организаторами или руководителями политических, государственных и особенно общественных, религиозных, сектантских объединений, организаций и движений, в том числе, ансамблей агрессивной музыки, различных кружков... И даже, к примеру, казалось бы, таких безобидных, как иностранных языков, преподаватели которых специально приезжают из другой страны, выдавая себя, к примеру, за каких-нибудь «подлинных волонтеров» с совершенно «невинными целями»... Клохтуны собирают вокруг себя толпу. Причем, на первый взгляд, они могут выглядеть и вполне приятными миролюбивыми людьми, уважаемыми в определенных кругах обществ. Клохтуны очень тонко играют на подсознательных мотивациях людей, умело примешивая негативные тенденции. Но, как только люди начинают доверять им, они тут же переводят их мысли на доминанту какодемона. Человек открывается в своих отрицательных мыслях, в негативе, выплескивая прану. А Лембои через энергетическое поле Клохтуна, которое связано с «жертвами», забирают ее для себя.

— А что происходит с тем человеком, из которого качают прану? Как распознать «жертву»? Человек как-то чувствует утрату жизненной силы в плане психологического угнетения? Или это выражается в навязчивых мыслях самоубийства? — поинтересовался отец Иоанн.

— И не только у него могут возникать подобные мысли, но и у ближайших родственников, знакомых, с которыми он близко связан. Иногда это проявление воровства праны настолько

сильное, что в качестве его последствия на «жертву» внезапно обрушиваются тяжелые болезни, от которых она вполне может скоростижно уйти из жизни.

В основном у «донора-жертвы» после работы Клохтуна возникает сплошная полоса неприятностей, от которых он еще больше открывается, становясь чрезвычайно нервным и раздражительным. Зачастую сами «доноры» или их близкие начинают болеть одной болезнью за другой. А врачи потом голову ломают: одно вылечили, другое прицепилось, другое вылечили, третье появилось. И списывают все на синдром хронического больного, мол, «все он выдумывает, шиза в голове». А на самом деле человек просто законтачен. В нем кто-то хозяйничает из круга Кандука. И все его болезни по большому счету возникают именно из-за искусственной выкачки праны. Организм ведь начинает сигнализировать, пытается всячески сопротивляться, так сказать, кричать во всю глотку «SOS!». Вот у человека и получается «вечная проблема со здоровьем».

— Я таких пациентов не один десяток могу привести в пример, — в ужасе проговорил Николай Андреевич, отпрянув на спинку кресла. — И что, все они законтачены?!

— С психологическими проблемами — большинство... Конечно, нельзя все случаи болезней списывать на действия кругов Кандука. Организм есть организм. Сбои в нем, как в материи, естественны. И хронические заболевания ему присущи. Просто надо своевременно ухаживать за своей биологической машиной, делать профилактику и не запускать. Но главное, вопреки желаниям своего Животного начала держать в голове только позитивные мысли, жить с любовью в сердце, с любовью к Богу и создавать благодаря этому вокруг себя положительное поле. Тогда уж точно ни одна зараза не прицепится.

Сэнсэй замолчал. Он допил минеральную воду и поставил пустую бутылку на стол.

— А что это за третий круг... Изныль? — угрюмо спросил Сергей у Сэнсэя.

Отец Иоанн с усмешкой покачал головой.

— Ну и названия у этих ребятшек — Клохтуны, Изныль... Изныль — это от слова «изнывать» что ли? Чахнуть нравственно?

— В точку попал! — кивнул Сэнсэй.

— Я так и знал. Сплошные «чезлыки нэвмырущие»...

Сергей вопросительно посмотрел на Вану.

— Чего, чего?

Отец Иоанн повернул голову в его сторону и со своей неотразимой щербатой улыбочкой произнес:

— «Чезлык нэвмырущий» — это в переводе с украинского означает «кощей бессмертный». Надо читать современные народные сказки хотя бы по ночам, а не известно там чем заниматься.

После секундной паузы все четверо звучно рассмеялись.

— Точно, что «чезлыки», — насмешливо промолвил Сэнсэй и вновь перешел на серьезный тон разговора. — Ты прав, действительно Изныль в народе называют не иначе, как «тяжелыми людьми». Они постоянно ноют, что все плохо, что им трудно живется, вечно всем недовольны, вечно у них какие-то проблемы, которые они пытаются повесить на других. Они истеричны, легко заводятся на скандал и зачастую сами провоцируют ссору. Причем, после ссоры, скандалов чувствуют значительное облегчение, даже своеобразный прилив сил, тогда как оппонент ощущает себя целиком разбитым.

— У таких людей и здоровье, наверное, никудышное, — заметил Николай Андреевич.

— Совершенно верно.

— Тогда зачем они нужны Кандуку, если с них взять-то с них нечего? — пожав плечами, спросил Сергей.

— Они, конечно, не представляют энергетической ценности для кругов Кандука, хотя и с

них тянут прану. Однако эти люди имеют выходы, доступ к энергополю своих знакомых, друзей, родственников и сами по себе являются индивидами активными, с активным какодемоном. Поэтому Изньль удобны Кандуку и его окружению в том плане, что они легко провоцируют у людей своего социального окружения стрессы, депрессии, агрессию и соответственно является проводниками их праны. В общем, такие мелкие массовые воришки.

— Ясно, — протянул отец Иоанн. — Тырят, значит, по мелочи.

— Получается, вся эта нечисть действует по одному принципу, — подытожил Николай Андреевич. — Они сближаются с человеком...

— ... зачастую становятся лучшими друзьями, — добавил Сэнсэй.

— ... Провоцируют его на агрессию, — продолжил психотерапевт. — И как только в человеке идет всплеск отрицательных мыслей какодемона, они пробивают его ауру на энергетическом уровне и начинают забирать высвобождающуюся энергию праны. После этого человек болеет, либо у него наступает депрессивное состояние.

— Это в лучшем случае, — соглашаясь, кивнул Сэнсэй. — В худшем, если воздействует непосредственно сам Кандук или Лембой, то они забирают всю жизненную энергию человека, тогда «жертва» внезапно кончает жизнь самоубийством или несчастным случаем... Чужая физическая смерть для них как глоток свежего воздуха. Чужая боль — это их подпитка, можно сказать, их своеобразный наркотик.

— Так, стоп, — проговорил Сергей, приподнимая указательный палец. — Что значит Кандук или Лембой воздействуют непосредственно? Выходит, они иногда все же напрямую контактируют с «жертвой», не через свои круги?

Вано оживленно глянул на него и подхватил мысль:

— То есть, «побокую конспирация, мы пошли на охоту»?! А это шанс...

Все посмотрели на Сэнсэя. Тот улыбнулся и пошутил:

— С вами и говорить неинтересно, все наперед знаете... Вы правильно заметили, Кандук дает иногда промашку и засвечивается в обществе, либо от пранного голода, если ему не удастся создать собственные накопительные круги, либо ему просто захотелось «сладко покушать» для собственного удовольствия. Тогда конечно, вычислить его проще... Если он контактирует сам с людьми, впрочем, как и Лембой, то творит вещи посерьезней, чем Клохтуны и Изньль.

— Например? — спросил Сергей, сосредоточенно глядя на Сэнсэя, словно удерживая в уме единую нить своих вычислений.

— Ну, к примеру, Кандуку по большому счету не нужно собирать толпу и проводить ее психологическую обработку, кодировку, чтобы вытащить прану, хотя и это для него не проблема. Ему достаточно с кем-то встретиться взглядом, и если человек будет открытый, с доминированием какодемона, считай, он попался, как кролик в пасть удаву.

— Ты имеешь в виду те фазы открытости, когда человек слишком возбужден, или восприимчив, или разозлился на кого-то? — уточнил психотерапевт.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй. — Почему? Потому что в это время ослабляется «защита», и человек становится доступен для любого, скажем так, «вируса» извне. И чем злее и агрессивнее становится человек, тем он беззащитнее для отрицательных энергетических проникновений. Давайте разберем такой простой пример: человека разозлили где-то в очереди. Он начинает возмущаться, роптать. И в это время чувствует взгляд. Многие не замечают, откуда конкретно он исходит, но каждый чувствует его на себе. И у человека идет как бы дополнительный всплеск, как будто что-то загорается внутри. Он начинает ощущать прилив сил, начинает доказывать свою правоту. По большому счету, она никому не интересна, эта его правота. Но людей, как намагниченных, тянет на склоны, споры до хрипоты и остервенения. Вот они и открываются для Кандука и его приспешников. А ведь сколько раз предупреждали людей,

тысячу раз говорили — не желай никому зла, никому и никогда...

— Вот, вот, — подтвердил отец Иоанн и поучительно добавил: — Почему Иисус и говорил, что ударили тебя по левой щеке — подставь правую. Тебе же, чадо, безопаснее будет.

Присутствующие заулыбались.

— Точно... Так вот, — продолжил Сэнсэй, — когда Кандук или Лембой фиксирует открытого человека — всё, дальше, как говорится, уже дело техники. Буквально в течение суток или двух эта «жертва», даже при жизненном благополучии и обустроенности в семье, на работе, в обществе, вдруг ни с того, ни с сего кончает жизнь самоубийством, явным или замаскированным способом в виде несчастного случая. То есть, данного человека в какой-то момент, грубо говоря, клинит...

— Как говорят специалисты, человек проявляет бессознательное суицидальное поведение, — вставил Николай Андреевич.

— Совершенно верно, — согласился Сэнсэй. — Бросается под машины, или выбрасывается из окна и так далее. И, главное, в этих случаях «жертва» совершает поступки, ведущие к стопроцентному летальному исходу. Кандук же во время смерти человека, удерживая его энергетику в своих руках, полностью забирает его прану... Но взрослый человек — это так, ерунда, добыча Кандука либо от пранного голода, либо попутная «дичь». Если он выходит сам охотиться, то, как правило, охотится на младенцев, детей, то есть на жертв, где есть очень большой запас праны. Для него чем моложе, тем лучше.

— Вот нечисть поганая! — не удержавшись, в сердцах произнес отец Иоанн. — Ничего святого... Даже детьми не брезгует!

— В том-то и дело...

Николай Андреевич тяжело вздохнул и покачал головой.

— А они что, маленьких детей тоже подлавливают взглядом или через кого-то провоцируют ребенка на всплеск агрессии?

— Боже, что в мире творится... дурдом, — никак не мог успокоиться отец Иоанн.

— Погоди, а как же младенцы? — рассуждал Николай Андреевич. — У них ведь, нет еще, как таковой, осознанной фиксации мысли. В первый год жизни появляются лишь простейшие эмоции.

— Кандук действительно не может напрямую воздействовать на младенца, — ответил Сэнсэй. — Но вот окружение младенца — хороший проводник. Ведь именно на чувственном уровне младенец очень тесно связан с матерью или с людьми, которые, заботясь о нем, составляют его ежедневное окружение. Поэтому Кандук ловит кого-нибудь из членов этого окружения на доминировании отрицательных мыслей. А потом, к примеру, когда семья с младенцем едет в машине, отец, законтаченный Кандуком, по «необъяснимым причинам» набирает скорость и резко выруливает в кювет. В момент смерти младенца Кандук берет очень много чистой энергии.

— Вот же погань! И как только таких Земля держит?! — пробормотал отец Иоанн.

— Или вот другой пример темных дел Кандука или Лембоя после законтачивания кого-нибудь из окружения младенца. Семья ложится спать. Все рады, довольны, весь вечер смеялись, строили грандиозные планы на будущее. А среди ночи мать встает и убивает своего младенца и кончает с собой, или же берет ребенка на руки и выпрыгивает из окна многоэтажки.

— Да, к сожалению, это не редкий случай. Я смотрел статистику, — кивнул головой Николай Андреевич. — Типичным суицидом эти случаи точно уж не назовешь.

— Верно, — заметил Сэнсэй, — так как здесь проявляется непосредственное действие Кандука или Лембоя. Эти случаи четко отличаются от обычных суицидов, когда люди гибнут от депрессии, алкоголизма, наркомании, смертельных болезней, вследствие психических

расстройств.

— Кстати говоря, по статистике волна таких непонятных суицидов проходит в основном по промышленным городам, — подметил Николай Андреевич.

— Потому что на сегодняшний день Кандук, как правило, селится и плетет свои круги именно в крупных промышленных городах. Если в городе насчитывается около трехсот самоубийств, будь уверен, сто из них произошли именно по наводке или действиям Кандука или его окружения. Так это еще без учета несчастных случаев, которые в их исполнении далеко не случайны.

— Да-а-а, — протянул отец Иоанн. — В несчастном случае тяжело доказать, что это был именно суицид. Как говорят в правоохранительных органах, суицид легче заподозрить, чем доказать...

— Мне тоже приходилось сталкиваться со случаями смерти, отмеченными как несчастные случаи, которые на самом деле больше были похожи на замаскированные самоубийства, — проговорил психотерапевт.

— Сейчас стало модным скорее убийство маскировать под самоубийство, — с грустной ухмылкой вставил отец Иоанн.

Николай Андреевич выслушал его и продолжил:

— Был я однажды в одной компании с начальником областного ГАИ. Так он как раз рассказывал о том, что скрытые самоубийства нередко происходят с водителями на проезжей части. У них даже прозвали эти случаи «автоцидом»... И все равно остается спорным вопросом, насколько случайными были эти несчастные случаи. Ведь во многих происшествиях все списывается на психологический контекст: невнимательность водителя, превышение скорости, ошибки в оценке ситуации, а также управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Зачастую определяют как следствие не только осознанного, но и бессознательного саморазрушающего поведения человека за рулем. Оказывается, тут не все так просто, если досконально разобраться.

— Не все... так... просто, — повторил в задумчивости отец Иоанн.

В это время раздался телефонный звонок.

— Минуточку, — сказал Сэнсэй своим друзьям.

Он встал, подошел к телефону и снял трубку.

— Да... Слушаю вас... Да... Да... Лучше во второй половине дня... Хорошо... Всего доброго.

Сэнсэй положил трубку, вернулся и, усевшись в кресло, проговорил:

— Вот такие пироги.

Сергей помассировал виски и медленно сказал:

— Как я понял, в этой структуре схема проста. Даже чем-то похожа на пасеку... Кандук является Хозяином пасеки, который собирает и ест мед. Лембой — это матка в улье. И таких ульев у Кандука, как я уразумел, несколько. Клохтуны — это соты, которые привлекают, организуют пчел, а также кормят Лембоев и Кандука. А Изныль — это массовые рабочие пчелы, которые «летают» среди людей и собирают с них «мед».

— Можно сказать и так, — согласился Сэнсэй. — Кстати, человек, с которого собирается этот «мед», по их негласной терминологии называется «вязень», что означает «узник», «заключенный».

— Веселые ребята, — горестно хмыкнул отец Иоанн.

— Да уж, обхохочешься, особенно когда вплотную столкнешься с их деятельностью, — серьезно проговорил Сэнсэй.

— Судя даже по статистике суицидов, разгул этой нечисти сейчас очень массовый, — подчеркнул Николай Андреевич.

— К сожалению... Раньше Кандуки долго на одном месте не задерживались. Постоянно переезжали с места на место. И в принципе их перемещение можно было быстро вычислить. Там, где они появлялись, начиналась серия непонятных самоубийств, такой волнообразный всплеск. То есть, эпизодично проходила волна, потом затихала. Затем вновь этот всплеск появлялся в другом районе или городе. И так они мигрировали, оставляя своих последователей, приближенных, которые продолжали воровать у людей жизненную энергию... А сейчас этими, так сказать, «оргвопросами» в основном занимаются Лембои да Клохтуны. Кандуки же оседают, как правило, в крупных городах да так шифруются, что нужно потратить немало сил, чтобы их вычислить.

Сэнсэй замолчал. Наступила небольшая пауза в разговоре.

— Расплодилось этой нечисти, однако, — проговорил Ваню.

— Угу... Чересчур, — добавил Сергей.

— И самое главное, — произнес психотерапевт, в основном обращаясь к Ваню и Сергею, — ведь еще столетие тому назад Россия была на последнем месте среди европейских стран по уровню самоубийств. Всего три случая приходилось на сто тысяч населения...

Сэнсэй кивнул, соглашаясь, и дополнил:

— И всего лишь один из трех был спровоцирован окружением Кандука.

— А сейчас что творится в постсоветских государствах! — сокрушаясь, продолжал Николай Андреевич. — Тридцать один случай на сто тысяч населения, когда двадцать случаев уже считается высоким показателем! И это число растет из года в год. И не просто растет, а омолаживается по возрасту суицидников. Это же катастрофа!

— Да, — отец Иоанн понимающе кивнул головой. — А люди словно открещиваются от этой проблемы, не видят и не слышат, или не хотят ее принимать во внимание, пока беда не нагрянет в их дом.

— Конечно, — подхватил доктор. — Об этой проблеме сейчас открыто заявляют только некоторые психиатры, специализирующиеся на суицидологии. Но кто их слышит? Понятно, в СССР суицидологическая тематика замалчивалась, вплоть до 1985 года. Даже статистические работы были засекречены. Но в них же тоже отмечался факт неуклонного роста числа суицида в стране. Этого нельзя было не заметить.

— А что творилось в 1993 году? Взять хотя бы ту же информацию по церковным каналам. — Отец Иоанн нахмурился. — Это же был целый разгул мракобесия! И никому до этого не было дела, как, впрочем, и сейчас.

— Но этот год еще можно как-то объяснить крушением идеалов, обнищанием масс, дезорганизованностью стереотипов общественной жизни, — отозвался Николай Андреевич. — Так всегда было в обществе с низким социально-экономическим уровнем.

Сэнсэй отрицательно покачал головой и сказал, обращаясь к нему:

— Если ты будешь тщательно исследовать статистику самоубийств, начиная с давних времен, то не обнаружишь прямой связи между уровнем жизни и самоубийствами. Самоубийства в массовости своей — это побочный результат от деятельности Деструкторов и естественное следствие активности кругов Кандуков, которые провоцируют людей на доминирование в их сознании какодемона. Люди сами виноваты, что желают и допускают плохие мысли и негативные установки в свое сознание через искажение позитива. От этого и страдают.

Не будем касаться примеров древности, хотя их полно было во всех человеческих цивилизациях, возьмем то, что можно наблюдать сегодня. Вот, к примеру, Швейцария — казалось бы, одна из самых богатых стран мира с высоким уровнем социально-экономического развития. Но, несмотря на обеспеченную жизнь ее граждан, она уже в течение многих лет

является одним из лидеров по самоубийствам в Европе. Да и в самих странах Европы, которые нам кажутся примером цивилизованной жизни, самоубийство входит в число десяти наиболее распространенных причин смерти. Я уж молчу о США, с их мнимой свободой для народа и реальной свободой для разгула Деструкторов и Кандуков с их окружением. Кстати, именно Америка на сегодняшний день является один из основных мировых убежищ для Кандуков и их Лембоев. И именно здесь разработано очень много деструктивных психотехник, которые уже прошли апробацию в различных регионах мира.

Отец Иоанн хитро прищурился, и, растянув губы в «щербатую улыбочку», проговорил:

— Не в образе ли той агрессивной дамы с дубинкой в руках под именем «Демократия»?

— В том числе, — ответил Сэнсэй.

— Да, сегодня у Кандуков особое раздолье, — посетовал Николай Андреевич.

Сергей, согласившись, кивнул.

— Если учесть всю услышанную здесь информацию, то их пирамидальные структуры растут во всем мире, прямо как на дрожжах.

— Ишь ты, эта нечисть даже на славянские территории позарилась, — хмыкнул отец Иоанн, думая о своем. — Осмелела... Думает, некому ей тут хвост прищемить, вместе с кое-чем другим...

— И главное, для достижения своих целей ничем не гнушаются, — возмущался в сердцах Николай Андреевич.

— Что верно, то верно, — поддержал его Сэнсэй. — Используют любые средства... Как они только высокопарно не называют свои организации, вовсю используя имя Бога, духовных лидеров человечества! Как только не перекручивают истину, понятия любви, свободы, чтобы привлечь к себе побольше пранного корма! Ничем не брезгуют, создавая даже сатанинские секты. В ход идет все, в том числе, и знания человечества, накапливаемые веками как в духовных, так и в физических оздоровительных областях.

Привлекают людей именно такими красивыми «обертками» своих «конфет», я имею в виду названиями своих организаций, лекциями, семинарами с использованием известных во всем мире, раскрученных брэндов. Если человек попался на их крючок, начинается умелая обработка его психики, где незаметно заменяется Правда на Кривду. И человек становится рабом своего Эго, своего какодемона. Вы посмотрите, чем привлекают людей Клохтуны в свои организации! Они же тайно и явно играют на струнах Животного начала человека, на глубинных чувствах, исходящих из потребностей души, подменяя их в разуме Животным.

— Да, — сказал отец Иоанн. — При внешней «праведной» оболочке, любви и безропотного подчинения руководителям этих организаций, людям закладывается в подсознание агрессивность к окружающему обществу.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй. — Даже есть названия сект с использованием имени Шамбалы и Беловодья. Это вообще анекдот! Ну, и на кого это рассчитано? На неграмотную толпу, на наивных людей, которые не имеют даже приблизительного представления, что такое Шамбала? Да Шамбала никогда не будет создавать среди людей никаких сект и религий, тем более, собирать пожертвования, проводить лекции и семинары! Все это есть продукт деятельности людей, причем во многих случаях далеко не с благородными целями...

А что касательно Шамбалы, то парадокс в том, что все мировые религии в духовном аспекте истинных знаний принадлежат Шамбале, потому что во всех религиях используются одни и те же знания, первоначальным источником которых является Шамбала. Но сама же Шамбала никогда не вмешивается в дела человеческие, оставляя людям право выбора. А если она когда-то, где-то и влияет на глобальные процессы, то это влияние носит косвенный

характер, не более.

Сэнсэй замолчал, а потом стал говорить, глядя на свободное кресло, словно объясняя невидимому пятому присутствующему:

— Так что Шамбала — это Шамбала. Это не курортное место, не выставочный зал и не музей. И тот, кто ищет Шамбалу, пусть заглянет внутрь себя, обратится к себе. Для людей Шамбала, в первую очередь, — это чистые знания, которые приходят с той стороны сознания и открываются любому человеку, работающему над собой, над своей чистотой помыслов, удерживая доминирование агатодемона, любви к Богу... Так что не нужно ее искать во внешнем, на том «блюдечке с голубой каемочкой», которое с притворной улыбочкой подносят те, кто просто использует в своих корыстных целях имя Шамбалы в качестве очередной «религии», возможно, потому, что просто «ну очень проголодались». Нужно всего лишь заглянуть внутрь себя и разобраться наедине с самим собой: кто ты есть на самом деле и зачем пришел в этот мир?

Возникла затяжная пауза, которую нарушил Сергей своим неожиданным вопросом:

— А людям реально когда-нибудь достичь полного объема знаний Шамбалы?

— Как тебе сказать... — устало ответил Сэнсэй. — До полного объема людям еще очень далеко... Дай Бог, чтобы когда-нибудь, при самых лучших стечениях обстоятельств, люди приблизились хотя бы к сотой части этих знаний, если, конечно, смогут победить в себе какодемон. Тогда у них есть шанс. Но смогут ли, вот в чем вопрос... Они на простейшем экзамене заваливаются... Сколько раз Шамбала пыталась дать людям чистые знания! И во что их люди превращали из-за своего раздутого эгоизма, своей непомерной мании величия? — Сэнсэй замолчал, а потом более спокойно добавил: — Так что знания — не проблема... Проблема в человеке, в степени его духовности... Так что путь показать Шамбала может. Но толкать по нему взащей никого никогда не будет. Что люди хотят, то пусть и выбирают, куда хотят, туда и идут. Куда прейдут, то и пожнут.

Снова ненадолго воцарилось молчание, которое первым нарушил Сергей, вновь переходя на основную тему разговора:

— Я так думаю: если есть проблема по Кандукам, значит, кто-то должен ее решать...

— Кстати, а Шамбала не участвует в благополучном разрешении данной проблемы для человеческого общества? — тактично задал вопрос отец Иоанн, так сказать обходными путями.

— Шамбала? — удивился Сэнсэй. — А причем здесь Шамбала, если эта проблема целиком и полностью зависит от личного выбора каждого человека и человечества в целом? А право выбора, как известно, определено человеку самим Богом. Кандук и его свита могут войти в человека только тогда, когда тот добровольно откроет им «дверь», то есть беспрепятственно впустит их в свой разум через преобладание в его сознании отрицательных мыслей. Кто же людям мешает жить внутри себя с доминантой агатодемона, Любви к Богу и всему сущему? Прежде всего, ты хозяин своих мыслей и тебе решать, что в тебе будет доминировать. Своим же эгоцентризмом, преобладанием в своем сознании мыслей Животного человек сам порождает таких промежуточных паразитов, и сам от этого страдает.

А для Шамбалы эти паразитирующие существа не представляют никакого интереса. Кандуки не нарушают энергетического равновесия, души людей остаются нетронутыми и всего лишь идут на новую реинкарнацию. Поэтому для Шамбалы эта нечисть представляет такой же интерес, как для занятого человека блоха, живущая на соседской собаке. Бодхисатвы могут только проинформировать людей об этой «нечистоплотности», но решать за них данную проблему никто не будет. Если люди хотят, пусть сами разбираются с ней. Ну, а если не хотят, пусть живут и дальше с этой нечистью. Я повторяю, **жизнь человека — это его выбор и самостоятельное решение своих проблем.**

— Но эти Кандуки забирают у людей жизненную энергию! — зароптал было Ваню.

— Ну и что? — невозмутимо ответил Сэнсэй. — Что такое жизненная энергия для человека? Образно говоря, это бензин. Пока бензин есть, человек едет в машине. Бензин кончился, человек вышел, перешел в другую машину и опять поехал. То есть эволюция души оттого, что кто-то втихаря слил «бензин», не остановится, а лишь замедлится передвижение по «трассе» на какой-то промежуток времени. По большому счету ничего страшного нет. Ведь что главное в этом передвижении? Главное, куда едет человек. Если он едет в нужном направлении, по центральным улицам и оставляет свои машины на охраняемых стоянках, это одно. А если петляет по закоулкам, бросает машину где попало, да еще оставляет открытым бензобак, кто же в этом виноват, как не он сам?

— Ну, у тебя и аналогии, — усмехнулся батюшка.

— Зато понятно, — улыбнулся Сэнсэй. — Так что люди сами виноваты в своих бедах. Кандукам всего лишь остается расставить силки и ждать когда добыча в них попадет.

— А в последнее время, судя по той же статистике, им и ждать не приходится, — вздохнул Николай Андреевич.

— Совершенно верно. Глупость человеческая в проявлении своего Животного уже превышает всякие границы. Потому у Кандуков и Лембоев пир горой, «ешь, не хочу». Потому они и наглеют, безнаказанно охотятся даже на детей.

— Безнаказанно? — зацепился за слово Сэнсэя Сергей. — Значит, все-таки их кто-то наказывал? Тогда кто, если не Шамбала?

— Да были когда-то смельчаки, бросившие им вызов...

Отец Иоанн тотчас распрямил плечи и гордо выпятил грудь.

— Почему же были?

Сэнсэй глянул на его выпрямившуюся осанку и едва заметно улыбнулся.

— Потому что сейчас их практически нет. Из-за чего и нарушился общий баланс, из-за чего и начала разрастаться вся эта нечисть.

— А подробнее? — поинтересовался Сергей.

— Можно и подробнее... Когда-то этих людей называли Гели арами. Издревле это был тайный союз людей, которые охотились за нечистью, в том числе, за Кандуками и их окружением, чем очень сильно мешали им жить.

— Своеобразные бойцы невидимого фронта? — с загадочной улыбочкой проговорил отец Иоанн.

— Примерно так, — ответил, усмехнувшись, Сэнсэй и добавил уже более серьезно: — Гелиары действовали более чем скрытно. Их борьба не была похожа на обычную людскую, поскольку эта война совершалась не физическим или психологическим путем, а за пределами сознания.

— Да, это гораздо серьезнее, — задумчиво высказался Николай Андреевич. — Тут уже одно то, что творится в сознании человека, — полный хаос на поле битвы. Я представляю, что вершится за его пределами.

— Верно. Те негативные силы — это еще хуже, чем его собственное Животное начало. Ведь они настолько искажают человеку восприятие действительности, настолько вводят его в заблуждение Кривдой, что он их стараниями практически полностью дезориентируется в поиске истинных духовных путей. Как правило, его сознание, зомбированное нечистью, долгое время не может объективно оценить реальную действительность...

— Это точно, — согласился Николай Андреевич с Сэнсэем.

— На этом невидимом фронте действуют не только Кандуки и их окружение, там полно и другой жаждущей нечисти. Поэтому задача Гелиаров заключалась в том, чтобы помочь людям

не просто выжить, но и обезопасить вход в их подсознание от подобных паразитов, дабы человек смог самостоятельно делать выбор в развитии своей Сущности.

— То есть дать возможность людям развиваться естественным путем, совершать свой, личный выбор? — уточнил Сергей.

— Совершенно верно, — кивнул Сэнсэй. — Причем Гелиары не подталкивали людей по духовному пути, не влияли на их веру или выбор. Они даже не вступали в вербальный контакт, как Лембои, Клохтуны, Изныль, а действовали с той стороны сознания, образно говоря, защищали людей со спины. И что особенно важно, благодаря их деятельности у людей происходили естественные процессы внутреннего духовного роста, а все искусственно нагнетаемое и стимулированное всякой нечистью просто исчезало, отпадало, словно шелуха.

— А как они жили, эти воины? Кем были в миру? — поинтересовался отец Иоанн.

— В миру? Они были просто хорошими и порядочными людьми, которые для всех жили якобы обыкновенной человеческой жизнью. В обществе в разные времена они занимали ту нишу, которая давала возможность, не вызывая особых подозрений со стороны окружающих, действовать не только на благо Отечества, но и в полной мере реализовывать свой духовный потенциал. Например, во время господства религий, Гелиары зачастую служили в различных религиозных организациях, учения которых были традиционны для той или иной местности, где они проживали. В Средние века, к примеру, в тех же странах Западной и Центральной Европы часто служили рыцарями, собирая свои тайные духовно-рыцарские ордены. Гораздо позже, ближе к современности, трудились в тех структурах, работа которых была связана с длительными командировками. Раньше, столетие тому назад, маскировались в миру под каких-нибудь ученых в области естествознания, госслужащих или странствующих монахов, что давало им возможность бороться с нечистью в различных регионах. В общем, в разные времена по-разному приспособливались. Но на самом деле это были просто люди Знания... И, в принципе, для них самих положение в обществе, если это не было связано с их истинной деятельностью, не было столь важно, как для обычных людей. Главным для них была внутренняя работа.

— Да, истинно Воины Света на службе у Бога... — проговорил в задумчивости отец Иоанн. — Они сравнимы лишь с истинно Святыми отцами, которые творили богоугодные деяния.

— У каждого свой путь к Богу, — мягко ответил ему Сэнсэй. — В некотором смысле путь Святых можно назвать эгоистичным, так как они пекутся о спасении своей души в ожидании Судного дня. Но они ведь и учат других людей, молятся о них. Но учить других и сражаться самому — это большая разница, такая же, как и между понятиями «молиться за кого-то» и «духовно бороться за кого-то». Вероятно, сейчас вам тяжело ее понять, но со временем вы сами это прочувствуете... Путь Святых можно назвать путем слабых, но и слабыми Святых не назовешь по сравнению с остальной большей частью человечества. Кроме того, сама жизнь Святых людей в обществе, словно на показе. Потому их и канонизируют после смерти, по прошествию значительного времени, когда в живых уже не остается никого, кто знал их. Ведь не секрет, что многих знаменитых личностей просто приписывали к лику Святых, хотя они таковыми не были. А вот к истинным Святым, как говорится, до сих пор не зарастает народная тропа и мощи их действительно чудодейственны.

Поэтому путь Святого и Гелиара — это два разных пути, ведущих к Богу. Каждый вправе выбирать ту дорогу, которую ему под силу преодолеть. И хотя Святые люди действительно достигали лишь того, что Гелиары постигали на первых стадиях своей борьбы, ничего страшного в этом нет. Просто на такой жизненный подвиг, на который шли Гелиары, способны далеко не все. Даже на путь Святых, надо сказать, желающих единицы, не говоря уж о Гелиарах. Они тем и отличались от Святых, что не ждали последней битвы Света и Тьмы, а сознательно вступали в

неё здесь и сейчас. И не просто боролись за свою душу, но и приносили огромную пользу миллионам других душ, способствуя их естественному развитию. Это, конечно, очень трудный путь.

— А в чем конкретно выражается трудность этого пути? — спросил Николай Андреевич.

— Ну, если вкратце... Во-первых, Гелиар для окружающих должен был оставаться обычным человеком, вести естественный образ жизни, дабы не провоцировать, как я уже говорил, животную агрессию людей против себя. Во-вторых, Гелиар постоянно должен был контролировать себя не только внешне, но, самое главное, внутренне, дабы его Духовное превалировало над Животным. В-третьих, помимо всего этого, Гелиару ежедневно приходилось работать со сложными медитациями для того, чтобы пребывать на страже людей той местности, где он охотился на нечисть. То есть, находясь в обществе и ведя привычный образ жизни, он, по сути, постоянно существовал и работал на той стороне реальности. Так что это очень сложный путь... Зато в духовном отношении это было значительное продвижение, я бы сказал, скачок по духовным ступеням.

— Да, — проговорил отец Иоанн. — Видать, сам Дух Святой подкреплял и ходатайствовал в них вздыханиями неизреченными.

— Гелиары творили реальное добро... Даже Бодхисатвы Шамбалы, в том числе, и Ригден Джаппо испытывали к ним особое уважение за их ратный внутренний подвиг, совершенный в служении Богу во благо душ людских. Гелиары еще при жизни своей заслуживали право выйти из круга реинкарнации и свободно уйти в Нирвану. То есть, выражаясь христианским языком, Врата рая для них всегда были открыты, и сам Архангел Гавриил проводил их через эти Врата...

В разговоре возникла небольшая пауза.

— Как я понял, Гелиары действовали сообща, — снова попытожил Сергей. — А какова тогда внутренняя структура Гелиаров?

— Почти такая же, как и у Кандуков.

Сергей удивленно вскинул брови.

— В смысле?

— В прямом, — спокойно ответил Сэнсэй. — Если есть какая-то сила, то ей противопоставляется равная сила, в результате чего уравнивается монада. При возникновении Кандуков в человеческом обществе Гелиары, по сути, уравнивали монаду, отчего и в обществе наступил относительный баланс.

— Так я не понял, чем у них похожа структура? Таким же делением внешних кругов?

— Да нет, не внешних. Там сходство с внутренним кругом силы. Как у Лембоев есть Кандук, так и у Гелиаров есть Этимон, так сказать, их командир. Этимон означает «хранящий основу», «истину». В общем, это самый опытный и наиболее духовно развитый Гелиар. Этимон координировал действия группы, вел Гелиаров по пути, помогая осваивать пройденные им самим этапы борьбы и духовного развития. Когда кто-нибудь из Гелиаров вырастал до уровня Этимона, он либо замещал своего командира, если тот, выполнив свою работу, собирался уйти в Нирвану, либо создавал собственную группу, набирая Гелиаров из достойных людей, в которых в большей степени преобладали высокие нравственные качества и стремление к духовным знаниям. Как Кандук пытался собрать вокруг себя двенадцать Лембоев, так и Этимон набирал двенадцать Гелиаров.

— Так получается двенадцать Гелиаров и тринадцатый Этимон? — оживленно проговорил отец Иоанн. — Прямо как у Иисуса — двенадцать Апостолов и Он — тринадцатый.

— Да. Потому что так образуется кольцо силы. Обычным людям это трудно понять, но люди Знания об этом прекрасно осведомлены.

— Но если это две равные противоборствующие силы, то они должны использовать для

борьбы одну и ту же энергию, — увлеченно стал рассуждать Сергей. — Выходит, что и Гелиары задействуют свою прану. Следовательно, расходуя эту жизненную энергию, и, видимо, в немалом количестве, а также учитывая силу противника, Гелиары должны как-то пополнять свою прану, иначе их тела погибли бы при первом же сражении.

— Совершенно верно, — произнес Сэнсэй. — Разница лишь в способах пополнения праны. Кандуки и Лембои воруют ее у людей, зачастую лишая их жизни и не давая возможности развиваться их душам. А Этимоны и Гелиары добывают ее безвредным способом для окружающих.

— А почему Кандук не может добывать прану безвредным способом?

— Потому что таким способом ее можно добывать только при абсолютном доминировании агатодемона и жестком контроле какодемона... Для Гелиаров эта жизнь — постоянная борьба, а для Кандуков жизнь — это наслаждение. Разницу заметил? — Сергей кивнул. — На том и строится монада.

Сергей помолчал и снова спросил:

— А почему орден Гелиаров утратился?

— Ну, как почему? Ценности в обществе поменялись. Ведь новобранцы в Гелиары набирались из простых людей. Ты посмотри сейчас на современное общество. В нем явный перевес Животного. Люди стремятся больше обрести материальных сокровищ, чем духовных. Поэтому орден Гелиаров постепенно начал вырождаться. Еще столетие назад последним Гелиаром была закрыта тамга Прави для людского общества, поскольку, как это не банально, — глубоко вздохнув, промолвил Сэнсэй, — не нашлось духовно жаждущих людей, достойных продолжить это дело...

— ... истинно богоугодное, — сочувственно добавил отец Иоанн.

— Совершенно верно. Одним словом, тогда и было нарушено равновесие монады. Соответственно, общество получило неизменный результат.

Сэнсэй замолчал. Его собеседники тоже сидели молча, погружившись в свои мысли. Наконец, Сергей изрек:

— А что значит была закрыта тамга Прави? Если мне память не изменяет, тамга — это какой-то отличительный знак...

— Медальон, — уточнил Сэнсэй.

— А Прави... — продолжал размышлять Сергей, — это, по-моему, что-то из терминологии древних славян.

— Да, да, да, — припоминая, проговорил Николай Андреевич. — Точно. В космогонии древних славян упоминается три мира: мир Прави — мир Света, светлых богов, мир Яви — явственный зримый мир и мир Нави — потусторонний загробный мир. Славяне как раз славили мир Прави, поэтому считается, что еще до принятия христианства назывались православными.

— Ну, честно говоря, это уже гораздо позже простыми людьми Прави был вознесен в ранг божества, — сказал Сэнсэй. — А Прави был для Гелиаров и Этимонов... ну, чтобы вы лучше поняли, чем-то вроде верховного главнокомандующего. Он возглавлял и координировал работу всех Этимонов, которые, в свою очередь, возглавляли Гелиаров. Проще говоря, Прави держал под контролем и отвечал за координацию действий в общей духовной сети.

— В каком плане? — не понял Ваню.

— Ну, скажем образно, нечто подобное Интернету, только в духовном варианте, — ответил Сэнсэй.

— Так что же означает фраза о том, что была закрыта тамга Прави? — снова повторил свой вопрос Сергей.

— Тамга Прави — это такой особый медальон, с которым работало не одно поколение

Прави. Естественно, в его кристаллах накоплена очень мощная сила. Когда тамга Прави находится в работе — она открыта. А открыта она всегда, когда работают Гелиары. Когда же с ней прекращают работать, как это случилось столетия тому назад, ее закрывают. Проще говоря, тамгу оставляют в капсуле на хранение для будущего поколения Гелиаров.

— В капсуле? — удивленно переспросил Николай Андреевич.

— Не в той капсуле, что вы подумали, — пояснил Сэнсэй. — Скажем так, чтобы вы не путались в понятиях, тамга просто хранится в горах, в недоступном месте.

— Горы далеко? — с улыбкой спросил Сергей и тут же добавил: — Хотя, честно говоря, если нужно, я готов пойти за ней хоть на край света.

Сэнсэй улыбнулся.

— Тамга — всего лишь инструмент. Главное — желание стать Мастером.

Сергей уверенно кивнул и серьезно произнес:

— Присутствует...

— ... и оно не одиноко, — дополнил его ответ Николай Андреевич.

— Так о то ж, — подтвердил отец Иоанн.

— Ну, это главное, — добродушно сказал Сэнсэй. — А остальное — приложится.

Часть 3

Тамга Прави

(написана с использованием отрывков из дневников Анастасии)

Наступила весна. На одной из тренировок прошел слух о том, что на следующие выходные не будет занятий, якобы Сэнсэй куда-то уезжает вместе с Николаем Андреевичем. Если бы в этом разговоре не фигурировало имя доктора, никто бы из нас не обратил на это внимание. А так чрезмерное любопытство нашей компании привело к тому, что мы не только разузнали, куда собираются ехать Николай Андреевич с Сэнсэем, но и напросились к ним в попутчики. Еще бы, пропустить поездку в Крым, в горы, вместе с Сэнсэем, было бы непростительно! Тем более, как объяснил Николай Андреевич, причина поездки была проста. Мол, он в последнее время стал увлекаться спелеологией, а Сэнсэй согласился показать ему одну из пещер.

Правда, молодое пополнение доставило Николаю Андреевичу дополнительные хлопоты. В нашем же воображении прогулка по пещерам граничила с романтикой. И никакого представления о реальной действительности. Чего там особо собираться? Взял рюкзак за плечи — и вперед! Николай Андреевич же, надо отдать ему должное, подошел к вопросу о снаряжении очень серьезно. По роду своей деятельности ему не раз приходилось сотрудничать с ВГСЧа (военизированной горноспасательной частью). Городок-то наш шахтерский, все друг друга знают. Так что благодаря заботам доктора мы были обеспечены всем необходимым снаряжением для подземного спуска: и брезентовыми комбинезонами, и шахтерскими касками с канагонками (канагонка — это фонарик на ремне, прикрепляющийся к каске), и дополнительными электрическими фонарями. Впоследствии это снаряжение оказалось более чем кстати в данном путешествии.

Помимо нашей компании, то есть Костика, Андрея, Татьяны и меня, а также Стаса, Женьки, Володи и Виктора, в поход, оказывается, собирались Валера, отец Иоанн и Сергей. Сергей, как нам объяснили, был старым другом Сэнсэя, который с некоторых пор появился в его окружении.

В Крым решили ехать на машинах. Путь, естественно, не близкий. Но, возможно из-за того, что мы выехали на ночь, для пассажиров он показался не таким утомительным.

Утром Крымский полуостров приветливо встретил нас своей неповторимой природой. Весна здесь уже вовсю бушевала, покрывая свежей зеленью окружающие просторы. Сменяющиеся пейзажи за стеклом автомобиля были один очаровательнее другого, они словно соревновались перед нами, как на конкурсе красоты. Мягкий климат позволял расти здесь самым разнообразным деревьям и кустарникам, в том числе, и реликтовым, порой придавая им самые причудливые формы.

Вскоре мы заехали в один из населенных пунктов и остановились у ворот какого-то дома. Сэнсэй с Николаем Андреевичем договорились с хозяином. Оставив в его дворе машины, наш небольшой отряд, груженный палатками и продовольствием, двинулся в сторону гор. Идти пришлось довольно долго. Однако поход был только в удовольствие.

Все вокруг утопало в зелени. То и дело попадались поляны, сплошь усеянные цветущими весенними цветами. А воздух — просто чудо! Удивительно легкий, чистый, насыщенный самыми изысканными природными ароматами. В одном уголке веяло горной свежестью, бодрящим озоном. В другой порывы ветра доносили неповторимый запах моря. На полянах царствовал аромат целого букета эфирных масел растений. А лесная чаща угощала нас

успокоительным хвойным коктейлем. Неудивительно, что жители этого края обладают отменным здоровьем. Здесь один только воздух многого стоит по своим неопределимым лечебным свойствам.

Подножие горной гряды, к которой мы направлялись, было уже недалеко. Однако Сэнсэй предложил остановиться и заночевать на полянке возле леса, поскольку уже вечерело, а в горах сумерки наступают быстро. Пока мы возились с установкой палаток, уже совсем стемнело. Благо наши ребята не поленились насобирать хворост по пути, и мы не остались без горячей пищи. Наши любимых ночных посиделок возле костра устраивать не стали. Во-первых, все устали, а во-вторых, завтра, по словам Сэнсэя, нас ожидали не меньшие испытания на физическую выносливость. Поэтому сразу после ужина все пошло спать.

Утро встретило нас молочным, густым туманом. Так что собирались мы и продолжали свой дальнейший путь прямо как главные герои любимого народного мультфильма «Ежик в тумане». Впрочем, в горах погода также меняется непредсказуемо быстро. Вскоре туман рассеялся, и мы к тому времени очутились возле самого подножия гряды. Но вместо того, чтобы двигаться к вершинам гор, Сэнсэй повел нас вдоль подножья.

Солнце уже стояло довольно высоко. Небо было безоблачным. Вокруг пели на разный лад птицы. И все это в совокупности с красивым горным ландшафтом рождало прекрасное весеннее настроение. Парни всю дорогу обсуждали между собой, какие высокие участки скал они могли бы преодолеть с прихваченным ими скалолазным снаряжением. Но хотя они мечтали о покорении вершин под неустанные комментарии и шутки Ваню и Жени, Сэнсэй не спешил подниматься в горы, а по-прежнему шествовал вдоль подножья гряды.

Вскоре мы подошли к выступающему скальному образованию, о котором Сэнсэй сказал, что это и есть конечный пункт нашей «поверхностной» прогулки. Правда, вход в пещеру, нарисованный в нашем воображении не иначе как огромный полукруглый грот, нигде не было видно. Даже ни одного намека на расщелину! Заинтригованные такой загадочностью, мы стали облачаться в костюмы спелеологов, натягивая комбинезоны поверх шерстяной одежды. Быстрее всех оделся Женька. Ожидая других, он стал исследовать местность. Но, не обнаружив искомую щель в скале, в удивлении пожал плечами.

— Сэнсэй, а здесь случайно «Сим, сим, откройся» говорить не надо?

Тот усмехнулся:

— Обойдемся без формальностей.

Когда мы оделись, Сэнсэй предложил оставить здесь «лишний груз» в виде палаток, дополнительного снаряжения и вещей, которые наша компания по незнанию на всякий случай прихватила из дома. Мы занялись рассортировкой. А когда закончили, покомпактнее упаковали в свои рюкзаки еду и самые необходимые вещи, а остальное «замаскировали» за грудой камней. Когда всё было готово, Сэнсэй подошел к одному из довольно объемных камней, беспорядочно наваленных у скалы и визуально казавшихся неподъемными, и легко отодвинул его в сторону.

— Прошу, — пригласил Сэнсэй, указывая на открывшийся лаз.

Мы удивленно переглянулись и подошли поближе, разглядывая эту зияющую темную дыру. Особенно усердствовал Женька. Он даже лег на живот и наполовину протиснулся в лаз, пару раз угугукнув для смеха. Затем попятился назад, присел на колени и, автоматически отряхнув пыль с комбинезона, с улыбкой сделал признание:

— Да, теперь я понял, что чувствовал Вино-Пух, когда побывал в гостях у кролика.

Все рассмеялись. А отец Иоанн весело и наставительно произнёс:

— Вот до чего человека доводит грех чревоугодия! Ублажаешь без конца свою плоть белками да углеводами, а потом не то, что в пещеру, во врата райские не протиснешься...

— Ничего, — подбодрил сам себя Женя. — Там, где нельзя протиснуться, будем брать

штурмом.

— А штурма-то хватит на твою «тискалку»? — «по-стариковски» прищурившись, поинтересовался Ваню.

Новая волна смеха заглушила ответ расплывшегося в улыбке Женьки. Посмеявшись и немного отдохнув, наш коллектив стал готовиться к преодолению лаза. Сэнсэй показал нам, как нужно привязывать свой вещмешок к ноге, чтобы было удобнее передвигаться. Включив канатную петлю, он полез первым. За ним последовал Валера. Причем у обоих это получилось достаточно ловко, несмотря на кажущуюся узость прохода. Потом поползли Стас, Женька, Андрей, мы с Татьяной, затем и остальные.

Передвигались по-пластунски, упираясь локтями, прямо как разведчики на передовой. Гора охватила нас плотным кольцом своих каменных тисков. Мрачное подземелье встречало угрюмым молчанием. Лишь наше кряхтение да шорох комбинезонов с вещмешками нарушали могильную тишину. В этом узком лазе гора словно проверяла непрошенных гостей на прочность, выдержку и самообладание.

Да, попадая в эти каменные клещи, испытываешь обостренное чувство перехода в совершенно иной мир. Еще несколько минут назад твое тело ощущало простор, находилось среди ярких красок природы и солнечного света, слух радовало пение птиц и жужжание проснувшихся после долгой спячки насекомых. А теперь чувствуешь себя словно заключенным в каменные оковы под многотонными глыбами могучей горы. Повсюду царил темнота. В прохладном воздухе ощущался запах камней.

Вначале было трудно свыкнуться со столь ощутимой разницей. Под этой огромной, ошеломляющей толщей скал, которая угрожающе нависала над нашими расплюснутыми телами, ощущаешь себя крохотным насекомым, судьба которого зависит от прихоти природы. Ярче обостряются мысли и чувства. Даже какой-то легкий страх сковывает движения. Но все же любопытство пересиливает древний животный инстинкт. И жажда лицезреть таинственный мир подземелья придает уверенность и решительность пройти это первое испытание до самого конца.

Преодолев на животе метров двадцать пять, и около десяти — на четвереньках, мы выбрались в небольшую пещерку, где вполне можно было стать в полный рост. Пока мы с Татьяной вылезали и ждали остальных, Женя и Стас со смехом уже делились с Сэнсэем своими ощущениями и изворотливостью в лазе. Высокий рост и соответствующее могучее телосложение в данных условиях не совсем выгодны. Благо, руки у парней были достаточно крепкими, а то совсем худо бы пришлось не только им, но и всем нам: ведь мы ползли за ними. Стас назвал это лазание шкуродерством. В некоторых местах им приходилось проявлять, по их словам, чудеса дыхательной гимнастики, пытаясь выдохнуть воздух так, чтобы сильно уменьшить объем грудной клетки и, благодаря этому, протиснуться через узкие щели. Парни тоже по-своему пережили не самые приятные минуты встречи с подземным миром. И не только они. Судя по лицам Костика, Виктора и Николая Андреевича, не говоря уж о нас с Татьяной, те тоже испытали незабываемые ощущения. Последними выбирались Володя, Сергей и Ваню. Но у тех был такой спокойный и естественный вид, словно преодоление лаза для них — пара пустяков. И если после такой неожиданной встречи с горой наша компания несколько приуныла, то Сергей и Ваню, казалось наоборот, получили от этого удовольствие, точно вспомнили свою шаловливую юность.

Когда все были в сборе, Сэнсэй повел нас дальше. Двигались мы цепочкой по каменному коридору с низким потолком, который буквально метров через пятьдесят стал незаметно расширяться. Несколько минут пешего хода вдоль однообразно тянущихся стен, и мы наконец-то были вознаграждены первым дивным видением, которое несколько приподняло нам настроение.

На нашем пути предстал небольшой зал, украшенный сталактитами и сталагмитами. Довольно захватывающее зрелище — увидеть среди царства тоскливого мрака белоснежный островок, словно мираж в пустыне.

У ребят невольно вырвались возгласы восхищения. Мы побросали вещи и разошлись по залу, с интересом рассматривая это природное творенье. К потолку пещеры крепились длинные сосульки-нити сталактиты. А под ними, куда капала вода, от пола пещеры возвышались изумительные сталагмиты, напоминающие стволы пальм. Любопытно было наблюдать тончайшую работу природы в виде ажурной бахромы вдоль трещин. А в некоторых местах, словно заколдованные кудесником, свисали такие причудливые сталагмиты, будто им вовсе неведомы законы силы тяжести.

— Вот это красотища! — промолвил Андрей.

Все ходили по залу, как замороженные.

— Надо же, какая трудоемкая работа, — подметил Николай Андреевич, рассматривая очередной сталагмит. — Капля за каплей из года в год, из тысячелетия в тысячелетие. Целая летопись эволюции по сантиметру в год.

— Чьей эволюции? Пещеры? — полюбопытствовал Костик.

— Побережья Крыма.

Костик посмотрел на сталагмит со всех сторон и поправил очки.

— Вы это образно?

— Нет, почему? — Николай Андреевич посветил фонарем на соседний сталагмит. — Вот смотри сюда, здесь лучше просматриваются эти кольца, видишь, как у деревьев на срезе. Это химические записи формирования климата вне пещеры в течение всего периода, что рос сталагмит. А поставляют ему эту информацию с поверхности дождевые и талые воды.

— Здорово! А откуда вы это знаете?

— Читай больше, и ты будешь знать.

Андрей, стоявший также возле нашего доктора, протянул руку к сталагмиту, но Николай Андреевич его поспешно остановил:

— Не трогай его! Если ты даже приложишь руку к сталагмиту, то частички твоего пота будут уничтожать его в течение многих лет. — Андрей стыдливо отдернул руку. — Здесь ведь среда постоянная. Тут даже наше дыхание изменяет химический состав воздуха.

— Понял?! — подтрунил Андрея Костик. — Так что замри.

Женька, услышав эту беседу, тотчас выдвинул «рациональное предложение».

— Тут перед входом надо табличку соорудить: «Дышать, чихать и кашлять человеческим воздухом строго воспрещается».

В темноте послышался смешок Ваню:

— Да уж! Несмотря на то, что человек давно покинул пещеры, у некоторых индивидов, не будем показывать пальцами, пещера явно не покинула своих хозяев. Так и зияет в их серых извилинах своей непроглядной темнотой. — И вынырнув из темноты, хлопнул Женьку по плечу. — Пошли уже... пещерная инфекция.

Пока мы любовались красотами этого подземного зала, Костик вдруг присел, схватившись за живот, и начал учащенно дышать.

— Ты чего? — спросил Сэнсэй, заметив его состояние.

— Просто как-то не по себе стало...

— Может, у тебя клаустрофобия? — поинтересовался Николай Андреевич.

— Да вроде нет. Я вообще-то не страдаю болезнью замкнутого пространства. Просто как-то не по себе...

Разговор привлек внимание других ребят.

— Э-э-э, ты смотри! — шутливо пригрозил Володя. — Болеть в танке нельзя.

— Да все нормально, — махнул рукой Костик в свете лучей фонарей, направленных на него. — Просто не по себе... Сейчас пройдет.

— Ну что ж, бывает, — спокойно проговорил Сэнсэй. — Иногда даже тем, кто ничем не страдает, становится в пещерах не по себе, особенно когда они впервые там оказываются. Тут человеческое воображение такие шутки может выкинуть...

— Вот, вот, так страху может нагнать, — подхватил Николай Андреевич, — что потом пятки долго будут сверкать на поверхности.

Ребята засмеялись. А Костик с улыбкой поднялся, сконфуженный столь непредвиденным всеобщим вниманием к его персоне. Чуть позже, когда ребята вновь разошлись по залу, Костик стал шептаться с Татьяной, а затем подошел к Сэнсэю. Немного помялся, как будто его красноречие корова языком слизала, но потом все же пробормотал:

— Тут это... хм... может, мы с Татьяной останемся?.. Мы лучше на поверхности вас подождем... Так сказать, вещи покараулим.

— Как хотите, дело ваше, — с улыбкой промолвил Сэнсэй. — Мы вернемся не скоро. — И уже серьезнее добавил: — Вам помощь-то нужна, чтобы выбраться на «поверхность»?

Костик неуверенно пожал плечами.

— Да справимся... надеюсь.

— Так, понятно. Сейчас я вас выведу. — И отыскав Ваню, Сэнсэй сказал ему, кивнув на Костика и Татьяну. — Остаешься за старшего. Я ребят выведу на «поверхность».

Ваню улыбнулся и тихо произнёс:

— Что, всё? Романтика под землёй закончилась?

Сергей, услышав их разговор, предложил свои услуги.

— Сэнсэй, давай я их выведу, быстрее будет. Верёвкой соединимся в цепочку. Я первый пойду, и если чего их вытяну.

— Верно, пусть Серёга идёт! — подхватил Ваню и в шутку проговорил Сэнсэю. — А то ты у нас сегодня в роли Сусанина, тебя беречь надо.

— Добро, — усмехнулся Сэнсэй, и, повернувшись к Сергею, попросил. — Только ты там аккуратнее на поворотах.

— Да понял я, понял.

Костика, Татьяну и Сергея соединили одной верёвкой. И когда всё было готово, те отправились в обратный путь. Оставшиеся же ребята, пользуясь этой временной передышкой, кто отдыхал, кто продолжал осмотр сталактитов и сталагмитов пещеры. Вскоре вернулся Сергей, в шутку отрапортовавший Сэнсэю об удачном завершении «операции».

Наш отряд двинулся дальше. Шли цепочкой друг за другом, правда, как мне показалось, в довольно быстром темпе. Я еще подумала: надо же, пришли сюда, чтобы на пещеры поглазеть, а экскурсия у нас, точно с борта реактивного самолета. Сэнсэй, как бывалый гид, уверенно вел нашу группу. Проходы сменялись небольшими залами, залы — галереями. Наша дорога несколько раз меняла свое направление: то она пролегла вверх по склону, то уходила вниз под уклон, то резко поворачивала через какие-то узкие расщелины, выбравшись из которых мы шли, как мне показалось, вообще в обратном направлении. То мы заходили в какие-то непроходимые, на первый взгляд, каменные ловушки, и Сэнсэй, не сильно утруждая нас на сообразительность, уверенно выводил всех оттуда абсолютно неприметными ходами.

Чувствовалась, что в некоторых местах менялась температура помещений. Где-то воздух был более влажным. На стенках таких проходов в свете фонарей блестели капельки воды. Где-то ощущался явный сквозняк. А на одном из перекрестков вроде бы слышался далекий шум подземного водопада.

Вначале я пыталась как-то ориентироваться. Но потом, когда мы несколько раз поменяли направление и прошли перекрестки с ветвящимися в разные стороны ходами, я поняла, что мои усилия бесполезны. Но что удивительно — несмотря на столь извилистый, сложный по направлениям путь, мы шли по какой-то еле заметной тропе, причем в основном в полный рост, хотя иногда все же приходилось протискиваться и ползти на животе или на четвереньках. Там, где тропа спускалась резко вниз или поднималась круто вверх, виднелись шероховатые своеобразные ступеньки. Рядом с ними камень был совершенно гладким. Из-за нашей торопливости мне так и не удалось толком рассмотреть, являлись ли эти ступеньки природного происхождения или все-таки искусственного. К нашему немалому удивлению передвигались мы довольно комфортно. Хотя лично я почему-то готовилась к каким-то невероятным испытаниям, как в психологическом плане, так и в физическом.

И еще одно немаловажное наблюдение я сделала, правда, касающееся своей человеческой натуры, попавшей в подобные условия. С самого начала пути, особенно после лаза, я постоянно испытывала странные ощущения какого-то неестественного страха. В результате и движения мои были скованными, и идти я старалась непременно в середине отряда, да и смотрела от страха больше себе под ноги. Окружающее казалось мне мрачным и пугающим. И чем больше об этом думала, тем больше тряслись мои поджилки. Я на ходу искала разные причины своему страху, сваливая в основном все на странное воздействие пещеры. В конце концов, довела себя до такого состояния паники, что еще чуть-чуть — и точно бы рванула к выходу, если бы знала, конечно, где он находится.

Но моя теория о негативном воздействии пещер на психику лопнула, как мыльный пузырь, когда во время очередного пятиминутного отдыха, наполненного неизменными шутками наших ребят, я заметила олимпийское спокойствие большинства участников похода, явно наслаждавшихся пребыванием здесь. Николай Андреевич, тот вообще зря время не терял, по возможности, с интересом рассматривая породу окружающих стен. Такое моё наблюдение дало своеобразную взбучку нахлынувшим негативным мыслям, этим мелкопакоственным агрессорам Животного начала, которые, казалось, так и караулили момент, чтобы поизголяться над моим воображением. Страх сменился любопытством...

Интересно, из какого подземелья я так желала бежать: из природного или собственного «пещерного сознания», как точно выразился отец Иоанн? Чего я так боялась? Ведь совершенно очевидно, что где бы ни находился человек — под поверхностью земли, над ее поверхностью, в любой среде — сила его страха заключается в его мыслях. Как говорится, о чем человек думает, тем и является. И мне просто стало смешно от своего страха, такого пустякового подвоха Животного начала. Успокоившись, я сконцентрировала свои эмоции и чувства на медитации «Цветка лотоса». И через некоторое время все стало на свои места. Даже мозг занялся полезным делом, по достоинству оценивая удивительные творения подземного мира.

Едва спала пелена страха, передо мной открылся диковинный мир, о существовании которого я даже не подозревала, проводя свои будни на поверхности. Разглядывая по мере возможности причудливые каменные своды и стены, искусно выточенные водой за многие века, я приходила в восторг от такой грандиозной по масштабам работы. Ландшафт внутри пещер оказался чрезвычайно разнообразным. По крайней мере, то, что мы успевали выхватить лучом света наших фонарей из вечной темноты, впечатляло. Созерцая эту красоту, я точно растворялась в чувстве восхищения, словно сливаясь в единое целое с невидимой жизнью таинственных недр.

Теперь я понимала, что тянет спелеологов в подземные путешествия. Это неповторимое чувство восторга, открытия удивительных уголков подземного мира, где, возможно, никогда не ступала нога человека. Это потрясающее ощущение вечного таинства, загадочного покровы,

открывающего свои сокровища лишь смелым, решительным людям, для которых преодоление трудностей стало правилом. Их огромная сила воли и настойчивость заставляет упорно идти вперед измученное, уставшее тело, балансируя порой на грани жизни и смерти. Мы шли в отряде, и то испытывали своеобразный волнующий трепет. А если идти в одиночку? Это сколько надо иметь мужества, чтобы не только физически преодолеть подземный путь, но и быть внутри себя целостной, волевой личностью? Личностью, которая ради великого таинства природы готова победить, в первую очередь, себя и свои страхи!

Ведь пещеры прочно изолируют от внешнего мира. Своей абсолютной тишиной и непроглядной темнотой они заставляют человека невольно погрузиться внутрь себя, заглянуть себе в душу. Пещеры даже своей жизнью, тысячелетним существованием в неизменных условиях внутреннего климата чем-то похожи на самого человека, на его двойственность. Как бы внешне у человека не изменялась судьба, обстоятельства, как бы его тело не развивалось, а потом не старело, в душе его, если туда не направлять свой взор, остаются все та же темнота, тоска, тишина и вечное одиночество. И, кроме тебя, никто не имеет доступа к тому прекрасному и божественному, что скрывает тьма в подземельях твоего подсознания. И только ты своей неизменной любовью ко всему сущему способен не только обрести свое настоящее сокровище внутри себя, но и огранить его в сверкающий кристалл, который озарит во тьме мыслей божественный путь.

Если же смотреть с другой стороны, то столь идеальная изоляция пещеры от внешнего мира напоминает изоляцию сознания во время медитации или молитвы, когда человек, отключаясь от внешнего мира, сосредотачивается на внутреннем. Такое же уединение от людской суеты, от проблем бытия, такая же идеальная тишина в сознании, в которой произносятся слова молитвы. Удивительные совпадения... А может быть, для природы в глобальном масштабе именно такие вот места с неизменным климатом и являются своеобразными отдушинами, где природа, независимо от внешних условий может сохранить в пещерах зачатки первичной жизни на Земле, то есть самое для нее важное и дорогое. Ведь как для духовного человека важна душа, так и для природы — жизнь. Да, сколько дивного мы порой пропускаем, недооцениваем, сосредотачиваясь лишь на потребительском отношении к природе, на том, что то или иное место на Земле именно даёт человеку. Мало кто задумывается над тем, чем это самое место является для самой природы. И, к сожалению, такие наши массовые эгоистичные мысли и действия не проходят бесследно, как для самой природы, так и для людей.

* * *

Наш отряд шел довольно долго. Преодолев очередной туннелеобразный переход, мы попали в пещерный зал с множеством каменных перегородок. Там Сэнсэй объявил очередную большую стоянку на двадцать минут. Кто уселся на камни, кто просто снял вещмешок, оглядываясь вокруг. Женька же усиленно отряхивал свой комбинезон от пыли.

— Ну, ё-моё, сколько же ее! — всерьёз возмущался парень, но потом, улыбнувшись, перевел всё в шутку: — Вот я всегда не понимал двух вещей: откуда берется пыль, и куда деваются деньги?

Сэнсэй, устраиваясь на отдых, промолвил, словно за между прочим:

— Если бы люди не были такими ленивыми, уже давно бы создали «отталкиватель» грязи. Вон, поучились бы у природы, у цветка лотоса. Его листья прекрасно самоочищаются,

отталкивая воду и грязь.

— Ну, то природа, в ней все ра-зум-но, — выделил последнее слово Николай Андреевич, восседая на камне и пытаясь освободить ногу от сапога. — А человек по большей части химией балуется, всё мыло усовершенствует.

— О то ж, — Сэнсэй усмехнулся, присев и прислонившись спиной к каменной перегородке. — Ну что поделатъ, бизнес, он и есть бизнес...

— А что это за «отталкиватель» грязи? — поинтересовался Стас.

— Да элементарная вещь, — проговорил Сэнсэй, прикрыв глаза. — Защитное покрытие в виде пленки. Наносится на любую одежду. Весьма удобно... Да и делатъ-то ее — раз плюнуть при современных технологиях. Берешь полимер и соединяешь его с наночастицами серебра...

Поскольку Сэнсэй замолчал, пытаясь немного вздремнуть, никто не стал тревожить его дальнейшими расспросами.

Пока он отдыхал, мы тем временем рассматривали пещеру. Надо сказать, что она произвела на нас особое впечатление, прежде всего, своей необычностью. Пещера напоминала объемный лабиринт. Все ее уголки были очень похожи друг на друга, так что если куда-то отойдешь, потом долго ищешь обратный путь. И вроде идешь на свет фонарей, отражающихся на куполе пещеры, а попадаешь опять в глухой угол. Даже наши мастера приколов, испытав на себе шутку пещеры в подобной дезориентировке в пространстве, старались без особых причин не отходить от отряда.

Но Женька, плут, и в этих условиях оставался в своем репертуаре. Сначала он решил напугать Ваню, когда тот пошел осматривать лабиринт. Едва отец Иоанн скрылся за камнями, Женька показал нам жестами: мол, сейчас вы услышите крики из фильма ужасов. И тут же пошел вслед за ним. Ожидаемого шумового эффекта не последовало. Ваню вернулся довольно быстро, причем с другой стороны, а Женьки все не было. В конце концов, издали послышался его жалобный голос откуда-то из темноты: «Люди, вы где? Ау-у-у! Выходите на связь. У меня батарейки в фонарике сели, голосовые связки тоже. Помогите! SOS!!! У-у-у...»

Сэнсэй открыл глаза, слушая непрерывное завывание Женьки, и, глянув на довольное лицо отца Иоанна, умастившегося рядом с Серёгой, серьезно произнес:

— Да вытащите его оттуда, пока окончательно не заблудился. А то же потом неделю будем искать.

Ваню заулыбался и, приподнявшись, стал светить фонарем в определенный угол потолка пещеры.

— Иди на свет, чадо многогрешное...

Через некоторое время парень появился перед нами, сияя счастливой улыбкой. А затем тут же для смеха сотворил из себя образ слепого нищего, протянув вперед руки. Он стал шутливо раскланиваться и благодарить всех за спасение его «немошного» тела. А перед батюшкой и вовсе упал на колени и стал отбивать земные поклоны. Во время своего очередного лобоприкладства, «слепой нищий» неожиданно «прозрел», обнаружив у себя подранную штанину комбинезона.

— Ну и качество, мать их за ногу...

Прикрыв рукой дырку, под смех ребят, он подошел ко мне и попросил нитку с иглкой в качестве «единовременной благотворительной помощи его пострадавшей натуре». Получив необходимое, Женька удалился в соседний тупик, спрятавшись за угол, чтобы не смущать присутствующих своим портным делом. Он долго усаживался. Потом на стенке от входа обозначилась тень парня, отбрасываемая от света электрического фонаря, кропотливо зашивающая штанину. Мы же заговорили на житейские темы. Неожиданно Стас произнес:

— О, чего это с ним?

Все посмотрели в сторону Женькиной «каморки». По тени было видно, как парень

отмахивался от огромного мохнатого паука, который нападал на него сверху. Из-за угла действительно раздавались приглушенные хриплые звуки, словно человек прилагал все усилия для борьбы с «плотоядным насекомым». Стас даже привстал. Потом улыбнулся и бесшумно подкрался к тупику под наши бдительные взгляды. Украдкой заглянул внутрь. И также неслышно возвратился, еле сдерживаясь от смеха. Оказывается, Женька усиленно разыгрывал трагикомедию театра теней, превратив мою легкую шапочку с махровыми кисточками, которую он, видимо втихаря стащил у меня из-под носа, в огромного теневого паучищу. Когда Стас рассказал нам эти пикантные подробности, мы не выдержали и расхохотались, заплодировав нашему неизменному комедианту. Женька, услышав хохот и овации, понял, что его авантюра с треском провалилась. Но он и тут не растерялся и воспроизвел в игре теней чинный поклон «паука» и его «задушенной жертвы».

Этот прикол Женьки настолько всем понравился, что парни стали при возможности пугать друг друга тенями «живых» пещерных львов, огромных медведей. И неважно, что эти млекопитающие обитали тридцать-сорок тысяч лет назад. Главное, как говорится, сам процесс игры, рождающий незабываемые впечатления в незнакомом месте.

Наши шутники оживились. Новая забава заметно прибавляла адреналина в кровь и скрашивала время в походе. Именно скрашивала. Ведь наш путь не требовал приложения каких-то суперусилий. Никакого тебе преодоления подземных рек, никаких бездонных пропастей, на что некоторые из нас тайно надеялись. Володя, к примеру, тащил в своем рюкзаке болотные сапоги, уверяя Сэнсэя, что они обязательно понадобятся. Стас и Женька прихватили с собой веревки и некоторое скалолазное снаряжение, как они объясняли, так, на всякий случай. Сэнсэй не стал им тогда возражать, махнув рукой. Сейчас, протопав достаточно длинный путь, парни, видимо, сами начали понимать ненужность всего того «хлама», что они несли на своих плечах. Наверное, мы как-то удачно обходили опасные места подземелья, поскольку наш путь в основном был, я бы сказала, очень цивилизованным в природном варианте.

Единственная «большая вода» встретилась лишь однажды. Пройдя очередную путаницу подъемов, спусков и поворотов, мы протиснулись сквозь узкую расщелину, петляющую, как угорь, и очутились на небольшой площадке. Сразу повеяло сыростью. Почувствовалось, что мы попали в объемное пространство. Лучи наших фонарей заскользили по темноте, высвечивая грандиозные сталактитовые красоты. В это время мы находились наверху, на скальном уступе. Под нами простиралось великолепное озеро, с кружевной, белоснежной окантовкой и сталагмитами внутри. В центре озера находилось семь огромных белоснежных сталагмитов, которые своей формой просто идеально были похожи на цветки лотоса. Если бы не их огромные размеры, можно было подумать, что это действительно живые цветы.

Мы осторожно спустились вниз по наклонному каменному уступу со своеобразными ступеньками в виде наплывов. Вдоль озера тянулась еле заметная тропа. Потрясающая красота нарядного ажурного зала заставила нас заметно сбавить ход. Да и какая могла быть дальнейшая дорога? Может быть лучшего мы не увидим на своем пути. Сэнсэй, наверное, понимая наше состояние, пошел медленнее, давая нам возможность рассмотреть богатое убранство этого сказочного «дворца». С потолка величественно свисали сталактиты в виде экстравагантных перевернутых канделябров. А среди них громадными соцветиями по форме белых роскошных лилий свешивались букеты неувядающих цветов. Стены зала были буквально усеяны оригинальными белоснежными кисточками и помпонами, а в некоторых местах, словно легкой вуалью, покрыты очень тонким слоем белых кристаллов. И вся эта прелесть сверкала и переливалась ослепительным фейерверком в лучах наших фонарей. Все выглядело до того кружевным, ажурным, хрупким и нежным, что я невольно затаила дыхание, глядя на столь изумительный, вечно цветущий в течение многих тысячелетий райский уголок, с любовью

охраняемый недрами гор.

Но особенно поражали своими размерами и идеальной формой лепестков сталагмитовые лотосы. Глаз нельзя было оторвать от их белоснежной красоты. Никогда в жизни я не видела столь удивительных, чистых цветов, выращенных из минералов самой природой. Судя по восхищенным возгласам нашей команды, подобные мысли о необычно красивом видении посещали многих. Парням просто не верилось, что это чудо могла сотворить природа, мол, это нереально. На что Николай Андреевич возразил:

— Несомненно, это дело рук природы! Похоже, эти лотосы являются субаквальными образованиями, натёчными отложениями. Это естественный природный процесс. На поверхности озера образуется тонкая кальцитовая пленка. Затем она нарастает на сталагмиты, которые достигают уровня воды. Прирастая к бортикам «ванночек», кальцитовая пленка постепенно увеличивает их высоту...

Но даже при столь исчерпывающих объяснениях Николая Андреевича, при его твердокаменном научном толковании, трудно было поверить, что подобная лотосовая красотища, именно в количестве семи штук, была создана только природой. Хотя, если не природой, то кем? Кто так точно на тысячелетия вперед мог рассчитать направление и путь капли, сотворившей впоследствии своей неустанной работой подобное чудо?

Честно говоря, не хотелось уходить от этого завораживающего взгляд лотосового озера. Однако Сэнсэй дал нам лишь немного времени на всё про всё, а потом двинулся дальше. Мы, естественно, пошли за ним, не желая отставать. На прощание это место преподнесло нам еще один неожиданный сюрприз. В той стороне, куда мы шли, направляя свет, стали вырисовываться из темноты величественные скульптурные изваяния огромных сросшихся сталагмитов и сталактитов. Они, словно гигантские стражи, молчаливо охраняли лотосовое озеро.

Когда мы подошли поближе, то увидели, что один из них, находящийся посередине, напоминал лежащего Сфинкса, выступающего из скалы, похожего на того, что охраняет вечный покой у Египетских пирамид в Гизе. Почему-то из всех «скульптур» он больше всего приковывал взгляд своей просто мистической фигурой. Создавалось такое жуткое впечатление, будто белоснежный Сфинкс, как живой призрак, выдвинулся наполовину из стены огромной пещеры, дабы разглядеть со своей высоты тех, кто посмел нарушить границы его тысячелетнего покоя.

Просто мурашки бегали по коже, когда наши жалкие лучики света освещали огромную голову Сфинкса высотой, наверное, метров пять. С затылка на плечи спускались большие сосульки сросшихся сталактитов, похожих на царский намес. А на лбу возвышалась белоснежная фигурка в виде некоего подобия урея — кобры с раздутым капюшоном. Выражение же его человеческого лица не было достаточно четким, но это только усилило наши впечатления. Такая туманная загадочность лицевого рельефа была еще привлекательнее, поскольку давала возможность каждому из нас мысленно воспроизвести воображаемый образ. Но, пожалуй, наиболее впечатляюще из туманного лика проявлялись его глаза, играя причудливыми отблесками от направляемого нами света. Благодаря такому световому эффекту вся сталактитово-сталагмитовая скульптура оживала, превращаясь в могучего Стража, охраняющего многовековые тайны своего подземного мира.

Его глаза произвели впечатление на всех. Наш отряд стал робко перешептываться. Кто-то считал, что на месте его глаз находятся алмазы, поэтому дают такой удивительный блеск, кто-то просто рассматривал это как отражение света от природной выпуклости сталактита, а кто-то вообще убеждал остальных, что подобный эффект можно создать только искусственным путем. Один Сэнсэй сохранял в этом споре невозмутимое молчание.

Как ни странно, но путь наш пролегал именно к Сфинксу. По мере того, как мы ближе и ближе подходили к этому природному изваянию, я стала испытывать даже какой-то легкий,

суеверный страх. Муравьиным строем наш отряд миновал его правую сталагмитовую лапищу. И, подойдя к левой, мы неожиданно свернули в очень узкий и тесный проход, незаметно расположившийся между вторым и третьим «когтем». Мне вдруг подумалось, что очутись я в этой пещере одна, вряд ли догадалась бы искать проход именно здесь, возле фигуры, вызывающей своим видом непонятный страх. Возможно, подстегнутые такой же мыслью, каждый из участников путешествия пытался не отставать, все шли друг за другом след в след. Поскольку перспектива остаться один на один со Сфинксом, взгляд которого не просто пугал, а приковывал к месту, не очень радовала. И хотя каждый из нас хорохорился, споря, из чего сделаны глаза вечного Стража, но, по сути, видимо, просто успокаивал этим свой мандраж от впечатляющей гигантской фигуры.

Когда мы выбрались через лапу Сфинкса в более просторный проход, кто-то даже вспомнил легенду о Сфинксе, вернее, о Сфинге из греческой мифологии. Эта полукрылатая полуженщина, полульвица, обитавшая на скале около Фив, задавала прохожим одну и ту же загадку: «Кто утром ходит на четырех ногах, в полдень — на двух, вечером — на трех?» Кто не знал ответа, того пожирала. Разгадать смог Эдип, ответив, что это человек — в детстве, зрелости и старости. После чего Сфинга бросилась со скалы... Но одно дело — читать эту легенду дома, сидя с кружкой чая в удобном кресле. И совершенно другое — слушать ее вновь после такой вот психологической встряски, когда ты реально испытал на себе всю гамму ощущений от встречи пусть и минеральным, но не менее мистическим Сфинксом. Все воспринимаешь совершенно по-другому, точно ты и есть тот прохожий, для которого загадка Сфинкса так и осталась неразрешимой, ставшей причиной гибели.

Ведь если глубже вдуматься, тут дело даже не в Сфинксе, а в самом человеке, застигнутом врасплох. Что вызывает у нас столь панический страх перед неизвестным? Наша внутренняя неподготовленность к этому явлению, стихийность в мыслях, включающая фантазию воображения и порождающая жуткие образы, диктуемые Животным началом. И именно Животное начало поглощает наше внимание, заслоняя нагнетаемым страхом огромный источник духовной силы, для которой нет преград в этом мире. То есть человек, застигнутый врасплох, включает свою привычную доминанту в сознании. И, *если он оказывается «обычным прохожим», его будет ожидать та же участь, что и многих, для которых лишь эта жизнь — их единственная реальность. Смерть означает для них не только физический, но и «духовный конец». А если на их месте будет духовная личность, тогда то, что для «обычного прохожего» казалось конечным в виде непреодолимого препятствия, для духовной личности будет всего лишь шагом на пути в вечность.*

* * *

После такого впечатляющего белоснежного зала мы вновь погрузились в тусклые темные проходы и галереи. Камень стал для взгляда опять-таки привычным. И я уже больше смотрела себе под ноги, чем по сторонам. Вот и еще одна склонность человеческой природы — привычка. Сколько мы под землей? Всего несколько часов. Сколько впечатлений было по поводу камня в самом начале пути — от панического страха до чувства подлинного восхищения! А теперь? А ведь прошло совсем немного времени, но все вновь стало привычным, исключая, конечно, карстовые пещеры, в которых чуть ли не каждая сосулька казалась произведением искусства, полетом фантазии великого художника-скульптора Природы. Хотя я больше чем уверена, что

если бы карстовые пещеры были бы такими же бесконечными лабиринтами, как наши каменные галереи, по которым мы передвигались, даже эту белоснежную красоту наш несовершенный мозг вскоре сделал бы привычной. А привычность вновь бы увела мысль в глубины своего «неповторимого Я», и мы бы в сотый раз обдумывали то, что каждый тайно считает для себя самым важным.

Во главе с Сэнсэем наш отряд прошел еще несколько подземных переходов. В каком-то месте туннель настолько сузился, что нам вновь пришлось ползти по-пластунски. Но результат наших усилий превзошел ожидания. Мы попали в достаточно просторный зал. Хоть тут не было сталактитов и сталагмитов, это помещение удивило нас не меньше. Его поверхность представляла собой овальное дно давно высохшего озера. Посередине него находилось какое-то непонятное нагромождение огромных вертикальных валунов.

Сэнсэй повел нас вдоль зала по левой стороне. Почти на самой середине боковой стены мы обнаружили ступеньки, которые поднимались метра на три, углубляясь в скалу, и заканчивались у входа в своеобразную лоджию. И если насчет глаз Сфинкса мы спорили, сомневаясь в том, естественного ли они происхождения или кем-то искусственно созданы, то в отношении этих ступеней сомнений ни у кого не возникало. Над уступом скалы явно хорошо потрудились какие-то неизвестные мастера. Сэнсэй предложил расположиться здесь для длительного отдыха. Мы стали взбираться по ступенькам, по которым, очевидно, очень давно не ступала нога человека. В такую минуту испытываешь странное чувство, словно соприкасаешься с тайной неведомого прошлого, свидетели которого — эти молчаливые древние камни. Как будто ты сам становишься одним из героев, промелькнувшим своей тенью в летописи многовековой истории данной пещеры.

В «лоджии» оказалось три длинных ряда монолитных каменных скамеек, в виде больших ступеней. От усталости мы сбросили свои рюкзаки с плеч и с радостью повалились на скамейки, вытянув натруженные ноги.

Но долго сидеть не пришлось. Едва свет от наших фонарей пробежался по помещению пещеры, мы замерли в удивлении от открывшейся нам панорамы. Валуны, которые мы считали простым нагромождением камней, оказывается, располагались определенным рисунком в центре зала. Причем он хорошо просматривался именно сверху, так как верхушки монолитов были словно срезаны на одной и той же высоте. Первым свое предположение относительно контура рисунка высказал батюшка:

— Хм, выглядит прямо как старославянская буква «ж» с перекладиной посередине.

— Да, есть сходство, — кивнул Сергей.

— «Живица», «живите», «живот»... — пробормотал батюшка.

— Чего? — не понял Андрей.

— Так в кириллице называется эта буква, — пояснил отец Иоанн.

— А-а-а, — протянул тот.

— Проще говоря, «жизнь», — сделал вывод Николай Андреевич.

— Эта буква в древности означала не только жизнь. Это своеобразный символ Мирового Древа, в коем есть два таинства: Жизнь и Познание, — уточнил батюшка.

— Да уж, — промолвил психотерапевт, — что вверху, то внизу. Прямо Явь и Навь.

— А мне это больше напоминает две каменные лилии, перевернутые друг относительно друга, — заметила я.

— Похоже на какое-то огромное насекомое, — высказал свое видение Виктор.

Пока мы перебирали варианты, Сэнсэй, казалось, абсолютно не обращал внимания ни на наши удивленные возгласы, ни на общую панораму валунов. Единственное, что его интересовало, это желание использовать выдавшуюся минутку для полноценного отдыха. Он

потер руками свои ноги, выполнив небольшой расслабляющий массаж через одежду. Именно в этот момент Виктор, не отрывая восхищенного взгляда от валунов, в удивлении спросил:

— Сэнсэй, а правда, что это?

— Иди да посмотри, — добродушно предложил ему Сэнсэй, не отрываясь от своего дела.

Такая идея понравилась всем. Наш отряд дружно спустился вниз, оставив своего командира на отдыхе. Получив изрядную дозу адреналина от представшего перед нами зрелища, мы вообще забыли про усталость и стали ходить по залу, разглядывая его главную достопримечательность в немом удивлении. Двухметровые монолиты стояли в определенной последовательности друг за другом. Между ними находились практически ровные промежутки-проходы. Лишь у некоторых из них, расположенных посередине, проходы кое-где отличались расстоянием. Камни были хорошо обработаны, почти гладко. Женька дотянулся до скошенной верхушки и потрогал ее руками.

— И как? — осведомился у него стоящий рядом Володя.

— Гладкая, как отполированная... Только пыли полно, — отряхнул парень руки и усмехнулся. — Одно могу сказать со стопроцентной уверенностью: «уборщиков» здесь точно давно не было.

— Да, — задумчиво произнес доктор, осматривая валуны. — Сколько же нужно вложить труда и знаний, чтобы сотворить такое! Тут одной геометрией не обойдешься.

— Похоже, тот, кто это устанавливал, обладал еще и недюжинным художественным талантом, — отозвался Ваню, зайдя в самый центр валунного скопления, образующего своеобразный внутренний ход между двумя продольными половинками буквы «ж».

Мы ринулись к нему, протискиваясь между каменными глыбами. Пред нами в свете фонарей предстали загадочные символы, иероглифы, орнаменты и довольно необычный резной рельеф. В изумлении, открыв рты, наша компания стала рассматривать соседние монолиты. Многие из них были исписаны, но не все. Здесь, как мне показалось, не соблюдалась какая-то особая последовательность изрисованных и пустых каменных валунов.

— Прямо какой-то кладезь математических кодов, — заметил Сергей, разглядывая изображения.

— С чего ты взял? — спросил Ваню, словно ректор студента, заложив руки за спину.

— А вот смотри, видишь повторяющееся одинаковое число клиньев? И здесь, и здесь... А на том столбе их больше. Явно смысловая нагрузка математического характера... Дело осталось за малым, — Сергей усмехнулся, — всего лишь узнать ключ.

— Хм, как говорил польский математик Хуго Штейнхаус: «Между духом и материей посредничает математика», — деловито подметил отец Иоанн, правда, еле выговорив фамилию автора этих слов.

— Любопытно, любопытно, — восхищенно пробормотал Николай Андреевич, бережно поглаживая выпуклые рельефы рукой. — Если это действительно математический код, тогда... Великолепная идея: послание, не привязанное к какому-то определенному времени. И в то же время его сможет прочесть любое разумное существо, владеющее азами математических исчислений...

Их интригующий разговор невольно приковал наше внимание к этим рисункам. Ничего особо математического я там, конечно, не увидела. Ну, были повторяющиеся символы, но мне это ни о чем не говорило. Гораздо интереснее показались рисунки и рельефы. Казалось, изобретательность тех, кто наносил их на поверхность камня, не знала границ. Здесь были спирали и треугольники, волнистые змееобразные линии, переплетающиеся друг с другом, борозды, напоминающие какой-то гигантский отпечаток пальца, концентрические круги, замысловатые фигуры и непонятные иероглифы. Причем, что интересно, некоторые монолиты

были словно обособлены своей общей картиной. А другие, наоборот, представляли лишь часть общего большого рисунка, продолжение рельефа или орнамента которого визуально наблюдалось на рядом стоящих каменных глыбах. А в некоторых местах, особенно где монолиты образовывали угол поворота, продолжение рисунка было на валуне, расположенном через пустой монолит.

Любопытно было и то, какое воздействие оказывало на нас это место. Не договариваясь, мы ходили от монолита к монолиту друг за дружкой, словно боясь отстать или вырваться вперед. Хотя, по сути, заблудиться здесь было невозможно, да и не в правилах наших парней воотчую проявлять свой страх, даже если он есть. Но тут... Один только Валера, да в паре Сергей и Ваню бродили вокруг монолитов самостоятельно, осматривая рисунки. А все остальные, сами того не замечая, кучно передвигались за Николаем Андреевичем, точно на экскурсии.

Бегло осмотрев стены этого своеобразного комплекса, мы с заметным облегчением стали взбираться по ступенькам вверх к Сэнсэю. Ну, как тут было удержаться от расспросов, находясь под такой лавиной впечатлений от монолитов? Усевшись на каменные лавочки, мы просто засыпали Сэнсэя вопросами. Но он лишь отшучивался, посмеиваясь над нашим эмоциональным ажиотажем.

— Сэнсэй, как ты нашел эту пещеру? — удивлялся Андрей.

— А что там за символы изображены? — спрашивал Виктор.

— Кто же эти камни так хорошо обработал? — лукаво интересовался отец Иоанн.

— Нет, правда, что за странный бункер? — выпытывал Женька, озираясь по сторонам.

— Да так, — махнул рукой Сэнсэй. — Комната для кроликов.

— В каком смысле? — не понял Андрей. — Здесь что, кроликов разводили?

— Ну, где-то приблизительно так, — смеясь вместе со всеми, уклончиво ответил Сэнсэй.

— Угу, ты сейчас расскажешь, — с усмешкой проговорил себе под нос отец Иоанн.

Минут десять мы мучили Сэнсэя на совесть своими нескончаемыми вопросами. Но он, как стойкий оловянный солдатик, только и знал, что отшучивался. И поскольку толком от него так и не удалось ничего добиться, в бой догадок ринулись наши интеллектуальные «тяжеловесы».

— Несомненно, это достаточно древнее сооружение, — начал выдвигать свою версию Николай Андреевич. — Похоже на какой-то древний культовый комплекс.

— И кто же, интересно, его построил? — любопытствовал Володя.

— Ну, Крым один из древнейших районов заселения, — пожал плечами Николай Андреевич. — Тут издревле жили люди Восточной Европы. Кажется, с конца второго тысячелетия до нашей эры Крым был населен киммерийцами. В первом тысячелетии до нашей эры здесь жили тавры, потом — скифы. А затем кто только тут не побывал: и греки, и римляне, и готы, и гунны, и армяне, и потомки алан, печенегов, монголы...

— А русские? — не вытерпел Андрей всех перечислений.

— И русские, когда Крым перешел под покровительство России в 1774 году, — Николай Андреевич сделал паузу и вновь возвратился к интересующей его теме: — Но вряд ли кто-то из вышеперечисленных мог все это построить. Мне кажется, этот комплекс намного древнее...

— Согласен, — кивнул отец Иоанн и выжидающе посмотрел на Сэнсэя.

Но тот сохранял невозмутимое молчание, явно наслаждаясь ходом стихийно возникшей дискуссии.

— Хм, намного древнее? — повторил Сергей и усмехнулся. — Намного древней — это уже неандертальцы.

— Ага, в каменном веке! — со смехом произнес Володя.

— А что, — подхватил идею Ваню и стал в шутку ее раскручивать, — всё может быть. Неандертальцы — народ особый. Вон, в последнее время поговаривают, что якобы мы уже не их

потомки, мол, это была отдельная тупиковая ветвь вида человеческого. Какие-то там сурьезные различия в генах нашли. Короче, нашему роду гомосапиевскому они двоюродными братьями приходятся. Так у них, говорят, какая-никакая культура была. Огонь знали. Кстати, в пещерах жили. Да и шибко они шустро камень выдывляли. Техника обработки была дюже особая, не походила на ту, что у нашего-то брата сапиенса... Да и вообще, неандертальцы населяли Европу, — в качестве главного аргумента своей шутливой идеи выдвинул батюшка. — Это была их Родина.

— Здрасьте! — заявил Женька и в иронично-претензионном тоне проговорил: — А сапиенсы-то где вылупились?!

— Ну, где *вылупились* предки некоторых «особо одаренных» сапиенсов, что до сих пор своей жуткой мутацией топчут землю, я не знаю, — с ухмылкой сказал отец Иоанн, делая акцент на слове «вылупились». — Природа пока скрывает подлинную историю этого кошмарного эксперимента. А вот родиной homo sapiensa является Африка.

— Африка?! — удивленно переспросил Женька, словно это было для него неожиданной новостью, и тут же закатился в приступе заразительного смеха. — Вот так! Банан всем вам, оказывается, мы — негры!

— Ну, кто «негр», а кто и «человек разумный», — насмешливо произнес отец Иоанн, и, глядя на немного перепачканное лицо парня, добавил: — И вообще, попрошу не обобщать массовость в свою черномазую, реликтовую индивидуальность.

Мы дружно посмеялись над этой очередной клоунадой наших юмористов и, когда те притихли, вновь устремили взоры на каменный комплекс.

— Да, чтобы построить такое, нужна четкая организация труда, соответствующая техника, чтобы обработать и установить эти глыбы, — повторил свое предположение Николай Андреевич. — Все это предполагает наличие серьезных знаний. И, в первую очередь, в области геометрии, математики, — перечисляя, Николай Андреевич стал старательно загибать пальцы на руке, — не исключено, и астрономии...

— Физики, — добавил в тон Сэнсэй, словно помогая доктору с перечислениями.

И поскольку это было единственное серьезное слово Сэнсэя среди его шуток, все заинтересованно посмотрели на него. Это всеобщее внимание заставило Сэнсэя замолчать. Но деваться было некуда, слово уже вымолвлено. Однако вместо объяснений, Сэнсэй, глянув на Вану, с юмором проговорил:

— Хочешь местный прикол?

— Давай, — охотно согласился тот.

— Пойдешь вон туда, — Сэнсэй посветил фонариком в сторону, откуда мы входили в пещеру. — Видишь вот эти ямки в стене? Взберешься по ним в нишу. Отсюда, правда, ее не видно.

— И что будет?

— Увидишь.

Вану недоверчиво посмотрел на друга, очевидно, пытаясь разгадать какой-то подвох, и на всякий случай с улыбкой предупредил:

— Ну, гляди, чадо!

Он направился в указанную сторону. Мы с интересом стали наблюдать за ним и его последующим восхождением по отвесной стене. А потом, некоторые из нас (Женька, Стас, Андрей и я) не поленились спуститься вниз и посмотреть, куда же полез батюшка, поскольку с лоджии была видна только выступающая часть скалы, за которой скрылся Вану. Оказывается, он взобрался чуть ли не под самый свод пещеры и попал в довольно вместительную нишу в виде широкого балкона. Когда мы подошли, отец Иоанн уже осматривал его с помощью фонарика.

Очевидно, не найдя ничего особо примечательного, он пожал плечами. Опершись на «перила», Ваню посмотрел на нас сверху и громко спросил, чтобы быть услышанным Сэнсэем:

— Ну, и в чем фокус?!

Громогласное эхо разнеслось по всей пещере так, как будто кто-то дал в руки Ваню мощный микрофон и включил его на всю громкость. Мы аж непроизвольно вздрогнули. А Женька отскочил в сторону и пригнулся, как от взрыва.

— Ё-моё! Ну, все, конец света настал! У батюшки голос прорезался...

Ваню, тоже удивившись такому акустическому эффекту, воскликнул:

— Ого-го-го-го!

Эхо мощно прокатилось по залу, отчего Женька вообще в ужасе закрыл уши руками.

— Пошли отсюда, пока он нас глухими не сделал, — со смехом предложил парень.

Примечательно, что по дороге назад мы отчетливо слышали не только распевку батюшки, но и его тихий разговор с самим собой. Звук с того места отлично резонировал по всей пещере.

Вернувшись, Женька сразу спросил:

— Сэнсэй, ты что, из батюшки Джельсомино сделал? — Мы засмеялись, вспоминая давнишний фильм нашей юности «Волшебный голос Джельсомино». А парень с улыбкой продолжил: — И так от него житья не было некоторым порядочным людям, так теперь он и вовсе одними децибелами забьет.

Мы удобнее устроились в «лоджии» с блаженством вытянув натруженные ноги. Накопившаяся усталость брала своё. После стольких километров пешего хода, даже камень мне показался мягче пуховой перины. В это время отец Иоанн восхищенно бормотал у себя на балкончике:

— Вот это, я понимаю, акустика! Здорово! Мне бы такой акустический эффект в мою церквушку...

И уже громче повторил:

— Слышь, Сэнсэй? Я говорю, мне бы такую акустику...

Вместо Сэнсэя крикнул Серега:

— Да слышим мы, слышим! Только не кричи, а то уже тут все оглохли.

— Да? — удивился Ваню. — Вот это, я понимаю, акустика...

Он вновь прочистил голос, попробовал разную громкость и тональность звука. Приноровившись к оптимальному варианту силы звука, который, видимо, ему больше всего понравился, Ваню певучим поповским голосом промолвил:

— Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. А-ми-и-инь...

Его голос разлился по залу, заполняя пространство своим торжественным звучанием. Батюшка помолчал, очевидно, прислушиваясь к эху, и, явно оставшись им вполне довольным, стал читать молитву Святому Духу:

— Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Звук, расходившийся по залу, действительно производил потрясающий эффект. Даже мурашки по коже бегали от столь мощных вибраций голоса отца Иоанна, раздающегося из темноты. Этот звук порождал какое-то внутреннее вдохновение, пробирал до глубины души, как будто заставлял каждую клеточку тела вибрировать ему в унисон. Когда отец Иоанн закончил читать молитву, наступила абсолютная тишина, благодаря которой последние слова, как эхо, повторялись в собственном сознании, до мелочей точно воспроизводя тембр голоса батюшки. Словно замороженные, мы сидели, не шелохнувшись, наслаждаясь этим изумительным звуковым эффектом. Батюшка так разошелся, что стал проводить целую церковную службу. Он менял

интонацию и постепенно перешёл на тихое, однотонное пение молитв. Его голос стал бархатистым, мягким, убаюкивающим. Я прикрыла глаза. Лёгкая дремота охватила моё сознание.

* * *

— Отличная акустика! — не переставал восхищаться батюшка, наконец-то спустившись со «звукового» балкончика.

— Это еще что, — загадочно промолвил Сэнсэй и, глянув на свои часы с подсветкой, добавил: — Ладно, так тому и быть. Хотите еще один фокус?

Мы закивали.

— Только надо будет потрудиться всем, чтобы все заработало, — предупредил Сэнсэй, еще больше интригуя нас.

Не раскрывая, в чём, собственно, дело, Сэнсэй вытащил из своего вещмешка длинную мягкую тряпку и разорвал ее на лоскуты, вручив их каждому из нас. Сохраняя тайну предстоящего «фокуса», он повел наш отряд на «боевые посты», как он в шутку выразился.

— И против кого мы будем воевать с этим страшным оружием? — со смехом спросил Женька, неся впереди себя свою тряпку как флаг.

— Против госпожи Пыли, — с улыбкой ответил Сэнсэй. — Ты же сам сетовал, что здесь давно «уборщиков» не было.

— Я?! — наигранно возмутился Женька. — Та то я так, не подумавши, сказал. Ведь что такое пыль?! Это же украшение седой древности. Это же ценная частица богатого прошлого этой пещеры...

И далее Женьку понесло в бурном изложении целой эпопеи из жизни пылинки и соответственного «статуса ее неприкосновенности на старости лет в этой священной пещере». Володя же со смехом коротко резюмировал его пламенную речь:

— И что только человек не придумает, лишь бы не работать.

Мы полагали, что сейчас начнется грандиозная уборка по очистке комплекса от пыли. Но вопреки нашим ожиданиям, Сэнсэй повел нас не к монолитам, а расставил с правой и левой сторон овального зала относительно ступенек, дав задание тщательно протереть указанные им места в камне. И если ребятам достались участки на стенах, то Володе и мне — странные выемки, находящиеся между ступеньками, ведущими в «лоджию». Мы принялись усиленно чистить указанные места. Они представляли собой ровные, круглые углубления, в виде подноса, чуть утопленного одним концом в каменную породу под определенным углом. Когда я начала освобождать свой участок от слоя пыли и грязи, то обнаружила под ними гладко отполированный кристалл, похожий на горный хрусталь. То же самое оказалось у Володи и у остальных ребят. Все эти кристаллы, чем-то похожие на автомобильные фары, были разных размеров и вмонтированы в стены пещеры на разной высоте, под разными углами. По мере того, как мы удаляли с них грязь, освещая их своими канагонками, зал пещеры стал оживать в игре теней и света. В восхищении мы озирались по сторонам, думая, что это и есть тот самый фокус, который обещал нам Сэнсэй. В это время он сам, усевшись на ступеньках, возился с какими-то двумя замысловатыми предметами, оттирая их мелкие детали от пыли и что-то пытаясь в них наладить. То, что это оказалось двумя, видимо, очень древними, необычными светильниками, я поняла тогда, когда Сэнсэй, закончив работу, запалил зажигалкой их фитильки, создавая какое-

то неестественное свечение.

— О, надо же, еще работают, — удивился он сам себе, проверив и потушив древние лампы.

Когда мы справились со своим заданием, Сэнсэй пригласил нас занять места в «лоджии», а Женьке поручил собрать тряпки. И тот, напустив на себя маску строгого контролера, вернее, контролерши бальзаковского возраста, с забавными монологами стал собирать у нас тряпки, словно билеты на входе в кинотеатр.

Сэнсэй поставил Володю возле одного из кристаллов, находящегося в правой стене, недалеко от входа в пещеру. Сначала он помог ему направить под определенным углом свет электрического фонаря на кристалл. Перед нашими глазами возник феноменальный оптический эффект. Свет, несколько раз отразившись от зеркальных кристаллов, прошел сквозь комплекс монолитов и... На противоположной каменной стене справа возникли две тени, похожие на человеческие фигуры со своеобразными скафандрами на головах. Помимо этих фигур в полутенях позади них просматривался пейзаж — море, горы и висящая над ними то ли луна, то ли солнце, в общем, чтобы быть точнее, круг, светлый изнутри. Среди нас пробежал ропот удивления.

— Это кто? Водолазы, что ли? — удивился Андрей.

— Почему водолазы? — отозвался Виктор. — Может, космонавты...

— Точно, космолазы! — утвердительно кивнул Женька.

Сэнсэй тем временем поставил Стаса к противоположной стене относительно той, где стоял Володя. Когда Сэнсэй отрегулировал угол падения света электрического фонаря Стаса на другой кристалл, свет вновь пробежал в своих многочисленных отражениях по пещере, дополнив объемную подсветку монолитного комплекса. И слева на «экране» возникла огромная тень ящера-динозавра. Но, самое интересное, над его головой зависло уже четыре больших круга, а позади них — несколько меньших кругов, но уже каких-то нечетких.

По просьбе Сэнсэя мы потушили свои фонари. Он вновь зажег фитиль древней лампы и заменил ею фонарь Стаса. Тень динозавра стала расплывчатой. Но Сэнсэй, наверное, как-то отрегулировал угол падения света, поскольку вскоре тень приобрела не просто четкие черты, а стала точно живая. Движение динозавра были настолько реальными, будто он и впрямь присутствовал в пещере. Когда Сэнсэй проделал то же самое с Володиным освещением, заменив его древней лампой, на «экране» ожили и фигуры в скафандрах. Однако их движения были такими, словно они что-то обсуждали между собой относительно динозавра и круглых объектов на «небе». Тут мы, конечно, пожалели об отсутствии звука. Хотя, когда у нас прошел первый шок от увиденного, Женька с успехом восполнил этот пробел, на ходу придумав смешную историю о большом гуляющем шашлыке. На что отец Иоанн заметил по поводу Женьки, мол, «на дурной роток не накинешь платок».

Сэнсэй присоединился к нам, усевшись между Николаем Андреевичем и Ваню.

— Ну, как вам фокус?

— Круто! — ответил за всех Виктор.

— Очень даже занимательно, — сказал батюшка. — Неужели это от мерцания огня фитилька создается такая живая иллюзия? Даже не верится.

— Да, непростая схемка волновой оптики, — добавил Сергей, прикидывая путь движения и отражения света.

— А что вы хотели? — довольно произнес Сэнсэй. — Седая древность была не столь примитивной, как полагают некоторые...

Он искоса посмотрел на отца Иоанна. Тот улыбнулся.

— Седая древность, говоришь... Ну, и насколько она была седая?

— Если я тебе скажу, ты все равно не поверишь, — усмехнувшись, махнул рукой Сэнсэй. —

Так что, как говорится, не будем портить воздух цифрами. Главное — суть. А суть перед глазами.

Некоторое время мы молча созерцали живую картину на «экране».

— Игра света и тьмы — вечный вопрос, — по-философски заметил «суть» Николай Андреевич. — Древние считали, что видимый мир образован слиянием двух противоположающихся начал — света и тьмы, добра и зла.

— Можно и так сказать, — согласился Сэнсэй. — Первое — свет, рождает душу человека, второе — тень, рождает тело человека. Когда произойдет освобождение заключенного в темницу света, тогда наступит конец мира.

— А что это за круги вверху? — полюбопытствовал Володя.

— Это напоминание и предупреждение потомкам о том, что было, и о том, что будет.

— А что было и что будет?

— Да все, как всегда. Конец и начало. Уничтожение, предшествующее обновлению мира.

— А причем тут пять кругов? — не понял Николай Андреевич.

— Одновременное появление на небосводе нескольких светил, как вон, видишь, над динозавром, означает начало конца, гибель изжившего себя мира. А одиночное «солнце» в стороне — начало новой обновленной жизни.

— Интересная трактовка символики, никогда такого не слышал, — признался Николай Андреевич.

— Да ну, старо как мир, — возразил ему Сэнсэй. — На Востоке полно об этом преданий. Возьми хотя бы буддийские. Там ясно говорится, что разрушение мира наступает вследствие того, что огонь овладевает миром. «...Когда семь солнц восходят одно за другим, воды источников высыхают и огонь утверждается в мире даже изнутри. Жизнь наступает, когда огонь покидает этот мир и переходит в другой...» И такие знания есть не только на Востоке. Эта информация закреплена в народной памяти людей почти всех континентов. К примеру, у майя была легенда о пяти солнцах. Она гласила: «Четыре раза было дано людям солнце. Но прошло время, а люди не изменились: они не стали лучше, и пороки их не уменьшились. Тогда боги решили уничтожить людей. Но один из богов, больше всех их любивший, решил дать людям последний шанс. Он бросился в костер и превратился в пятое солнце, которое вновь стало светить людям и дарить им жизнь».

— Пятое солнце? — проговорил Сергей. — Это то, под которым мы живём? Ну да, если еще учесть, что календарь майя заканчивается 2012 годом... веселенькая история получается.

— Это называется: «Все не так плохо, как вы думаете. На самом деле все гораздо хуже», — в качестве послесловия прокомментировал отец Иоанн.

Сэнсэй вновь усмехнулся и со скептицизмом проговорил:

— Ну, что вы уж так трагично все трактуете. Некоторые, например, считают это всего лишь «безосновательными легендами».

Мужчины улыбнулись, но ничего не ответили. Некоторое время наша компания сидела молча.

— А что это за ребята? — спросил Сергей, кивая на «космолазов».

— О, это конкретные товарищи. — Сэнсэй, снова посмотрел на свои часы. — Но о них расскажу как-нибудь потом... Ну, что, хорошего понемножку? Пора, как говорится, и честь знать... Володя, Стас, тушите огни.

Мы зажгли свои электрические фонари и стали собираться. От такой обрушившейся волны впечатлений и переизбытка информации в головах наступил «полный вакуум». И нужно было время, чтобы, как говорил Николай Андреевич, во всем разобраться и разложить по полочкам. Мы надели свои рюкзаки и направились за Сэнсэем дальше вдоль левой стенки за уступ скалы.

За ним, оказывается, имелся второй проход.

Этот достаточно удобный и широкий ход несколько сужался, образуя круглое отверстие в диаметре где-то около двух метров, а потом вновь расширялся. На первый взгляд, ничего необычного. Ход как ход, мы уже таких много встречали на своем пути. Сэнсэй спокойно его прошел. Валере, шедшему за ним, тоже это не составило труда. А вот остальные, в том числе, Володя, Виктор, Ваню явно затормозили возле этого круглого отверстия, создавая пробку в движении. И тут в нашем маленьком отряде началась какая-то непонятная смута. Парни вдруг, ни с того ни с сего, стали изъявлять желание остаться в этой пещере и подробнее все рассмотреть. Мол, зачем спешить, ведь когда еще такое увидишь. Виктор предложил основательно здесь отдохнуть и заодно перекусить. Женя активно его поддержал, оправдываясь тем, что уже достаточно длительное время его кишки показывают друг другу большие кукиши, отчего в животе непрерывно урчит. Даже отец Иоанн, всю дорогу подкалывающий парня по поводу выносливости, на удивление легко согласился с ним, правда, больше мотивируя остановку более тщательным осмотром достопримечательностей пещеры.

Когда парни, уговаривая Сэнсэя, в замешательстве отошли от кольцевого прохода, я, наоборот, поспешила к нему, не собираясь отставать. Какой может быть отдых, если и так уже достаточно отдохнули? Но едва я приблизилась к кольцу, внезапно почувствовала нарастание какого-то необъяснимого страха. Что-то внутри меня словно останавливало, что называется, тормозило, явно не желая переступить эту грань. В непонятном испуге я отошла немного назад, почувствовав при этом значительное облегчение. Собрав все остатки воли, я вновь решительно приблизилась к кольцу, твердо намереваясь переступить через него. И снова почувствовала неопределимый панический страх, который к тому же усилился в несколько раз. Я вновь попятилась, не в силах объяснить, что же со мной не так.

Сэнсэй, наблюдая за нашим ступором, обыденно перешагнул через кольцо, слушая высказывания внезапно расклеившихся ребят, и со своим неутомимым юмором стал поддерживать их дух. При этом он ободряюще похлопал Сергея и Николая Андреевича по спине, а заодно и меня, как мне тогда показалось, лишь потому, что я в тот момент просто случайно оказалась рядом. Его похлопывания пришлись мне где-то в районе лопаток. И тут я внезапно почувствовала необычный прилив сил. Мне стало так легко, как будто я начисто лишилась всех своих страхов. Чувство невероятной свободы охватило меня, словно передо мной не существовало никаких преград, словно во мне проснулась всемогущая сила. Над ухом я услышала тихий голос Сэнсэя.

— Ну, смелее...

Мой взгляд устремился на непроходимое кольцо. И пока ребята убеждали Сэнсэя остаться, я с каким-то упорством и уверенностью пошла на таран. К моему величайшему изумлению, на сей раз я спокойно прошла через кольцо, будто никогда и не существовало того невидимого, непреодолимого препятствия, которое преграждало мой путь в собственном сознании. Более того, я даже смогла рассмотреть этот кольцеобразный проход, осветив его с помощью своего фонаря. Это был идеально ровный круг, явно искусственного происхождения, словно кто-то каким-то непонятным способом впечатал круг в скальную породу, а потом его вынул, оставив идеально гладкий, точно оплавленный желобок шириной тридцати пяти—сорока сантиметров. После этого круга вновь шло обычное туннельное расширение.

Когда я перешагнула через канавку круга, настроение у меня гораздо улучшилось. Но главное, я почувствовала себя так свежо и бодро, будто за плечами вовсе не было этого утомительного многочасового пути по подземным пещерам. Я подошла к ожидавшему Сэнсэю Валере. Вскоре к нам присоединились в таком же бодром духе Сергей, Николай Андреевич и сам Сэнсэй. Остальные же с «превеликой радостью», как выразился Женька, решили подождать

нашего возвращения в пещере. Они почти сразу направились в зал, подальше от злополучного прохода. Сэнсэй улыбнулся, в шутку пожурился за ленивые тела, и промолвил напоследок:

— Ну, ладно, ждите нас здесь, и мы когда-нибудь вернемся.

Пока шли по тоннелю, чувство внутренней свободы, появившееся у меня после прохода кольца, стало незаметно исчезать. Анализируя все недавно произошедшее, я начала детально прокручивать его в своих мыслях, припоминая, что же этому предшествовало. Мне стало любопытно, только ли я испытала на себе столь непонятные изменения настроения. Позади меня шел замыкающим Николай Андреевич, и я решила поделиться с ним своими наблюдениями. Оказывается, и он пережил тот же строй противоположных чувств, испытывая и страх, и вдохновение, и прилив сил. Доктор высказал предположение, что, очевидно, мы прошли через какое-то силовое поле, находящееся в районе кольца.

Туннель начал ветвиться. Вскоре мы попали в замысловатый лабиринт, прямо как в сыре, где много ходов, и все они похожи друг на друга. На нашем пути стали появляться такие неудобные проходы, через которые может пройти, петляя между скальными расщелинами лишь один человек. Причем, когда он выбирался оттуда на одиночный пяточок, его ждал новый сюрприз — несколько узких однотипных ходов. Здесь нам пришлось пробираться с помощью веревки, соединявшей всех единым звеном с Сэнсэем. Без такой меры предосторожности запутаться в этих лазах и свернуть не туда, куда надо было как дважды два. Я с ужасом подумала, как страшно потеряться в таких лабиринтах. Здесь не то что погибнешь от безысходности многочисленных тупиков, а от одних только панических мыслей. Мое Животное начало, казалось, так и караулило в этом месте удобный момент для подвоха. И хоть я упорно старалась сопротивляться таким мыслям, все же легкий страх невольно охватывал меня при проходе сложных и запутанных мест. Правда, потом, когда мы благополучно выбрались из лабиринта, я почувствовала не только значительное облегчение, но даже некоторое удивление по поводу своего страха. Ведь чего, по сути, я боялась? Сэнсэй и мужчины были рядом. Кстати, Сэнсэй шел по этим ходам довольно уверенно, явно бывал здесь уже не раз.

Мы вышли в очередную галерею пещер. Еле заметная тропа огибала сильно выпирающий скальный выступ причудливой формы. Я подумала, что наш неведомый путь пролегает дальше, но Сэнсэй внезапно остановился. Попросив нас немного подождать, он осветил фонариком это скальное образование. Потом забрался по его пологому склону, исчезнув за большим камнем. Через минуту послышался какой-то непонятный шум, похожий на проворачивание тяжелого камня. Затем последовал щелчок и равномерный гул, длящийся несколько секунд. Сэнсэй вновь появился из-за камня и позвал нас к себе, освещая фонариком то место, где лучше всего было взбираться по скале.

Когда все добрались до Сэнсэя и зашли за камень, то увидели открытый вертикальный лаз в виде люка. В нем виднелись даже каменные ступеньки, уходящие вглубь, в крошечную темноту. Поодиночке мы стали спускаться друг за другом в бездну этого каменного колодца. Я уже практически все выполняла на «автопилоте». Куда идем? Зачем идем? Эти вопросы теряли здесь всякий смысл. Просто шла какая-то внутренняя работа, нацеленная на психологическую и физическую выносливость.

Через несколько метров вертикальный лаз плавно перешел в горизонтальный. Он был узким, но потом стал заметно расширяться. Однако передвигаться все равно приходилось на четвереньках. Серега с Николаем Андреевичем уже начали шутить по поводу нашего нескончаемого ползания по шахте, рассказывая по этому поводу анекдоты и отвлекаясь таким способом от тяжелой физической нагрузки. От их шуток и всем остальным стало намного веселее передвигаться. Вынырнув из-за очередного поворота, видимо, на финишную прямую, мы заметили впереди дневной свет.

— О! — усмехнулся Серега. — Мы что, гору насквозь прошли? А я думал, мы ползем в сердце недр.

Мы рассмеялись такому неожиданному концу нашим приключениям и удвоили силы для последнего рывка. Лаз, по мере приближения к свету, все больше расширялся. Наконец мы встали в полный рост, и пошли на свет. Однако когда достигли источника «дневного света», то увиденное заставило нас замереть на месте и позабыть обо всем на свете, в том числе, и о трудном пройденном пути и натруженных, уставших мышцах. Мы застыли в немом изумлении, не ожидая и даже не предполагая, что когда-нибудь судьба предоставит нам возможность увидеть такое восхитительное чудо.

Перед нами предстал огромный холл, напоминающий половинку шара. Его стены выглядели, как монолитное черное стекло, которое было гладким, словно его кто-то оплавил. Но самым потрясающим оказался великолепный, белоснежный храм, сделанный в виде распускающего цветка лотоса, который стоял посередине черного холла. В диаметре храм был метров двенадцать, а в высоту — метров семь. Сотворен он был из камня, похожего на белый мрамор, но этот мрамор был какой-то неестественный, полупрозрачный.

Храм находился в центре огромной монады, украшавшей пол. Все иероглифы и сложные узоры этой монады были так четко и ювелирно вырезаны, что я просто прониклась невольным уважением к тем, кто выполнил столь сложную работу. Ведь пол был изготовлен из непростого материала, точно такого, как и стены. При этом не было видно ни одного острого ребра иероглифов или узоров. Все было гладко закруглено, словно обожжено. Замысловатые иероглифы такой же искусной работы были высечены над широким арочным проходом, в который мы вошли.

Это изумительное сочетание контраста черного и белого создавало необыкновенную гармонию помещения. Но самым потрясающим был дневной свет, который, казалось, исходил именно из глубины храма. Он был настолько нежным, мягким и приятным, что невольно порождает какое-то блаженное, успокаивающее состояние умиротворения и всеобъемлющей радости.

В храме имелся полукруглый вход. Внутри его виднелась белая перегородка, заслоняющая дальнейший обзор. Этот таинственный вход в светящийся храм больше всего привлекал наше внимание.

— Ну что, пришли в себя? — весело спросил Сэнсэй и, не дожидаясь нашего ответа, сказал: — Тогда пошли дальше.

Мы, не сговариваясь, все одновременно ринулись ко входу храма.

— Э-э, ребята, вы куда? — остановил нас с улыбкой Сэнсэй. — Нам в другую сторону.

Вопреки нашим надеждам, он повел нас по огромному кольцу монады вокруг храма. Глаз нельзя было оторвать от такого грандиозного творения и его нежной красоты. Свет, исходящий от храма, был дневной, он не слепил глаза, но был достаточно ярким и освещал все вокруг. И что удивительно, нигде не было видно тени ни от наших тел, ни от храма. Я провела рукой в воздухе, пытаюсь создать тень на стене, но безрезультатно. Более того, моя рука каким-то непонятным образом хорошо освещалась как с одной стороны, так и с другой. Даже когда я близко свела обе ладони, то увидела между ними вместо тени все тот же мягкий свет.

На другой стороне холла имелся точно такой же арочный выход, только с другими иероглифами по бокам. К нашему немалому удивлению и в храме с обратной стороны находился еще один вход. Однако и там, кроме той же белой перегородки, видневшейся внутри, мы ничего больше не увидели.

Через вторую арку мы вышли из этого необычного места, попав в пещерный тоннель. Правда, миновали буквально несколько метров в виде пары поворотов. Это меня даже

заинтриговало. Ведь раз мы прошли мимо такого великолепного храма, значит, впереди нас ждет более потрясающее зрелище. Однако наш маленький отряд вошел в обыкновенную комнату, искусно вырубленную и отделанную тем же черным материалом, что и стенки холла. С левой и правой стороны ее стен располагались два больших, белых круга в виде выпуклых полупрозрачных щитов. Посередине, чуть в углублении комнаты, на каменном постаменте, к моему удивлению, покоился лошадиный череп с рогом во лбу, за которым находилась своеобразная ниша, аккуратно вырубленная в стене.

— Ух ты! — изрек Сергей, едва мы вошли в комнату. — Так что, единороги и вправду существовали?

— Кто тебе такое сказал?! — усмехнулся Сэнсэй. — Это миф!

— А это что?

— А, это... — Сэнсэй посмотрел на череп, как мне показалось, каким-то теплым, добрым взглядом. Однако произнес совершенно противоположные своему душевному состоянию слова, не лишённые нотки юмора. — Не обращай внимания. Это «Чернобыль», так, мутация.

Все удивленно посмотрели на Сэнсэя. Он улыбнулся.

— Да пошутил я, пошутил... Это просто подделка!

Сергей внимательно посмотрел на череп, посветив на него со всех сторон, и хмыкнул себе под нос:

— Угу, «подделка», как же...

— Лучше смотри сюда, — предложил Сэнсэй, обращая его внимание на белый, слегка выпуклый щит, метра три в диаметре, вмонтированный в стену.

Как только Сэнсэй навел в его центр свет фонаря, щит начал светиться изнутри, освещая комнату мягким светом. Но как только Сэнсэй увел луч в сторону, свет снова мягко погас, погрузив помещение в первоначальное состояние.

— Нормально, — ответил Сергей. — А если посветить туда, эффект будет такой же?

И он показал на щит, вмонтированный в противоположную стенку.

— Да.

Мы поэкспериментировали игрой свет и на втором щите, и на двух вместе, словно кучка первобытных людей, которым показали выключатель, и они по очереди щелкали им, дивясь такому «чуду».

— Я так понимаю, конечная цель нашего путешествия уже недалеко? — поинтересовался тихо Сергей у Сэнсэя, пока мы с Валерой наблюдали за световыми опытами Николая Андреевича.

— Да. За этим щитом, — указал Сэнсэй на левый щит.

Сэнсэй пытался развязать затянувшийся узелок своего вещмешка.

— Это что, сейф?

— Ну, что-то типа того. Вход.

— Вход? — Сергей с любопытством посмотрел на щит. — А там тоже вход?

Он кивнул на второй щит.

— Да. Только я бы не советовал туда попадать ни одному живому существу.

— Понятно. А как сюда проникнуть?

Сэнсэй глянул на него, слегка прищурившись, и с улыбкой предложил:

— А ты подумай.

Предложение Сэнсэя открыть левый щит заинтересовало и нас. Пока мы с Валерой создавали полное освещение помещения, Сергей и Николай Андреевич принялись отыскивать механизм, приводящий щит в движение. Они ощупали стену и сам щит. Сергей даже простучал вокруг него. Все было глухо, гладко. Никаких тебе выступов, отдельных каменных блоков. Щит

был словно впаян в стену. Лишь небольшой ободок, сделанный из того же белого материала, окаймлял его. Сергей стал задумчиво перед щитом, скрестив руки. Потер подбородок, оглянулся, и тут его осенило.

— Надо череп передвинуть!

— Не тронь старинный раритет! — с усмешкой вступился за череп Сэнсэй. — Он тут ни при чем.

— Да? Ну, тогда не знаю. По-моему, лучшая отмычка этому сейфу — пластид.

— Бесполезно, — сказал Сэнсэй, трудясь над неподатливым узелком вещмешка. — Этот материал нейтрален к любым химическим и механическим воздействиям... Он изготавливался при абсолютном нуле. В состав смеси входили определенные ингредиенты, благодаря которым вещество становилось довольно текучим. Это давало возможность отливать из него любые формы. При застывании вещество сохраняло некоторое время пластичность. Можно было его спокойно дообработать. Но после окончательной кристаллизации оно становилось очень прочным. По прочности ему равных нет. И износостойчивость у него очень высокая.

— И насколько высокая? — любопытствовал Николай Андреевича.

— Ну, к примеру, — Сэнсэй глянул на его сапоги, — если на подошву, скажем, на каблуки, как на самое уязвимое место твоей обуви, нанести всего один микрон этого материала, то ты бы смог всю жизнь бегать в них без единой царапинки.

— Хорошая вещь! — удивившись, по-хозяйски оценил Николай Андреевич.

— Мечта военных, — в свою очередь изумился Сергей, похлопав по щиту, а потом озадаченно спросил, глядя на Сэнсэя: — Так как же его открыть?

Сэнсэй загадочно улыбнулся и еще более интригующе сказал то ли в шутку, то ли всерьез:

— Это вам не какая-нибудь седая древность этой цивилизации. Это высокие технологии предшествующей цивилизаций ...

Развязав наконец-то узел, он вытащил из вещмешка какой-то тряпичный мешочек. Аккуратно расстелил на полу кусок ткани и вытряхнул на него содержимое мешка. Оттуда со звоном посыпались фигурные пластины, сделанные из серебристого металла.

— Это что, платина? — удивился Сергей, подняв один из них и повертев его в руках.

— Нет, гораздо ценнее, — ответил Сэнсэй, принявшись складывать фигуры в единый предмет. — Можешь не ломать голову. Этого металла еще нет в известной вам периодической системе химических элементов...

Собрав какой-то необычной конфигурации предмет, отдаленно напоминающий неправильный изрезанный круг, Сэнсэй поднялся и приложил его к центру щита.

— Ну-ка, Валер, направь вот сюда свет, — указал он на одно из фигурных отверстий в предмете.

Валера выполнил его просьбу, целенаправленно посветив лучом карманного фонарика, но ничего не произошло.

— Хм, — Сэнсэй убрал предмет со щита и повертел его в руках, словно что-то для себя вычисляя, а потом, вспомнив, воодушевленно проговорил: — А-а-а, не так... Валера, посвети-ка!

Сэнсэй перевернул серебристую форму и прислонил ее к щиту по-другому, указав, куда направить луч. И едва свет попал в указанное Сэнсэем отверстие, весь серебристый металл словно обдало сиянием изнутри, яркое свечение вспыхнуло во всех его прорезанных конфигурациях. После этого послышался глухой звук «пу-ф-ф-ф», точно паровоз спустил пар. И щит чуть приоткрылся, немного отделившись от стены. Мы устремились к нему. Но Сэнсэй остановил нас и попросил всех зайти в нишу, находящуюся за постаментом, на котором находился череп. А сам, открывая дверь щита, быстро прикрыл нос и рот платком и отбежал к нам, пока та отворялась, отклоняясь в нашу сторону.

— Сейчас, проветрится, — объяснил он нам, сворачивая свой носовой платок.

Странно, но никакого особенного запаха я не ощутила, даже затхлости не чувствовалось. Мне подумалось: «А если там какой-то опасный газ? Тогда почему мы вообще не вышли из этого помещения, а стоим, как кучка идиотов, за постаментом? Так же недолго и того... так сказать, составить компанию лошадиному черепу на долгие века». Но Сэнсэй вел себя вполне спокойно, словно ничего страшного не произошло. Минут через десять он объявил:

— Ну, все, капсула готова к принятию гостей.

— Почему капсула? — удивилась я.

— Потому что капсула она и есть капсула, — проговорил с улыбкой Сэнсэй. — Даже если вся Земля взорвется, одни капсулы и останутся.

Мы вышли из нашего необычного укрытия и направились в комнату, уже скромно двигаясь за Сэнсэем во избежание других непредвиденных сюрпризов. Свои электрические фонари потушили почти сразу, поскольку там было достаточно светло. Комната оказалась небольшой, искусно выделанной таким же материалом, что и храм. На двух ее противоположных стенках возвышались причудливые наросты в виде ярко светящихся белых шишечек, которые, очевидно, и создавали такую яркую иллюминацию. Одна из стенок была сделана в виде длинного белого шкафа с открытыми ячейками. На них лежали какие-то старинные свитки, папирусы, стояли небольшие амфоры с загадочными рисунками и еще много непонятных вещей. Сэнсэй привычно зашел в комнату и, не обращая внимания на предметы, сразу направился к ячейке, где лежал темный, небольшой цилиндр. Аккуратно открыв его, он бережно вытащил оттуда какой-то старинный пергаментный лист, пробежал текст глазами, а потом с такой же аккуратностью засунул его обратно, прикрыв крышкой цилиндра. Эту замысловатую вещь Сэнсэй неожиданно протянул мне.

— Держи, это то, что ты просила.

— Я?! — несказанно удивилась моя особа.

Я стала быстро рыться в памяти, усиленно вспоминая, когда я что просила у Сэнсэя. Но, так и не вспомнив ничего конкретного, в растерянности произнесла:

— Спасибо... А что это?

— Это пергамин Агапита.

И тут меня осенило. От нахлынувшего волнения сердце учащенно заколотилось в груди. Я бережно приняла это бесценное сокровище. Подумать только, в моих руках находился пергамин самого Бодхисатвы Агапита, написанный по приданию самим Духом Святым! Пергамин того самого русского Бодхисатвы, который прославился далеко за пределами Киевской Руси и не только как искуснейший монах-врачеватель, но и как человек огромной духовной силы. Сколько тайн и легенд было связано с этим пергаментом и его обладателями!

Полную историю об Агапите я узнала, когда наша компания вместе с Сэнсэем отдыхала на море. Это было в год моего окончания школы. Именно тогда Сэнсэй поведал нам о древнерусском лекаре XI века Агапите, монахе Киево-Печерского монастыря, от нетленных мощей которого люди продолжают исцеляться до сих пор. Агапит был непростым монахом. Это был Бодхисатва из Шамбалы, доживавший свой век в монастыре. Про него говорили, что в нем пребывал сам Дух Святой. Во многом именно благодаря Агапиту Киевская Русь пережила лучшие годы своего расцвета и небывалого духовного подъема. Именно благодаря его неординарной личности, Киево-Печерская Лавра стала впоследствии не только сосредоточением науки и культуры, но и крупным духовным центром Древней Руси.

Моя любопытная особа хотела было открыть цилиндр, но Сэнсэй, остановив меня, сказал:

— Потом посмотришь.

Я бережно уложила цилиндр в рюкзачок под заинтересованные взгляды Сергея, Валеры и

Николая Андреевича. Сэнсэй же подошел к другой ячейке, где находился каменный ларец очень красивой резной работы. Свободно открыв его без всяких ключей и секреток, он извлек оттуда золотую вещицу. Повертел в руках и слегка протер её о свою одежду.

— О, — удовлетворенно проговорил Сэнсэй, — блеснит, как новенькая.

Все столпились вокруг Сэнсэя.

— Это и есть тамга? — спросил Сергей.

— Она самая!

Мы с интересом стали разглядывать этот предмет. Он представлял собой золотую пластину, в виде бутона цветка лотоса, состоящего из трех лепестков. Внутри его располагалась усеченная пирамида с глазом посередине. Над пирамидой в центральном лепестке возвышался объемный треугольник, словно срезанная верхушка пирамиды. Внутри треугольника находились три выдавленных круга. На лепестках и основании цветка лотоса были нанесены параллельные изогнутые линии. В зрачок глаза пирамиды вставлен камешек, по виду напоминающий бриллиант. От такой красоты у нас невольно вырвались возгласы восхищения.

— Великолепная работа! — в восторге произнес Николай Андреевич.

— Да все это ерунда, — проговорил Сэнсэй. — Все это золото, это так, обрамление, которое постоянно обновляется.

— А рисунок? — поинтересовался Сергей.

— Он всего лишь означает принадлежность к Шамбале. А вот этот камешек в глазе, это да... Это самое главное.

Словно в подтверждение этих слов камешек завораживающе сверкнул, когда Сэнсэй чуть повернул тамгу в руках.

— Бриллиант? — спросил Сергей.

— Нет. Просто огранка мастерски выполнена, как у бриллианта. Хотя на самом деле это не бриллиант. Это искусственный камень внеземного происхождения. По структуре нечто среднее между стеклом и кристаллом. В мире не существует такого бриллианта, который стоил бы этого камня, — серьезно проговорил Сэнсэй, и немного помолчав, добавил: — Он обладает удивительными свойствами, для тех, кто имеет достаточно личной силы и знаний, чтобы им пользоваться. А для остальных людей, этот камень не представляет никакой ценности... так, всего лишь стекляшка.

Он вытащил из кармана коробку, достал оттуда мягкую тряпочку и бережно, с любовью стал протирать тамгу.

— Данный кристалл — особый камень. Он способен хранить энергию вечно, и не только хранить, но и приумножать заключенную в нем мощь. Этот кристалл очень древний. Мало того, что он имеет внеземное происхождение, так еще с ним медитировало не одно поколение Прави. Он оказывает неоценимую помощь, особенно для тех, кто работает над серьезными медитациями. Кристалл изменяет частотные характеристики поля человека, который с ним соприкасается во время медитации. Он усиливает действие энергий. В результате, при постоянной работе с ним, владелец доходит до духовного уровня тех, кто ранее владел кристаллом и ушел в Нирвану. В этом кристалле заключена сила многих поколений Прави.

— Интересная вещица, — проговорил Сергей. — Не удивлюсь, если этот камешек окажется единственным на планете Земля, так сказать «последним из Могикан», прибывший с далеких разумных миров.

— Отнюдь не единственным, — возразил Сэнсэй. — Всего на Земле имеется семь таких камней. Пять камней находится в тамге Владыки Шамбалы, один — в тамге Нави и один, здесь, в тамге Прави.

— В тамге Нави? — удивился Николай Андреевич и осторожно спросил. — У сопредельной

стороны?

– Да, – ответил Сэнсэй. – Это необходимо для уравнивания монады. Правда, на той тамге другие знаки. Но камешек практически такого же размера, как и в тамге Прави.

– Нормально! – шокировано проговорил Николай Андреевич.

– Значит, в настоящем противостоянии выигрывает не сила камней, а сила духа соперников, – сделал свои выводы Сергей.

– Совершенно верно. Все дело в накопленной личной силе обладателей этих камней.

– А Нави – это кто? Кандуки?

– Нет, конечно, – сказал Сэнсэй. – В иерархии темных сил Кандуки стоят на нижней ступени. А вот Нави – это уже конкретная проблема.

– Так, получается, Этимоны и Гелиары борются не только с Кандуками?

– Да. Это можно сказать универсальные Воины Света.

Некоторое время мы молчали, наблюдая как Сэнсэй, о чем-то задумавшись, тщательно протирал тамгу.

– А как выглядит тамга Владыки Шамбалы? – наконец, решила спросить я, нарушив это молчание.

– Тамга Владыки? – переспросил Сэнсэй и стал объяснять: – Ну, в принципе тамга Прави по некоторым деталям схожа с ней. В тамге Владыки такой же цветок лотоса с пирамидой и глазом внутри. Только в оправу глаза вставлен камень гораздо больших размеров, чем у Прави и Нави вместе взятых. Это символ «всевидящего Ока», обозначающее Шамбалу. Над пирамидой же, в центральном лепестке расположен малый глаз, в который вставлен еще более интересный камешек. По своей плотности он намного превышает алмаз. Его малые размеры относительно больших камней отнюдь не преуменьшают его значимости. Он словно семя По. И сила, заключённая в нем неиссякаемая. Этот камешек символизирует абсолютную власть Бога, в том числе и над «всевидящим Оком»... В тамге Владыки Шамбалы цветок лотоса прикреплен к золотой круглой монаде, на которой имеется три больших камня, расположенных треугольником. Они символизируют в расшифровке созвездие Орион, откуда был доставлен маленький камешек, и не только... Эти камни указывают на божественную тройственность, силу и власть над жизнью и смертью. Этот знак в миру ещё называют знаком Грааля... Практически в комплексе изображений эта монада и цветок лотоса символизирует все мировые религий, как обозначение того, что все духовное в людском мире выходит из Шамбалы... Да, еще по бокам от монады, так сказать в качестве украшения, которые были сделаны при последнем обновлении тамги, находятся скульптурные изображения на египетскую тему.

– Увесистая получается тамга у Владыки Шамбалы, – проговорил Сергей и с наигранным сарказмом добавил: – И вся ж из чистого золота.

– Еще бы, это ведь не просто так, а самого Владыки, – в таком же тоне с улыбкой ответил Сэнсэй, а потом добродушно пояснил. – А вообще золото в данном случае использовалось как удобный материал, который не подвергается эрозии как, например, железо, и окислению, как серебро. Так что золото — это всего лишь подходящий материал. А вот знаки... – И со смешком промолвил. – Только в наше время на знаковое значение тамги вряд ли кто обратит внимание. В лучшем случае, увидев ее, подумают, что какой-то новый русский выпендривается.

– А где хранится тамга Владыки? – поинтересовался Николай Андреевич.

– Сейчас она хранится в такой же капсуле, при храме Лотоса, – и, очевидно, предвидя последующий вопрос от Сергея, открывшего было рот, добавил, – который находится в районе третьего глаза головы Осириса.

Сергей почесал затылок и со смешком сказал:

– Или этот мужик, Осирис, такой головастый, или же это ты опять надо мною издеваешься.

– И умяляющее глянув на Сэнсэя, проговорил: – Сэнсэй, честное слово, у меня сейчас мозги не работают, чтобы твои ребусы разгадывать. Давай лучше сам, добровольно рассказывай.

– Отнюдь, я над тобой вовсе не издеваюсь. Храм Лотоса действительно находится в голове Осириса, – возразил Сэнсэй.

– Ну, надеюсь, это в переносном смысле? Или всё-таки в прямом?

– Почти в прямом, — улыбнулся Сэнсэй, — точнее сказать в рельефно-географическом. – Мы вопросительно уставились на Сэнсэя. А тот, выдержав небольшую паузу, сказал: – Сейчас на том месте столица Древней Руси, град Киев.

– Киев?! – изумился Николай Андреевич.

– А где же располагается третий глаз? – спросил Сергей.

– Этот участок находится как раз там, где Андрей Первозванный по просьбе Иисуса возложил семена лотоса. Ныне там расположена Киево-Печерская Лавра, – уточнил Сэнсэй.

– Надо же, сколько раз бывал в Киеве и даже не знал об этом, – удивился сам себе Николай Андреевич.

– Кто бы мог подумать, что Киев является головой Осириса? – размышлял Сергей о своем. – Этот город у меня больше ассоциируется с событиями Чернобыльской катастрофы...

– Да, из-за этого Чернобыля, чуть все карты не перепутались, – задумчиво проговорил Сэнсэй.

– Какие карты? – не понял Сергей.

– Ну, какие? Предсказания о голове Осириса... Дело в том, что после взрыва реактор стал быстро разгораться. Естественно, никакие пожарные его бы не потушили. Ситуация стала настолько критическая, что Шамбала вынуждена была вмешаться. И этот процесс, к сожалению, зафиксировали специалисты, ибо в нарушение законам физики ядерная реакция вместо того, чтобы нарастать, начала интенсивно сворачиваться... – И немного помолчав, очевидно, размышляя о чем-то своем, Сэнсэй добавил: – Но, с другой стороны, если бы не Шамбала... и Киева б уже не было... И предсказания не сбылись.

– А что за предсказания? – спросил Николай Андреевич.

– Да длинная история, потом расскажу.

Сэнсэй закончил протирать тамгу Прави и, полюбовавшись проделанной работой, промолвил, обращаясь к Николаю Андреевичу.

– Кстати говоря, о легендах... Ты слышал миф за волшебное око Гора?

– Да, – утвердительно ответил тот.

– А что это за миф? – живо заинтересовался Сергей.

Николай Андреевич поспешно пояснил.

– Это древнеегипетский миф. Сын Осириса Гор боролся со злым богом пустыни Сетом. В начале Гор потерпел поражение, и Сет вырвал у него Глаз в битве. А потом Гор все же победил Сета, и отобрал у него свое волшебное Око.

– Верно, – сказал Сэнсэй. – А знаешь, что это было за «волшебное Око»?

Николай Андреевич растерянно пожал плечами. Сэнсэй кивнул на тамгу Прави.

– Вот это Око! И борьба шла за обладание силой этого камня.

– Значит... это был не миф... Это правда! – шокировано произнес Николай Андреевич. – Вот это да! Получается, это была борьба Прави и Нави?!

– Совершенно верно. Но об этом позже, – улыбнувшись, проговорил Сэнсэй.

Он аккуратно завернул тамгу Прави в тряпицу, и, уложив в коробочку, сунул ее в карман. Мы же стояли в состоянии полного изумления и наблюдали за его действиями.

— Ну что, пошли назад? — неожиданно предложил Сэнсэй, возвращая нас к реальности.

Мы даже немного растерялись, поскольку уходить отсюда так поспешно явно никому не

хотелось. Так долго добирались и на тебе, на самом интересном месте — «пошли назад».

— А-а... — протянул Сергей.

— Как, уже? — удивился Николай Андреевич.

— Что, всё? — почти одновременно с ним разочарованно спросила я.

— А чего вам, мало? — усмехнулся Сэнсэй, глядя на нашу реакцию. — Идемте. Нам еще назад сколько идти. Пока до ребят доберемся... Да и вообще, — он улыбнулся, — налазился я уже тут с вами по этим горам...

Возражать особо никто не стал, да и бесполезное это занятие. Действительно, надо признать, что путь назад тоже предстоял долгий и трудный. Однако я заметила, что когда Сэнсэй шел сюда, он ни разу не пожаловался, что устал или чем-то недоволен. Наоборот, шел так быстро, что мы еле поспевали за ним. А тут откуда что взялось... И все же выходила я из этой каменной кельи с тайной надеждой побывать хотя бы в храме. Когда еще такой случай представится? Видимо, подобные мысли были не только у меня одной. Когда мы передвигались по коридорчику, связывающему комнату с большим залом, Сергей начал расспрашивать Сэнсэя о храме.

— А что это за храм?

— Один из храмов Лотоса.

— А что там внутри?

— Да ничего особенного, Стиратель тени.

— А можно туда зайти?

— Да что там интересного? Храм как храм, — отшучивался Сэнсэй.

В это время мы вышли к завораживающему своей редкостной красотой и мягким светом древнему сооружению. Окунувшись в океан света, все невольно остановились, с замиранием сердца созерцая это диво. Особенно притягивал взгляд вход в храм. Так и хотелось подняться по его белокаменным ступеням и проникнуть в сокровенную тайну этого необыкновенного цветка. Мы посмотрели на Сэнсэя с немой мольбой в глазах. Он же опустил голову, немного подумал, а потом серьезно произнес:

— Ладно. Кто первый?

— А что, надо по очереди? — удивился Николай Андреевич.

— Да.

— А что там?

— Увидишь.

— Тогда первым пойду я, — вызвался Сергей.

Он благодарно взглянул на Сэнсэя и, не спеша, пошел к входу, словно наслаждаясь самим моментом приближения к этому великолепному таинственному творению неведомой цивилизации. По мере приближения к свету его фигура становилась все более темной и нечеткой, охватываемая со всех сторон светом. Он поднялся по ступенькам. И... дивный цветок принял его в свои солнечные объятия. Около минуты мы стояли молча, всматриваясь в таинственный проход храма. Но он по-прежнему сиял своим изумительным светом, не давая даже звуком малейшего намека на присутствие там живого существа.

— Следующий, — спокойно сказал Сэнсэй и посмотрел на меня.

Честно говоря, в этот момент я испытала легкий страх. И все же доверия к Сэнсэю во мне было гораздо больше, чем собственного испуга перед неизвестностью, таящейся за входом в храм. Я пошла ко входу в некотором волнении и ожидании того, что же мне придется там увидеть. Излучавшийся свет был мягким и ласковым, и это меня несколько успокаивало. Я смело вошла внутрь. Проход сворачивал направо, потом налево, приглашая пройти по своему извилистому лабиринту, заполненному светом. Странно, чем дальше я заходила, тем больше

испытывала какой-то необъяснимый нарастающий внутренний холод. Хотя воздух, который я вдыхала, был теплый. Руки стали замерзать, словно на морозе.

Из небольшого лабиринта я вышла в круглую комнату, видимо, расположенную в самом центре цветка. Мне показалось, что ее середина светилась ярче всего, словно столб солнечного света. И мне так захотелось окунуться в этот струящийся свет, поскольку подумала, что именно в нем я наконец-то согреюсь. Не раздумывая, я шагнула в середину и... Вместо предполагаемого тепла мною овладел такой леденящий холод, что невольно сжались кулаки. Сильная дрожь охватила все мое тело, точно в него вонзили тысячу электрических иголок. Голова стала кружиться. Пол стремительно уходил из-под ног.

Со зрением стало происходить что-то неестественное. Яркий свет чередовался с какими-то темными пятнами, а скорость их движения стремительно нарастала. В конце концов, вокруг все исчезло. Сделалось совсем темно. Потом в темноте стали вспыхивать яркие точки. Они расширялись, становились цветными, соединялись друг с другом, превращаясь в объемные живые картины. Попытка открыть и закрыть глаза ни к чему не привела, картины, как были, так и остались. Более того, я совершенно потеряла ощущение тела. Вместе с этим исчезли и чувства, и мысли, как будто я стала совершенно независимой и свободной от земного мира. И хотя картины были более чем устрашающие, воспринимала я их почему-то спокойно. Вместо тревоги присутствовала необыкновенная ясность, глубинная суть понимания происходящего вокруг.

События сменялись одни за другими, проявляясь то фрагментарно, то в глобальном масштабе. Крушение огромного моста, смерть всемирно известного религиозного деятеля, разрушительные землетрясения, наводнения, смерчи, цунами, стирающие волнами населенные пункты. Неожиданно проснувшиеся вулканы, уничтожающие выбросом своего пепла и лавы все живое, встретившееся на их пути. Таяние ледяных шапок полюсов, столкновение огромных айсбергов. Стремительный подъем уровня океана, вод рек. Целые прибрежные мегаполисы уходили за считанные часы под воду. Некоторые прибрежные государства вообще исчезали с лица Земли за достаточно короткий промежуток времени. И все эти катаклизмы происходили, словно приливной волной — внезапно нахлынули, потом затихали, затем снова накатывались, только еще с большей силой, большими разрушениями и снова временно затухали.

На Солнце происходили невероятно сильные вспышки. Острова и континенты сдвигались со своих мест, сближаясь довольно быстро в единую сушу. Теплые течения океанов поменяли свои русла. Времена года перепутались. Резкое потепление сменилось резким похолоданием. Неурожай, голод, разруха... Какое-то сплошное царство паники и хаоса. Ужас глобальных катаклизмов объят всю планету. **Единственные участки суши, которые меньше всего пострадали от природных стихий, были некоторые районы Евразии, словно последний духовный оплот и приют гибнущей цивилизации...**

Картины стали исчезать так же стремительно, как они появлялись, разъединяясь на отдельные фрагменты, сужаясь до точки. Все вновь потемнело. Внезапно вернулось ощущение собственного тела в виде своеобразного давления. Вспыхнувший яркий свет вновь возвратил и чувства, и мысли. Как ни странно, но я по-прежнему устойчиво стояла на том же месте. Правда, мои ногти до боли впились в ладони. Осознав это все и вспомнив об увиденных картинах бедствий, меня охватил жуткий страх. Не понимаю, почему, но я была твердо уверена, что *увиденное случится в ближайшие годы*. Тягостная безысходность, граничащая с апатичностью, охватила меня, когда я по инерции вышла из столба света и направилась в следующий лабиринт. Пугающие сцены катастроф одна за другой прокручивались в памяти, усиливая в моих мыслях страх и отчаяние перед грядущим.

Поглощенная этим гнетущим состоянием, я не заметила, как очутилась на выходе из храма. Под аркой, в которую мы не так давно входили, задумчиво стоял Сергей, ожидавший остальных.

Я молча присоединилась к нему. Весь увиденный кошмар снова и снова прокручивался в голове. Охваченная страхом неизбежной гибели, я смотрела со щемящей душу тоской на это великолепное сооружение неведомой цивилизации, на безупречность его линий, его неповторимое сияние и белоснежную чистоту. И меня неожиданно осенило, насколько разителен контраст между вечно духовными ценностями и тем, что временно, негативно, порочно. Сколько цивилизаций, сколько природных катаклизмов пережило это сооружение? И дело даже не в нем, а в тех, кто его создавал. Это какую надо иметь базу знаний, чтобы обезопасить этот храм на многие тысячелетия вперед от каких-либо разрушительных воздействий?

В этот момент моих размышлений на выходе из храма показалась фигура Николая Андреевича. Удивительно, но она была не просто окружена светом. Создавалось такое впечатление, словно его тело охвачено плотным кольцом радуги, от которой отскакивали снопы искорок. Особенно их много было вокруг головы. Мне почему-то это напомнило эффект Кирлиана. Но только стоило Николаю Андреевичу выйти из храма, это свечение вмиг пропало. Заинтересованная таким необычным явлением, я немного отвлеклась от своих мыслей и стала более внимательно следить за «входом-выходом» из храма. Через минуту после того, как к нам присоединился Николай Андреевич, в проеме появился Валера. Его свечение было гораздо объемнее и насыщеннее. Оно настолько красиво переливалось, что даже Николай Андреевич не удержался от тихого комментария:

— Ого! Да, парень явно за эти месяцы постиг гораздо больше, чем мы за столько лет рядом с Сэнсэм.

Но когда выходил Сэнсэй, все присутствующие невольно затаили дыхание. Мы даже не сразу поняли, что это — Сэнсэй. Это был Некто с огромной, ослепительно сияющей аурой. На нем была белая туника. Белокурые волосы обрамляли очень красивые, правильные черты лица. Но, пожалуй, самыми необыкновенными были его глаза, его неповторимый до боли знакомый взгляд. И тут меня неожиданно осенило, где я видела этот взгляд. Когда-то давно мы с нашей компанией отдыхали на море. Мне приснился тогда довольно странный сон о Красном Всаднике, спускавшемся с вершин гор. Его потрясающий взгляд, взгляд Ригден Джаппо, до мельчайших деталей всплыл сейчас перед глазами.

Внутренний трепет охватил все мое существо. Внезапно «Цветок лотоса» сам по себе проявил свое невидимое, но вполне ощутимое «колыхание лепестков» в солнечном сплетении. Чувство восхищения перемешалось с чувством умиротворенности от столь потрясающего реального видения истинного Лица. Внутри мне стало так спокойно и хорошо, словно кто-то саму душу укутал в пелену белоснежных нежнейших лепестков.

Это необычное видение длилось всего несколько секунд. Но каких секунд! Секунд из цикла неизвестной Вечности. Секунд, оставляющих свой неизгладимый след в самом священном уголке души. Секунд, память о которых даже через многие годы с волнующим трепетом в точности воспроизводит свои восхитительные кадры, заставляя вновь и вновь пережить эту невероятную гамму возвышенных чувств, неподдающихся словесному описанию. Над этим мигот время действительно было не властно.

Как только это великолепное Существо стало под арку выхода из храма, свет словно дрогнул, ослепив глаза на какое-то мгновение. Но когда зрение пришло в норму, мы увидели, что к нам шел Сэнсэй с привычными для нас чертами лица, в явно приподнятом воодушевленном настроении, в обычной своей походной одежде, с рюкзаком за плечами. Пораженные таким резким преобразованием, мы в немом удивлении созерцали его приближение. Он же, с добродушной улыбкой подойдя к нам, оглянулся на храм, а потом сказал:

— Ну что, довольны ваши душеньки?

— Еще бы! — ответил за всех Сергей.

— Тогда в путь, друзья.

И первым вошел под арку скалы, переходящую в туннель. А мы, бросив прощальный взгляд на великолепный храм Лотоса, не договариваясь между собой, одновременно преклонили перед ним головы. Видимо, такое искреннее желание зародилось у каждого из нас в душе, и, очевидно, оно было настолько сильным, что никто из нас не постеснялся это сделать в присутствии остальных. Сэнсэй остановился, и, глядя на нас, со смехом произнес:

— Пошли уже, фанатики!

Обратный путь со сложными переходами я почти не замечала, автоматически преодолевая препятствия. Моим настоящим лабиринтом, который я в реальности проходила, стали мысли, вернее, тот фейерверк из двух различных состояний, который был порожден в стенах таинственной пещеры с древним храмом. Картины катастроф и природных катаклизмов переплетались со спокойным взглядом Ригдена. И этот взгляд давал какой-то поразительный эффект: он успокаивал, ласкал душу своей необыкновенно проникновенной добротой. Под его натиском животный страх испарился вовсе, словно его никогда и не было. Теперь картины стихий уже спокойно прокручивались в голове, давая мне возможность анализировать увиденное.

Как же хрупка наша человеческая цивилизация, так гордящаяся своими высокими технологиями! Один вздох Земли, и вместо городов — руины, вместо полезной техники — груда ненужного металлолома, вместо мирного общества — кланы, воюющие за кусок хлеба и земли. Как безнадежно и призрачно все то материальное, на накопление которого люди тратят всю свою жизнь. Сколько нервов, душевных сил растрачивается впустую! А сколько черного негатива выбрасывается человеком в окружающее пространство, заставляя страдать от этого не только людей, но и природу, и все живое в ней. Разве после всего подобного злодеяния может быть удивительным то, что Земному терпению приходит конец?..

За раздумьями я не заметила, как пролетело время, и мы вышли к знакомой пещере. Кстати, на сей раз, все прошли кольцевой проход достаточно обыденно, без всяких психологических фокусов. Оставшиеся ребята мирно спали, расположившись в «зрительской» лоджии кто где. Мы тихонько поднялись к ним, чтобы их не разбудить, и с усталостью уселись на каменные скамьи.

— Ну, ещё часок на отдых и надо продвигаться назад, — сказал Сэнсэй, устраиваясь поудобнее.

Он улёгся на скамейку, положив рюкзак под голову. Мы тоже последовали его примеру.

* * *

— Это кто так храпит? — услышала я сквозь сон голос Сэнсэя.

— Неужели Вано?! — со смехом проговорил Сергей.

— Он самый, инквизитор! — подключился сонный голос Женьки. — Достал уже своим храпом! Мне эта «заезжая пластинка» уже начинает действовать на нервы.

В помещении действительно стоял громкий храп, точно спящему человеку поднесли микрофон к самым губам. Я открыла глаза. Состояние было такое, словно тебя разбудили после глубокого сна и ты ещё плохо соображаешь, где ты находишься, и что вообще от тебя хотят. Точно реальность граничила с нереальностью происходящего, и ты ещё не совсем понимаешь, в какой половинке ты ныне существуешь. Голова была что называется «тяжёлая». Я протёрла глаза

и огляделась. Большинство ребят ещё спали. Сэнсэй с Сергеем и Женей стояли внизу.

Пока мужчины посмеивались над храпом Ваню, я несколько сориентировалась в обстановке, припомнив прошедшие события. В памяти всплыл впечатляющий храм Лотоса, и мои воспоминания оживились. Но с другой стороны, очевидно, потому что я ещё не совсем проснулась, во мне закрались сомнения: «А было ли это на самом деле?»

Сэнсэй, Сергей и Женя, перекидываясь шутками, направились к «звуковому» балкончику, откуда видимо, и раздавался столь мощный храп Ваню. Я решила последовать за ними, чтобы окончательно развеяться ото сна. Но, догоняя мужчин, на меня опять нахлынула волна сомнений относительно реальности недавно происшедших событий.

Я остановилась и посветила фонариком на уступ скалы, находившийся в конце левой каменной стенки. По идее за ним был тот самый кольцеобразный проход, с которого и начиналось наше захватывающее путешествие к тайне этих гор. Дабы развеять все свои сомнения я направилась к уступу и зашла за угол. Кольцеобразный проход в глубине тоннеля по-прежнему находился на своём месте, ожидая новых смельчаков-посетителей. Я осветила его фонарём. И вновь меня удивила идеальная гладкость желобка, мастерски «впечатанного» в скальную породу. Тут из зала послышался дружный смех мужчин. И я поспешила покинуть это место, дабы присоединиться к ним. Вроде все сомнения развеялись, но всё равно оставалось какое-то странное ощущение, что что-то было не так как раньше. Но что именно, не могла понять.

Отец Иоанн, видимо удобно расположившись на «звуковом балкончике», сладко спал. Великолепная акустика этого зала передавала все фуги, которые выводил батюшка своим залихватским храпом. Мы собрались крикнуть ему, чтобы разбудить. Но Женя всех нас остановил, выдвигая свою кандидатуру для столь специфического дела. Он решил добраться до балкончика и самолично разобраться с Ваню.

— Сейчас я ему устрою ужас Судного дня! — с победоносной улыбкой проговорил парень. — Сейчас он на себе прочувствует все часы моего кошмара...

Женя потер в предвкушении руки, затем слегка размял свои конечности и с энтузиазмом стал ловко карабкаться по отвесной скале на балкончик. Мы с интересом следили за развитием событий снизу. Парень с кошачьей грацией бесшумно взобрался на «перила» балкона. Осталось сделать лишь последнее движение, чтобы достать отца Иоанна. Женя, очевидно, приготовился к прыжку, как пантера на дичь. И только он начал воплощать свою задумку «кошмара», как навстречу его движению резко вылетела рука Ваню, вцепившись мертвой хваткой в горло.

— Ой, ё-ё-ё! — прокатилось по залу, и на балконе послышался грохот массивного тела.

— А, это ты, чадо! — прозвучал удивленный голос батюшки одновременно с его сладким зевком. По балкону замелькал луч света от фонаря. — Тебе чаво? О, а что это у тебя с лицом, глазки на лоб вылезли...

Женя прокашлялся, а потом хрипло произнес:

— Чаво, чаво, я ему хорошую весть принес, что назад идти пора, а он...

Сэнсэй с Сергеем грохнули со смеху от столь явного преобразования «истинных намерений» Женю. Заспанное лицо Ваню выглянуло с балкончика.

— О, что уже назад? — проговорил он, увидев Сэнсэя. — Так быстро? А я вот только прилег, только глаза закрыл, а тут вы...

— Угу, глаза он закрыл, — проворчал Женя, поднимаясь на ноги, но потом, потеряв шею, сымитировал подхалимный, писклявый голос: — Продолжение вашей «непревзойденной проповеди», святой отец, мы имели удовольствие слушать достаточно длительное время...

— Да? — улыбнулся батюшка. — Ничего, сын мой, это для вас даже весьма полезное дело. Ибо только смирение отсекает пагубные страсти, только терпение телесное возвышает дух...

С этими словами багюшка стал покидать свое лежбище, спускаясь вниз. Женька последовал за ним и позволил себе немного возмутиться лишь тогда, когда обрел твердую почву под ногами. Неудачная шутка с Ваню лишь ещё больше раззадорила Женю на приколы. И когда Сэнсэй попросил его разбудить всех парней для сбора в обратную дорогу, вот тут-то он и проявил всю свою бурную фантазию. «Жертвами» Женюных шуток стали Стас и Андрей. Другие же просто проснулись от повального хохота ребят. В общем, закончилась эта история, как всегда, веселыми шутками и смехом.

Я же, несмотря на общее веселье, всё пыталась разобраться со своими странными ощущениями. И тут меня внезапно осенило, что было не так. В пещерном зале почему-то нигде не было видно тех изумительных «светильников», похожих на горный хрусталь, кои мы с таким усердием освобождали от пыли. Я быстро отыскала те самые ступеньки, между которыми должен, по идее, находиться «светильник», что я ещё недавно самолично очищала от пыли и грязи. Но вместо сверкающего в своей ослепительной частоте гладко отполированного кристалла, я обнаружила на том месте лишь ровное, круглое углубление, чуть утопленное одним концом в каменную породу под определённым углом. Причём оно ничем не отличалось по цвету от окружающей серости. Вновь потоком нахлынули сомнения относительно реальности произошедших событий, и волна разочарования накрыла меня, как говорится с головой.

Я механически потёрла рукой по круглому углублению. В свете фонаря на поверхности «камня» проявился тусклый блик. Окрылённая надеждой, я достала платочек и тщательнее протёрла небольшой участок от пыли. Так и есть под слоем многовековой пыли и грязи скрывался знакомый мне гладко отполированный кристалл. «Как такое могло случиться, что все очищенные нами кристаллы разом покрылись тем же самым налётом пыли и грязи? А может, мы их не очищали вовсе? Может, это был всего лишь сон? Ну как же сон, если я отчётливо помню, что протирала этот кристалл...» Ничего не понимая, моя особа направилась к своим вещам, убеждая себя, несмотря на все «доводы», что скорее всего это всё приснилось. Но тут, проходя мимо собирающихся парней, я случайно услышала, как Ваню тихо спросил у Сергея:

— Ну, как, взяли тамгу?

— Порядок в танковых войсках, — кивнул тот.

«Тамга! Точно! Но раз «взяли тамгу», значит, в рюкзаке у меня должен лежать пергамент Агапита!» — осенило меня. Я побежала к своему рюкзаку и торопливо стала развязывать верёвки. Наконец, открыв его, я с поспешностью запустила туда руку. И практически сразу нащупала цилиндр. Меня охватил волнительный трепет. Но только я хотела вытащить цилиндр из рюкзака, как незаметно подошедший Сэнсэй, положил свою руку на мою, остановив её движение, и одновременно настойчиво промолвил:

— Я же сказал, потом посмотришь.

Его слова и внезапное появление на столь волнующем моменте заставили меня вздрогнуть. С поспешностью нашкодившего ребёнка, которого застали врасплох, я отдернула руку от цилиндра и демонстративно затянула верёвки рюкзака в тугий узел. Мои сомнения насчёт похода к храму вновь рассеялись, не оставив и следа от бывшего присутствия.

Уже позже я подумала: «Надо же, оказывается, это путешествие в Крым было не случайным, как нам умудрился внушить Николай Андреевич». Да и чему удивляться? За время знакомства с Сэнсэем я заметила, что рядом с ним вообще не происходило ничего случайного. Более того, «случайности» его действий и образа жизни незаметно порождали в судьбах столкнувшихся с ним людей целую последующую цепочку событий.

Собравшись, мы двинулись в обратном направлении. Идти назад всегда немного тяжелее, чем вперед в заманчивую неизвестность, по крайней мере, мне так казалось. Усталость многочасового перехода брала свое, мы все чаще останавливались для передышки. Подземелье

уже воспринималось вполне привычной средой, и как все привычное мало обращало на себя внимание. Это давало возможность сосредоточиться на прерванном размышлении о событиях в таинственном Храме, которые потрясли меня до глубины души. Неоднократное прокручивание в голове тех незабываемых кадров, пика волны возвышенных чувств погружали в какое-то необыкновенное состояние внутренней легкости, открытости. Вспоминание истинного облика Сэнсэя, его незабываемый взгляд, проникающий в глубину души человеческой, породило во мне внутренний трепет, переросший почти в какой-то религиозный мандраж. Я всматривалась в фигуру впереди идущего Сэнсэя, и мои возвышенные мысли сами собой возводили его в ранг великого Существа, пришедшего в наш падший мир ради нашего спасения.

Внезапно Сэнсэй поранил руку, зацепившись об острый камень. Все засуетились, предлагая ему помощь. Но он лишь небрежно отмахнулся, мол, царапина, тут до выхода осталось недалеко, вылезем, забинтуем. Несмотря на этот случай, мой религиозный мандраж не прошел, а даже наоборот, усилился. В памяти стали всплывать сцены страданий Великих людей. В это время мы уже входили в карстовую пещеру с «пальмами». Дорога была более чем знакома, до выхода оставалось совсем немного. Сэнсэй приотстал. И пока ребята продвигались дальше, он подошел ко мне. Сердце у меня бешено заколотилось, взволнованное очередным взлетом возвышенных мыслей о Существе из иного мира, которое спасет гибнущее человечество. Сэнсэй же, осуждающе покачав головой, сказал следующее:

— Я обыкновенный человек... Видишь у меня идет кровь, мне тоже больно... **Каждый сам должен позаботиться о своем спасении, а не ждать, что кто-то придет и все за него сделает. Божественное надо искать не во внешнем, а в своем внутреннем. И не просто искать, а стремиться слиться с Ним и стать добрым Творцом своей жизни. Бог внутри каждого человека. И только через свой внутренний мир мы можем постичь Его и дойти к Нему.**

Этими словами Сэнсэй несколько остудил мой пыл, заставляя реальней взглянуть на мир. И действительно, все в человеке, и никто за него не решит насущные проблемы. Только нам хочется, чтобы было, как в сказке, чтобы кто-то пришел и все за нас сделал... А самим лень преобразовать себя «из ползающего червя в прекрасную бабочку». Хотя для этого нам даны все инструменты, только твори... Вся сложность в простоте...

Едва эти мысли исчезли, сознание тотчас захлестнула новая волна размышлений об увиденных картинах массового горя, которые все не давали мне покоя. Именно этими волнующими мыслями я стала впопыхах делиться с шедшим рядом Сэнсэем, даже не позаботившись о том, чтобы пересказать пережитые мною в храме видения.

— Но ведь люди... Они же не знают, их надо предупредить об опасности. Там же было столько горя. Я хочу помочь им... хочу донести до них... Я уверена, они поймут, они станут лучше, они смогут спастись...

— О, наивное дитя, — тихо вздохнул Сэнсэй, отводя взгляд в сторону. — Ты не представляешь себе, сколько до тебя пытались это сделать. Так это были великие Мастера, владеющие тайной человеческой мысли. И то из их хлопотов мало что путного вышло. Люди остаются людьми. И, к сожалению, по прошествии тысячелетий они не изменились.

— Ну, почему же Мастера зря старались?! — возразила я. — Ведь хоть чуть-чуть, но что-то путное вышло. Уже радуется! Я понимаю, конечно, я не Мастер и еще даже не Человек, над собой работать и работать... Но мне очень хочется помочь людям, донести до них то, что узнала я... Ведь для кого-то это окажется той единственной, спасительной соломинкой, благодаря которой он сможет узреть суть. В любом случае это Шанс!

Сэнсэй по-доброму улыбнулся, очевидно, из-за моей искренности, и сказал:

— Ну, что я тебе могу сказать по этому поводу? **Благие мысли при сильном желании — предвестники благих деяний. Благие деяния — суть созревающих душ. Смелость**

порождает Силу духа. Сила духа сплачивает в Единство. Единство удесятеряет Силу, Единый Дух изменяет цикл. Общий результат зависит от усилий каждого. Усилия каждого от изменения внутренней частоты. Частота есть скачок мгновения, выводящий за пределы По.

Сэнсэй замолчал. И хоть он произнес вроде бы простые слова, у меня в голове возник, как говорится «полный ступор». Тогда эти предложения просто врезались в мою память своей необычностью и не совсем понятным для меня смыслом. Но впоследствии сама жизнь стала для меня ключом чуть ли не к каждому произнесенному тогда слову Сэнсэя.

* * *

Когда мы проползали лаз — последнее препятствие горы, отделявшее нас от выхода — он уже не казался таким пугающим, как в первый раз. Наоборот, последние метры преодолевали с особым энтузиазмом, желая поскорее вырваться наружу. Руководствуясь своими субъективными ощущениями, я почему-то подумала, что мы пробыли под землей двенадцать часов, и ожидала увидеть сумерки. Но когда мы вылезли, к моему удивлению, светило солнце. Выходит, мы пробыли там около суток. И, надо отметить, я испытала большое удовольствие, вновь очутившись в родной стихии необъятных просторов. Вот уж действительно стоит побывать в пещере хотя бы ради того, чтобы понять ценность дневного света после долгой темноты, когда перед тобой раскрывается целая гамма разнообразных красок природы, чтобы почувствовать этот свежий, бодрящий воздух, малейшее дуновение ветерка, чтобы ощутить телом пространство и охватить взглядом его дали и наконец-то расслабиться от накопившегося подземного напряжения во время нескончаемой ходьбы по подземным темным лабиринтам.

Татьяна и Костик по-хозяйски разбили палатки недалеко от входа, дожидаясь нашего возвращения. Они радостно встретили изнуренный отряд, расспрашивая о подземном путешествии. Но у народа хватило сил, разве что поведать в общих чертах, и то далеко не всё из того что было.

Поскольку все изрядно устали, то решили этот день посвятить капитальному отдыху, и лишь на следующий день отправиться к селению, где мы оставили машины. Тоже ведь путь предстоял неблизкий. Пообедав, мы разошлись по палаткам. Я так мечтала выспаться, но когда уже забралась в спальный мешок, моего блаженства от соприкосновения с «подушкой» хватило минут на двадцать. А потом сон как рукой сняло. Татьяна уже всю сопела под боком, а я все ворочалась и никак не могла заснуть. Мысли всё время прокручивали самые волнующие кадры нашего похода. Но в то же время и сомнения не дремали. Они словно рой надоедливой гнусы кружили вокруг воспоминаний загадочных событий этого путешествия и пытались «укусить» при каждом удобном случае своими вопросами. «Почему на светильнике лежал толстый слой пыли, словно его тысячелетиями никто не касался? Хотя я точно помню, что протирала. Почему в храме Лотоса не было тени? Ведь даже когда я свела обе ладони, между ними вместо тени стоял мягкий свет. Почему мы не покинули помещения, когда открывался щит капсулы, а спасались от какого-то неизвестного газа в нише за постаментом черепа единорога. Единорога?! Может это бред моего мозга? Устала, уснула, мало ли что присниться? А цилиндр?! А цилиндр, возможно, Сэнсэй отдал мне, когда я была в полудрёме и моя особа автоматически положила данную вещь к себе в рюкзак, сразу не придав этому значения. Очевидно, из-за этого и сон такой странный получился. Но если это был сон, то откуда такая исчерпывающая информация за то,

что узнала в данном «сновидении» от Сэнсэя?! Ведь я до этого точно нигде ничего подобного не слышала и не видела! Хотя, как говорил Сэнсэй, подсознание иногда выкидывает такие шутки с человеком... Хм, искусственный камень внеземного происхождения... Какая-то тамга Прави, тамга Владыки?! Воины Света... «Волшебное Око» Гора... Киев...Чернобыль... Шамбала... Голова Осириса. Ерунда какая-то, как может Киев являться головой Осириса? И тем более в этой голове находится храм Лотоса?! Да нет, это точно мой бред. В жизни такого не бывает. Это явно был сон!»

В конце концов, чтобы отвлечься от своих мыслей, я встала и решила проветриться. Возле тлеющего костра, на котором готовился обед, сидели Сергей и отец Иоанн. Причем, если Сергей выглядел уставшим, то Ваню, наоборот, бодрим и свежим.

— Не помешаю? — осведомилась я, подходя к костру.

— Присоединяйся, — с улыбкой пригласил Ваню. — Что, не спится?

— Да какой там! — махнула я рукой.

— Ну, давайте тогда почаевничаем, — предложил Сергей.

Минут через пять к нашему молчаливому чаепитию присоединился Валера, затем Николай Андреевич. Причем на тот же вопрос Ваню: «Что, не спится, доктор?», тот ответил, так же как и я: «Да какой там!» События, произошедшие в походе, явно произвели на всех неизгладимое впечатление. Вскоре из своей палатки вышел и сам Сэнсэй. Он выглядел вполне отдохнувшим, хотя после нашего обеда прошло всего около двух часов.

— О, вы уже встали? — глянув на нашу компанию, с юмором произнёс Сэнсэй.

— Мы и не ложились, — также шутливо ответил ему Ваню.

— Разве тут уснешь после всего того, что было? — заявил наш психотерапевт. — Как говорил Бертольд Брехт: «Никакой поход не дается с таким трудом, как возвращение к здравому смыслу».

Сэнсэй засмеялся и сказал:

— Ну, раз спать не хотите, тогда пошли... Еще что-то интересное покажу.

«Ещё что-то?!» — встрепенулась я. Это меня заинтриговало.

— А мне можно с вами? — осторожно поинтересовалась моя особа у Сэнсэя.

— Конечно можно, — как само собой разумеющееся промолвил Сэнсэй.

Несмотря на усталость, никто из присутствующих не стал не только возражать против этой прогулки, но даже расспрашивать, куда и зачем мы идём. Наоборот, все дружно зашевелились, вставая со своих мест, будто так и надо. Сергей предусмотрительно затушил тлеющие угли водой из чайника, дабы не случился пожар.

— А снаряжение понадобится? — спросил Николай Андреевич.

— Да нет, так пройдемся, — махнул рукой Сэнсэй.

Мы пошли сначала вдоль склона прогулочным шагом, наслаждаясь крымским горным воздухом и неповторимым пейзажем. Потом наша невидимая тропа, пролегающая сквозь строй удивительных деревьев разных видов, вывела наверх к поляне, устланной зеленой муравой. Трава, не успевшая выгореть на солнце, пучками тянулась к светилу, отвоевывая у камней каждый клочок земли. Попадался на глаза и можжевельник, отчетливо выделяющийся своей темной зеленью хвои на светлом горно-луговом ковре. Он словно низко кланялся матушке-Природе, прижимаясь к земле и распластав свои ветви в разные стороны. Чем выше мы поднимались, тем больше нам открывалась красивейшая панорама горного пейзажа, порождая захватывающее чувство свободы и мысленного полета в этом огромном воздушном пространстве.

Ваню с Сергеем рассказывали какие-то смешные истории, что делало наш путь еще приятнее. Все-таки на поверхности, может быть, из-за такого разнообразия природных красок,

ее кипящей жизни, дорога не казалась столь тяжелой и утомительной, как под землей. Мы и не заметили, как пролетело время, когда добрались до конечного пункта нашей пешей прогулки по горам.

— Здесь, — кивнул Сэнсэй, указывая вниз по склону.

Наша компания спустилась к большому каменному «памятнику». Этот многотонный красавец являлся, очевидно, очень древним сооружением. Некогда хорошо обработанные его бока обветрились, кое-где уже частично разрушились. Но что поделать, как говорится, ничто не вечно под луной. Все когда-то разрушается и всему когда-то приходит конец. Но пока долгожитель-великан устойчиво стоял на своих каменных ногах, удерживая на себе, как Атлант небо, тяжелую каменную плиту-ношу, некогда кем-то взваленную на его могучие плечи.

— Да, восхитительное творение! — сказал Николай Андреевич.

— И кто это так от безделья маялся? — в шутку проговорил отец Иоанн.

— Ну, ты даешь! — со смехом возмутился Сергей. — Это же дольмен! Это же великая архитектура древности!

— Вот это архитектура?! Да дайте мне подъемный кран, я вам таких «архитектур» сколько угодно нашгампую.

— Так в том-то и дело, что тебе «дай подъемный кран», а те, кто это возводил, обходились без него.

— И на кой им это было нужно? — пожал плечами Ваню, продолжая видимо, специально подкалывать Серегу.

— На кой? — передразнил тот, но, подумав, с юмором ответил: — Вот и археологи гадают: «Ну, на кой было это соорудить?»

Компания рассмеялась. Пока Сергей и Ваню шутили, мы с Николаем Андреевичем и Валерой обошли дольмен.

— Да, — тихо говорил доктор, прикасаясь к каменным глыбам, — несомненно, доисторические строители обладали какой-то универсальной силой или техникой.

— Интересно, кто же их обрабатывал и устанавливал? — спросила я.

— Загадка. Обработку некоторых древних дольменов датируют каменным веком. А в то время как утверждает наша официальная история, жили лишь охотники да собиратели. Хотя... — Николай Андреевич улыбнулся, — говорят, никто не изменяет так историю, как историки. Но парадокс дольменов и других мегалитических сооружений в том, что чем древнее комплекс, тем он больше и мощнее. То есть, для глубокой древности характерны были гигантские, тщательно продуманные и спланированные сооружения да еще зачастую с воплощением в них астрономических, геометрических знаний. Это говорит о чем? О том, что в старину владели серьезными знаниями.

— Это же сколько людей нужно было привлечь, чтобы соорудить такую машину?

— Самое любопытное, что раньше людей по количеству было гораздо меньше на Земле, чем сейчас. Да и те были разбросаны по земному шару. Это же не сегодняшние наши миллиарды.

— Интересно, а зачем им нужно было сооружать эти дольмены?

Николай Андреевич пожал плечами.

— Считается, что это «погребения витязей», хотя в основном многие из дольменов пусты. Никаких тебе следов бранных человеческих останков. Главное, эти дольмены есть по всему миру, на всех континентах разбросаны. В одних только регионах доисторической Европы более тысячи примерно одинаковой архитектуры. Ученые даже вычислили по обмерке каменных монолитов, что в древние времена в Европе была общепринята одна и та же мера длины — мегалитический ярд. Он равнялся 82,9 сантиметра. Следовательно, можно смело предположить что те, кто строил, неплохо владели еще и математикой. Кроме того, непонятно, как они все это

устанавливали.

Обойдя дольмен, мы присоединились к Сэнсэю и Валере, которые уселись на камни, валявшиеся неподалеку. Чуть позже рядом расположились Ваню с Сергеем. Некоторое время мы все молчали, наслаждаясь картиной природы. Ветер властно прогуливался волнами по зеленому склону горы, шевеля верхушки деревьев, расположенных ниже. Чарующий горный пейзаж, открывающийся с этого места, завораживал своей объемной панорамой. Вокруг царил необыкновенный покой — вечный страж многовековой памяти.

— Да... — задумчиво сказал Сэнсэй. — Сколько лет прошло...

Сергей глянул на него и как-то робко спросил:

— Интересно, сколько же веков этому старичку-дольмену?

— Много... очень много, — ответил Сэнсэй. — Это дольмен Прави. Он был возведен еще во времена Альт-Ланды, когда и моря-то Черного здесь не было... — и неожиданно добавил: — Тут если прямую линию визуально провести вот в этом направлении, как раз она бы вышла на «резиденцию» Ригден Джаппо, которая когда-то находилась поистине в райском месте. К сожалению, ныне там плещутся волны Черного моря.

— Так что, при желании можно отыскать на дне остатки этого древнего сооружения?

— При желании все можно, — добродушно ответил Сэнсэй.

Сергей немного помолчал, а потом сказал:

— А камни этих глыб явно не местные, судя по породе.

Сэнсэй кинул взгляд на дольмен.

— Да, их взяли километров за девяносто отсюда.

— Красивые, — произнес Сергей.

— Да, — подтвердил Сэнсэй.

Все посмотрели в ту сторону. Честно говоря, я так и не поняла, о какой красоте шла речь.

Камни как камни, ну, немножко отличаются от местных камней. А так...

— Здесь был похоронен один из Прави, — промолвил Сэнсэй.

— Так что, тут покоятся его останки? — поинтересовался отец Иоанн.

— Это последнее пристанище его тела на Земле. Отсюда он ушел в Нирвану.

— Если здесь похоронен сам Прави, то тут по идее должна быть мощная энергетика, — заметил Сэнсэй. — Маленький кристалл и то как чувствовался, а здесь целый дольмен. И никаких тебе внутренних ощущений.

Сэнсэй, глядя куда-то вдаль, произнес:

— Этим камням уже много тысяч лет. Бывший здесь энергетический фон уже давно рассеялся. Данные камни — достаточно слабый излучатель по сравнению с кристаллом. Поэтому ничего нет удивительного в том, что вы ничего не чувствуете.

Николай Андреевич, Валера и Сергей почти одновременно в изумлении глянули на Сэнсэя, очевидно, не меньше меня заинтригованные этой информацией.

— А другие дольмены тоже подобного назначения? — спросил Николай Андреевич.

— Смотря какие, — пожал плечами Сэнсэй. — Иногда это были творения Гелиаров и Этимонов. Эти дольмены раньше использовали и как ловушки силы.

— В каком смысле? — спросил Сергей.

— Да потом как-нибудь расскажу... Позже люди стали подражать им в строительствах уже меньших дольменов.

— Значит, в этом покоятся останки Прави? — вновь уточнил отец Иоанн.

— Да нет там никаких останков.

— Как нет? Ты же сказал, он тут похоронен.

— Здесь он умер в нашем понимании этого слова. А по факту сознательно ушёл в Нирвану,

прежде разрушив своё тело на атомные и субатомные частицы. Так что здесь ты даже праха не найдешь.

Вано недоверчиво покосился на Сэнсэя и тихо сказал:

— Так не бывает.

— Еще как бывает, — добродушно ответил ему Сэнсэй. — Тело человеческое есть лишь иллюзия, как всякая материя. Это сфокусированная волна. И я тебе об этом уже неоднократно рассказывал. При желании с ним можно сотворить все, что угодно, особенно если Человек, пребывающий в нем, достиг значительных духовных высот. Он может спокойно разложить свое тело по энергетическим составляющим, а может сохранить тело в самом наилучшем виде, затормозить жизненные процессы настолько, что его органика очень долго будет сохраняться практически живая, хотя его там по сути уже не будет. То есть его тело ничем — ни органикой кожи, ни волос, ни ногтей — не будет отличаться от органики живого. Даже запаха, возвещающего о процессе гниения, не будет. Одно благоухание! Причем неважно, где это тело будет находиться: в земле, в пещере или на открытом воздухе. Вариаций с материей масса. Ведь если в тебе главенствует душа, открывается сила Бога. А для Божьей силы невозможного просто не существует.

— Ну, с последними утверждениями я, безусловно, согласен, — также мягко проговорил отец Иоанн и тут же возразил: — Но ведь даже мощи святых подвержены процессу разрушения органики.

Сэнсэй таинственно улыбнулся, глядя на него каким-то пронизательным взглядом, и молвил:

— В твоей жизни будет случай, когда ты сможешь лично убедиться в моих словах. Через пять лет в Бурятии ты будешь присутствовать при извлечении тела буддийского монаха, похороненного в 1927 году.

— Я?! — удивленно вскинул брови отец Иоанн. — В Бурятии? Да что я там забыл, да еще у могилы буддийского монаха?.. Ты шутишь?

— Отнюдь, — ответил Сэнсэй.

Вано с улыбкой смотрел на друга, пытаясь определить для себя процент правды в его словах. Сергей же похлопал батышку по плечу и произнес, прицелкнув языком:

— В каждой шутке есть доля шутки. Так что как ни крути, а тебя ждет одна дорога — в Бурятию!

И сделал приглашающий жест в ближайшее будущее. Все рассмеялись.

— Да, Сэнсэй, круто ты меня послал, — усмехнулся Вано. — Надо же, в Бурятию! Не мог уже куда-нибудь поужнее, например, там, на Канарские острова...

— Та, — махнул рукой Сэнсэй, поддерживая его шуточный тон, — зачем они тебе нужны, те Канары? Там скоро снег выпадет и будет холодно.

— Ты чё, Сэнсэй, это же Канары! Это же Испания, северо-западное побережье Африки! Какой снег среди вечного лета?! — смеясь, возмутился Вано. — Нет, ты точно географии не знаешь!

— Да я виноват, что ли, если она каждый раз меняется? — в тон ответил ему Сэнсэй. — Попробуй, запомни все эти земные дробы с дробинками.

Все вновь рассмеялись.

— А что, жизнь — штука непредсказуемая, — лукаво проговорил Сергей. — Я, например, не давеча как несколько часов назад видел себя стоящим в церкви, в рясе, с бородой и крестом на пузе. И к чему бы это?

Сергей глянул на Сэнсэя.

— Ну, пути Господни неисповедимы, — невозмутимо ответил тот.

— А вот что я видел, — неожиданно сказал Николай Андреевич серьезным тоном. — Сначала какие-то непонятные, я бы даже сказал, неестественные знаки природы. Якобы после землетрясения и затмения луны ядовитая змея, совершенно не привычная для наших мест, разворошила в лесу большой муравейник и улеглась в его середине, давя муравьев своим весом. Лежит она, а к ней со всех сторон подползают рабочие черные муравьи, лезут прямо под нее, словно не замечают опасности. А она знай проворачивает свои кольца и давит их своей массой. Я взял палку и хотел ее прогнать. Змея как зашипела, как встала в стойку кобры... Да такая здоровая, в два человеческих роста. Я со страху прямо обомлел. Смотрю, а в середине ее колец земной глобус, на памятник похож. И как только эта змея стала нападать, меня выкинуло из этого жуткого видения...

— Слышите, мужики, вы чего в пещерах, газу, что ли, какого надышались? — попытался пошутить Ваню. — Один в Бурятию посылает, второй крест на пузе рассматривает, третий вообще к рептилиям пристаёт.

Вместо ожидаемого смеха отец Иоанн увидел лишь некое жалкое подобие вялых улыбок.

— Может быть, — нехотя поддержал его шутку Николай Андреевич. — Только уж слишком все реально... Ведь та змея лишь вначале была змеей. Понятно, что я испытываю некоторый страх перед рептилиями, и мой мозг просто ассоциативно преобразовал какую-то опасность в подобный образ. А если учесть то обстоятельство, что в последние дни мои мысли были заняты вопросом о Деструкторах и Кандуках, то логично предположить, что именно об этом мое подсознание и пыталось донести до меня какую-то информацию... Так вот, едва я успел отскочить, меня вышибло из одного видения в другое, с еще более пугающей реальностью. Стою я среди огромной толпы, которая что-то скандирует. Но люди ведут себя как-то очень странно, будто сомнамбулы. Одни и те же лозунги без конца повторяют, как закодированные, одну и ту же информацию слово в слово друг другу пересказывают. За внешними улыбками — скрытая агрессивность, за «праведными речами» с трибун — сплошной обман...

Когда Николай Андреевич закончил рассказ, Сэнсэй произнес:

— То, что ты видел, это, к сожалению, ближайшее будущее, начало конца.

Сэнсэй немного помолчал, а потом вдруг без предисловий стал читать странное стихотворение:

— Во времена Перекрестья
Кривда заменит Правду.
У края за год Слово дано
Но эхо его — крик в пустоту
Мало кто слышит.
Число, в сумме бесконечность,
Перевернутая в вертикаль,
Откроет врата Гнева.
Ошибка есть ключ,
Вскрывший ящик Пандоры.
Владыка морской в день сей проснется,
Встряхнув волосами,
И сотни тысяч жизней поглотит
Первой расплатой за Глупость и Эго.
Вторая расплата настигнет внезапно
Мир людской в больший ужас ввергая...

Я слушала это странное стихотворение сплошных катастроф, безуспешно пытаюсь в мыслях конкретизировать географию и грядущее событие. Когда же Сэнсэй закончил читать, воцарилась

тишина.

— Ну, ты и загнул, — первым не выдержал Ваню. — Умеешь, однако, успокаивать.

Сэнсэй пожал плечами.

— Не время расслабляться.

— Да какой там расслабляться? У меня теперь в голове сплошные «китайские иероглифы» в древне европейском исполнении. И что этот «сборник» означает?

— Понятное дело, звезда скорю! — не раздумывая, высказался Сергей и тут же поправился, глянув в мою сторону. — Извиняюсь, конечно, за выражение.

— Ну, это и чулке понятно, а что конкретно? — добивался отец Иоанн.

— Даже если я тебе скажу, что будет конкретно, ты все равно не поверишь, — сказал Сэнсэй.

— Это почему же не поверю?!

— А ты сильно бы поверил в распад Союза, если бы я тебе об этом сказал на следующий день после того, как Батяка стал Генсеком?

— Нет, конечно.

— Вот, а теперь ты хочешь, чтобы я рассказал за то, что по сравнению с распадом Союза, как небо и земля.

— Неужели так хреново?

— Хуже.

— А лично мне кажется, что хуже, чем распад Союза, моей Родины, уже и придумать невозможно. Даже катаклизмы не так страшны, — произнес Сергей.

— К сожалению, — ответил Сэнсэй, — впереди славян ожидают такие испытания, которые, дай Бог, им выдержать и пройти! Славянские территории скоро станут очень лакомым кусочком для многих климатических беженцев земного шара. И особенно на них положат глаз Деструкторы, кои находятся сейчас в большинстве своем в «самом сильном государстве мира». Правдами-неправдами они будут предпринимать все попытки, чтобы любым способом завладеть этими землями и стать там хозяевами. Они будут вкладывать в покупку земель большие денежные средства, поскольку прекрасно будут понимать, что деньги скоро превратятся в ничто. Бумажкой не наешься. Деньги потеряют свою значимость. Кому, к примеру, будут нужны доллары, если не будет самой Америки? Так что можете не копить деньги на старость, — улыбнулся Сэнсэй, задержав взгляд на Николае Андреевиче. — Очень скоро наступят времена, когда единственной материальной ценностью среди людей станет еда, тепло и крыша над головой. Но и это, конечно, будет временным явлением, как и все в этом мире. Когда люди утратят свои материальные ценности, ради которых они жили, то на себе прочувствуют и поймут важность скорейшего обретения духовного богатства. — И помолчав немного, добавил: — Планету ждут серьезные, большие катаклизмы. И лишь духовное объединение славян сможет спасти и помочь выжить людям на Земле. Поскольку славяне — это единственный оставшийся духовный оплот мира, способный спасти не только самих себя, но и человечество в целом. В противном случае, если в людском мире по-прежнему будет сохраняться доминация Животного, которое, естественно, попытается раздробить славян и сделать из них рабов Эго, в истории этой цивилизации будет поставлена окончательная точка...

Перед моими глазами, словно вживую, вновь предстали картины увиденных в Храме глобальных катастроф. Мир рушился за короткий промежуток времени. Многие люди гибли, застигнутые врасплох природным гневом. Я чувствовала, что этот мир балансировал на грани огромной пропасти. И прекрасно понимала, что в этой мясорубке природных катаклизмов и людской злобы выжить мало шансов у всех людей, в том числе, и у меня. Это обостряющееся ощущение неизбежной гибели придавало новый импульс жизни, ценности проживаемых

мгновений. И захотелось только одного: прожить эти последние мгновения с максимальной пользой для своей души, во имя Бога и на благо людей.

Во время моих размышлений к моему очередному удивлению разговор мужчин зашел о Гелиарах.

— ...Раз наступает такой глобальный конец, так хоть перед смертью по-настоящему уважить свою душу, оказывая духовную помощь людям, служа на их благо, — закончил свою речь батюшка.

— Да, Гелиары жили совершенно другой, настоящей реальностью, а не той материальной иллюзией бесконечных проблем, в которой пребывает человечество, — кивнул Сэнсэй, отвечая отцу Иоанну. — Своей ежедневной борьбой с нечистью они совершенствовались и наращивали духовную силу. Духовная же сила может не только управлять стихиями, но и двигать планеты. **Нет ничего невозможного для того, кто пребывает в реальности Бога.** Поэтому Гелиары и Этимоны по праву назывались Великими Воинами. Эти люди, вышедшие из простых смертных, сумели побороть в себе Животное, обрести целостность и вступить в битву с нечистью за людей на той стороне сознания. Чистотой своего духа, своим реальным служением Богу они заслужили себе самую ценную духовную награду: обрели власть над смертью и право уйти в Нирвану, в настоящую реальность Бога. Оценить это счастье близости с Богом может лишь тот, кто каждый день приближался к нему в упорном духовном труде.

— Да, — задумчиво произнес Николай Андреевич, — это действительно не сравнимо ни с какой земной наградой, признанием обществом твоих заслуг. Да в общем-то и признание это во многом фальшивое, так, одобряющий хлопок по плечу...

— ... и смачный пинок под зад, — закончил его предложение Сергей.

— Вот то-то и оно, — печально промолвил Николай Андреевич. — Одна кажущаяся видимость.

— Люди во многом заблуждаются, считая, что истинная награда — признание их заслуг окружающим обществом, — проговорил Сэнсэй. — От этого внешнего сюжета внутренняя суть человека не обретет своей целостности. И на подсознательном уровне человек так и остается неудовлетворенным со своим комплексом психологических проблем... Жизнь пролетает быстро, и кажущиеся важными ценности также меняются достаточно часто. И это неудовлетворение собой, обман надежд, собственных иллюзий в прожитой жизни, в конце концов, лишь усиливает гнет внутреннего груза причинности и бессмысленности своего существования. Все, что ранее казалось важным, со временем теряет свою актуальность и превращается в прах, ненужный хлам прошлого. Каждый человек, оценивая прожитую жизнь, пытается утешить сам себя в оправданиях, что все же он прожил не зря. Почему? Потому что на самом деле понимает, что, несмотря на все события, он остается неудовлетворенным, ведь жизнь внутри его была пуста. Все силы он растратил на внешнее, не удосужившись поработать над внутренним. И все внешнее оказалось как дым, как мираж, ослепив своим видением и канув в темноту.

Животное начало всегда найдет путь обмана. Поскольку этот мир есть его вотчина. Человек же здесь как гость. Мир этот временный, попросту иллюзия, где каждый индивид, попадая в него, мечтает обрести счастье. В разные времена царит разная иллюзия этого счастья. Сегодня — это мода на деньги. Многим кажется, вот они заработают немного денег и достигнут желанного счастья. Денег человек заработал, а в душе по-прежнему тоскливо. Думает, ну, вот разбогатею, тогда уж точно обрету счастье. Разбогател, а внутри все чего-то не хватает. Человек мечтает, ну, сейчас обрету власть, и больше ничего не нужно. Обрел власть, а неудовлетворенность все присутствует. Ну, думает, вот достигну президентского кресла. И тут, став президентом и оставшись наедине все с той же проблемой отсутствия счастья, понимает,

что все его старания были напрасны. Ничего из пройденного пути не принесло ему долгожданного счастья. Потому что настоящее счастье человек может обрести только внутри себя, пребывая в гармонии со своей душой.

Есть одна доходчивая притча на сей счет, правда, очень древняя и длинная. Но если коротко о главном, то в современном понимании она звучит приблизительно так. «Природа не спрашивала, когда воспроизводила человека на свет, хочет ли он глотка жизни. Но человек подрос и стал мыслящим существом среди таких же, как он сам. Когда он ходил в детский сад, ему хотелось поскорее пойти в школу. Ведь там, он думал, будет гораздо интереснее. Подрос человек и пошел в школу. Но его быстро постигло разочарование. Оказывается, в школе такая же скучная жизнь, только еще проблемы появились. И человек мечтает скорее окончить школу и поступить в институт. Вот там-то, по его мнению, настоящая жизнь. Оканчивает школу, поступает в институт. Жизнь, о которой мечтал, все не наступает, а проблем еще прибавилось. Человек думает: ладно, устроюсь на хорошую работу и должность себе покруче отхвачу, заведу семью, вот тогда проживу как следует. Прошло время, исполнились его намерения. А настоящей жизни как не было, так и нет, все какие-то хлопоты, сплошная череда нескончаемых проблем. Человек думает: вот на пенсии уж точно реализую все свои мечты. Дожил до пенсии, старый стал, никому не нужный. Оказывается, и смерть не за горами, и пожить толком не успел, и мечты о счастье так и остались мечтами. Жизнь пролетела от детского садика до пенсии, а человек так и не познал, какая она — *настоящая жизнь*. Как пришел в этот мир голый, так и ушел, ничего не взяв с собой. Природа не спрашивала, когда забирала человека на тот свет, хочет ли он сделать еще один глоток жизни». А мораль такова, что самый большой обман Животного заключается в том, что оно пытается скрыть от человека настоящую силу его внутреннего и то, что рано или поздно, но наступит «сейчас», в котором он умрет, каких бы он ни строил планов на свое будущее...

Сэнсэй говорил, а во мне возникали разные чувства. Да, если смотреть с позиции материи, жизнь вроде и бесценна, единственна и неповторима. Но, если разобраться, то мы действительно живем в потемках своих иллюзий. И главное, все силы отдаем своему внешнему, не заботясь о своем внутреннем. Живем какой-то призрачной надеждой, что уже завтра жить станет лучше. Если мы утрачиваем эту надежду, то впадаем в уныние от бессмысленности своего существования. А ведь жизнь — это постоянное «здесь и сейчас». И, в первую очередь, — это жизнь твоего внутреннего состояния, жизнь твоих мыслей. Но если душа находится в постоянном внутреннем угнетении нескончаемых желаний материи, разве это жизнь? Это бесконечное страдание.

— ... Гелиары тем и отличаются от простых людей, что они рвут иллюзию Животного, — продолжал рассказывать Сэнсэй. — Для них жизнь — это борьба. Они посвящают ей свою жизнь и ни секунды не тратят на иллюзию. Гелиары служат Богу, борются за жизни простых людей, отбивая у нечисти охоту беспредельничать. У людей из поколения в поколение передаются легенды о последнем сражении сил Добра и Зла. Гелиары же не дожидаются его, а мужественно вступают в битву «здесь и сейчас». Они жертвуют своей жизнью во имя людей, во имя их спокойствия, дабы люди могли познать красоту творения и любовь Господа. — Сэнсэй вытащил из кармана коробочку очень похожую на ту, что я видела во «сне». От неожиданности у меня аж дух перехватило. Но он, повертев её в руках, не стал открывать. — Безусловно, это действительно путь, который позволяет за короткий промежуток времени попасть в реальность Бога. Но вы, мужики, не представляете, насколько он тяжелый... Во-первых, это далеко не безопасный путь. Вы не ведаете, что такое бой с нечистью, сколько он потребует от вас мужества и усилий. Это ни в какое сравнение не идет даже с тем опытом, что у вас имеется. Потому что, чтобы вступать в борьбу с нечистью, нужно, в первую очередь, приложить

максимум усилий, дабы свое Животное посадить на цепь, иначе оно вас уничтожит. Во-вторых, вы не представляете себе, что такое жизнь Гелиара. Это двойное существование, где помимо обычной жизни для глаз окружающих, Гелиар ведет напряженную, ежедневную, изматывающую духовную работу, которая никогда не будет оценена ни вашими близкими, ни уж тем более теми, кого вы защищаете. Поскольку люди остаются людьми. Каждый из них занят своим бытием, живет своей жизнью, блуждая бесприютным призраком в потемках своего Животного. Нужно настолько любить людей, чтобы оказывать безвозмездную помощь даже тем, кто кажется вам совершенно недостойным её иметь. Так что путь не из легких. На такой духовный подвиг способен далеко не каждый. Прежде всего, надо иметь действительно огромное желание помочь людям, доброту в вашем сердце и чистую веру в Бога. Так что подумайте хорошо, готовы ли вы к этому? Еще не поздно отказаться...

По мере того, как Сэнсэй говорил, я почувствовала, что мой «цветок лотоса» словно стал раскрывать свои «лепестки» от прилива каких-то благодатных волн, отчего на душе сделалось очень приятно. В сознании наступила необыкновенная ясность и чистота. И тут я неожиданно поняла именно на каком-то глубоко внутреннем уровне, насколько эта помощь, о которой говорил Сэнсэй, ценна для людей! Насколько необходимо, в первую очередь, для тебя то добро, которое ты творишь втайне! В памяти всплыли строки из Библии: «Чтобы милостыня твоя была в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Ведь перед этой благой целью действительно все меркнет. Я вспомнила, как буквально несколько минут назад пыталась сожалеть о каких-то своих меркантильных, личных интересах в своей жизни. И здесь поймала себя на том, как же сильно еще во мне Животное. Как я вообще могла возвеличивать до такой степени материю, если совсем рядом со мной бесценное вечное? Какой смысл в этой брэнной материальной жизни, где ты не живешь душой, а влачишь жалкое существование? Какой смысл в ближайшем будущем, если природа восстанет против людей и будет хуже, чем самая страшная война? Успею ли я дожить до старости? И что вообще может дать старость при стремительных нынешних переменах далеко не в лучшую сторону? Какой смысл в этих иллюзорных планах на будущее, которые Животное так усиленно навязывает мне в мыслях, если в реальности не знаешь, что с тобой произойдет через минуту? И тут мне стало смешно: я заметила, что даже в этой нарастающей волне мыслей начинает бояться моё Животное. «Да и хрен с ней, с этой материей! — подумала я. — А насчет будущего... Чему быть, того не миновать. Но хоть напоследок пожить душой, для собственной совести, во имя Бога, на благо людей! Возможно, в предстоящих глобальных катаклизмах и гибели цивилизации для меня это последний шанс спасти свою душу». И хоть Сэнсэй обращался в своей речи не ко мне, и, очевидно, многого я не знала в отличие от тех, кто находился здесь, но все же и мне тоже очень захотелось стать на путь Гелиара.

После того, как закончил говорить Сэнсэй, в очередной раз, предупреждая насколько это сложный путь, точно в унисон моим мыслям Сергей произнес:

— Я для себя давно все решил. Этот мир Животного уже достал! Он словно поганка: внешне привлекает, а внутри ядовит. Лично с меня хватит его галлюциногенов.

— Дело это богоугодное, много стоит, — подтвердил отец Иоанн.

Николай Андреевич кивнул, соглашаясь с остальными:

— Чтобы там ни было, я рад такому шансу в своей судьбе.

— И я тоже! — заявила моя особа, пребывая на волне всеобщего патриотизма.

Все с удивлением обернулись. Сергей и отец Иоанн, посмотрев на мой «воинствующий» вид, как-то быстро опустили головы, чтобы скрыть улыбки. Сэнсэй же скрывать улыбку не стал и как можно мягче мне объяснил:

— Каждый, солнышко, безусловно, выбирает свой путь. Но для человека тот путь особо

ценен, который ему не только под силу преодолеть, но и на котором он сможет с максимальной пользой реализовать свой индивидуальный внутренний потенциал.

Он замолчал и внимательно посмотрел на всех присутствующих пронизательным взглядом, особенно задержав его на мужчинах, точно изучая самые потаенные глубины их внутреннего мира. Потом глянул на сияющий солнечный диск и промолвил:

— Ну что ж, раз вы так решили, так тому и быть! Значит, **пришло время эзоосмосу Гелиаров вновь увидеть солнечный свет.**

Он открыл коробочку и освободил из ткани... ту самую тамгу Прави! Солнечные лучи небесного светила приветливо заиграли на ее поверхности в руках Сэнсэя. Воздух вокруг словно вздрогнул, когда древние кристаллы вспыхнули в ответ ослепительным светом, озаряя наши лица изумительным блеском своих идеальных граней. Эти сияющие, чистые лучи стремительно заполняли окружающее пространство. Казалось, для них не существовало никаких препятствий. Безудержным потоком они хлынули в наши души, порождая невероятный внутренний всплеск могучих сил Добра.